

К 200-летию

Института востоковедения РАН

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В. М. АХМЕДОВ

**СИРИЙСКОЕ ВОССТАНИЕ:
ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, ИДЕОЛОГИЯ**

МОСКВА
2018

Ответственный редактор:

А. М. Хазанов

Ахмедов В. М.

Сирийское восстание: история, политика, идеология / отв. ред. А. М. Хазанов; Институт востоковедения РАН. – М., 2018. – 196 с.

ISBN 978-5-89282-820-8

Монография посвящена событиям в Сирии, ~~которые автор характеризует как восстание~~, охватившее страну в марте 2011 г. и продолжающееся до сих пор. Выделяются основные этапы восстания, его движущие силы и участники, анализируются социально-политические и идеологические предпосылки, подводятся предварительные итоги восстания и определяются возможные перспективы развития ситуации. Автор констатирует, что в результате длящейся более 7 лет гражданской войны, в которую оказались активно вовлечены международные и региональные державы, политическая система Сирии оказалась фактически разрушенной, и ее предстоит отстраивать заново. В исторической ретроспективе рассматривается процесс политического становления, формирования и эволюции государственных институтов в Сирии при правлении Асадов, подробно анализируются исторические предпосылки появления в стране радикального ислама и исламистской оппозиции, основу которой составляет движение провинциального салафизма. Показана роль военных на различных этапах сирийского восстания и средства политического контроля над силовыми структурами Сирии. Важное место в работе уделяется внешнему фактору, в частности роли России в сирийских событиях, предложены варианты решения сирийского кризиса, особенно на этапе политического урегулирования.

© Ахмедов В.М., 2018

© Институт востоковедения РАН, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	7
Часть I. ОСОБЕННОСТИ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АСАДОВСКОЙ СИРИИ И ЕГО ИТОГИ	13
<i>Глава 1. Общая характеристика общественно-политической системы Сирии и специфика ее развития</i>	13
§ 1. Ключевые институты государственной власти в Сирийской Арабской Республике (САР) и пути их эволюции.....	14
§ 2. Институт президента.....	17
§ 3. Партия арабского социалистического возрождения (ПАСВ).....	20
§ 4. Силовые структуры	23
§ 5. Правящая элита.....	27
<i>Глава 2. Некоторые направления и результаты социально-политического и экономического развития Сирии накануне восстания</i>	32
§ 1. «Дамасская весна»	32
§ 2. Модернизация экономики и социальной сферы.....	35
§ 3. Попытки реформ партийно-политической системы	37
§ 4. Реформы госаппарата и силовых структур.....	42
§ 5. Некоторые итоги правления Б. Асада и ситуация в Сирии накануне восстания	44
Часть II. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СИРИЙСКОГО ВОССТАНИЯ	48
<i>Глава 1. Начальный этап сирийского восстания</i>	49
§ 1. Никто не хотел революций?	49
§ 2. Кризис власти и обострение противостояния	57
§ 3. Начало вооруженного противоборства	62
§ 4. Реакция международного сообщества и региональных государств. Начало интернационализации конфликта	65
§ 5. Сирийская оппозиция и национальная армия. Рост конфессиональных противоречий.....	69
§ 6. Милитаризация восстания	74

<i>Глава 2. «Исламистский поворот».</i> Предпосылки, теория, идеология	80
<i>Глава 3. Гражданская война в Сирии</i> и вооруженная исламистская оппозиция	94
<i>Глава 4. Роль «Братьев-мусульман»</i> в сирийском восстании	107
<i>Глава 5. ИГИЛ в Сирии и борьба с терроризмом.....</i>	121
<i>Глава 6. Борьба за Сирию.</i> Роль внешнего фактора, предварительные итоги и перспективы	134
<i>Заключение</i>	162
<i>Библиография</i>	170
<i>About the author/Об авторе</i>	181
<i>Аннотация</i>	183
<i>Summary</i>	185

Введение

За всю новейшую историю Ближний Восток не переживал столь опасного периода, как за последние два десятилетия. В ряде стран региона бушуют гражданские войны. В них оказываются вовлечены не только региональные игроки, но и ведущие международные державы, которые борются за передел региона на выгодных им условиях. Такая ситуация чревата не только подрывом региональной системы безопасности, но в перспективе угрожает суверенитету и территориальной целостности этих государств.

Подобное развитие событий во многом было предопределено общей отсталостью региона, нерешенностью арабо-израильского конфликта, последствиями войн в Ираке и Ливане, так называемой «арабской весной», а также неспособностью международного сообщества вывести эти конфликты на путь политического урегулирования.

Тщательно отстроенная в конце 1960-х – начале 1970-х годов XX столетия политическая архитектура Ближнего Востока, в соответствии с которой регион был вписан в систему мирохозяйственных связей, мировую политику эпохи холодной войны и последовавшей «разрядки», претерпела серьезные изменения.

Начали рушиться скрепы, которые надежно удерживали регион в прежнем состоянии «цивилизованного колониального господства». Этот процесс был подкреплён силовой политикой США, которые после распада СССР быстро нашли нового «мноуголикого противника» в виде исламского терроризма и атомного Ирана.

Подобные изменения не могли не повлиять на характер внутренних процессов в отдельных арабских государствах и в регионе в целом. С учетом явной неготовности большинства арабских стран быстро реагировать на подобные перемены

их политика восприятия новых реалий и попытки адаптации к ним местных властных элит во многом носили реактивный характер.

В начале 2000-х гг. под воздействием демонстрационного эффекта демократизации в других регионах некоторые арабские правительства попытались укрепить свою легитимность путем выборов. Однако в главном выигрыше от этой либерализации оказались политические движения ислама и их организационные структуры.

В то же время эти организации не обладали устойчивыми политическими позициями внутри своих стран и не пользовались согласованной поддержкой различных слоев общества, в силу чего их влияние на процесс принятия решений носило по большей части ограниченный и опосредованный характер.

С другой стороны, еще меньшим влиянием на процессы выработки решений располагали светские политические партии, будь то запрещенные или легализованные. Последние, будучи встроенными властями в структуру квазиполитических объединений типа «народных фронтов» под руководством партии власти, служили внешним «демократическим» обрамлением однопартийных по сути режимов. В результате они испытывали острый кризис политической самоидентификации, а в их руководящих структурах шла ожесточенная борьба за лидерство.

Большинству ближневосточных правителей все труднее становилось «покупать» лояльность населения. В первой декаде XXI в. исламистские движения и партии добились явных успехов на выборах в Ираке, Египте, Палестине, Ливане по сравнению с их либеральными светскими соперниками. Данный факт порождал в кругах арабской правящей элиты законные опасения за собственную судьбу и будущее государств. В ряде случаев это привело к тому, что в отдельных странах региона процессы реформ явно застопорились.

В то же время в большинстве стран Ближнего Востока наблюдался рост социального напряжения. Решение острых социальных вопросов было невозможно без структурных реформ экономики и определенной либерализации действующей политической системы.

Пришедшие к власти во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. молодые арабские лидеры сталкивались с немалыми трудностями. Практически все они оказались у власти не в итоге борьбы за нее, а получив по наследству от своих отцов.

Произошло это в результате компромисса интересов различных элитных групп, достигнутого во многом не столько за счет добровольного согласия этих групп и демократического выбора народа, сколько путем целой серии хитроумных политических комбинаций и силовых ходов местных спецслужб по нейтрализации возможных соперников и конкурентов. Поэтому они даже после прихода к власти в течение достаточно длительного времени были лишены реальных властных полномочий. Им приходилось, прежде всего, думать о создании собственной властной команды, одновременно балансируя между различными «центрами силы» и периодически доказывая легитимность своей власти и способность к руководству государством как внутри собственной страны, так и за ее пределами.

Отказ от каких-либо серьезных реформ в политической и экономической сферах вел к маргинализации значительной части городского населения арабских стран, которое увеличилось в результате быстрых темпов демографического роста и развития процессов урбанизации. Эти процессы, однако, происходили при сохранявшихся авторитарных методах правления, базировавшихся на принципах личной власти, а также в условиях конфессиональной, клановой и земляческой общности. Пауперизация немалой части населения арабских стран сопровождалась обогащением части руководящей верхушки, контролировавшей основные финансовые потоки страны.

Попытки теоретически обосновать предпринимаемые местными властями действия на основе прежней идеологии не давали желаемого результата. Более того, как правило, они вели к падению популярности институтов, воплощавших эту идеологию среди населения, и заполнению возникавшего идеологического вакуума религиозной идеей, главным образом исламизмом. Служившие на протяжении нескольких последних десятилетий секулярные идеи панарабизма и арабского национализма в качестве идеологической и легитимизирующей основы (будь то насеризм в Египте или баасизм в Сирии

и Ираке) для правящих арабских режимов не нашли своего практического воплощения.

Арабские правительства не смогли решить главные для своего региона проблемы: преодолеть экономическую отсталость, вернуть оккупированные территории, обеспечить создание единого палестинского государства, защитить арабские народы от угроз внешней агрессии и междоусобных конфликтов. Таким образом, накануне революций власть стала утрачивать доверие и легитимность в глазах собственного народа.

В этой связи светские в своей основе идеи арабского национализма и движения панарабизма стали замещаться организациями политического ислама с новой идеологией, пытавшейся совместить идеи гражданственности с идеологией исламизма в качестве принципа государственного строительства.

Некоторые подобные движения и организации, особенно те из них, которые выступали внутри своих стран с радикальных позиций, требуя восстановления социальной справедливости и равенства, пользовались поддержкой определенной части населения. Однако это вовсе не означало, что, получив власть в постреволюционный период, они были способны удержать ее в течение достаточно долгого времени, а тем более – могли справиться с решением сложных внутри- и внешнеполитических задач самостоятельно, без существенной собственной трансформации. Эти организации не пользовались согласованной поддержкой различных слоев общества. У них не было необходимого опыта государственного управления и выработанных программ развития, которые бы учитывали интересы многоконфессионального и полиэтнического населения этих стран.

Сама же исламская теология испытывала немалые сложности в объяснении происходящего. Это давало почву для возникновения различного рода радикальных и экстремистских настроений и образования религиозных организаций, чья практика сильно отличалась от постулатов подлинной веры.

Важные политические события, произошедшие в государствах Ближнего Востока в канун арабских восстаний, затронули различные сферы экономической и духовной жизни арабов. В сознании людей произошли серьезные сдвиги, что способствовало формированию новых элементов

общественно-политической мысли. Все это наложило определенный отпечаток на процесс эволюции современной социально-политической мысли на Арабском Востоке и поведенческий стереотип арабских народов.

В результате в канун революционных событий многие арабские государства представляли собой внутренне раздробленные страны. Власть в них аккумулировалась в руках различных кланов и властных команд: партийно-бюрократических, силовых, олигархических, региональных, этнических, конфессиональных, племенных. Их население было склонно олицетворять свою безопасность и благополучие не столько с институтами государства, сколько с родством или принадлежностью к одному из таких кланов или команд.

Основные административные рычаги и финансово-экономическая мощь были сосредоточены в руках традиционных правящих элит с омолодившейся в ряде арабских стран властной верхушкой. Поэтому акцент как прежних, так и новых, молодых лидеров арабских стран был сделан на «ручном управлении» и преждевременности каких-либо политических реформ, представлявших угрозу стабильности власти.

Не являлась исключением и Сирия. Однако опыт сирийского восстания, как ни парадоксально это будет звучать, приобрел исключительный характер.

Начавшаяся в марте 2011 года сирийская революция уже давно утратила свой первоначальный характер и переродилась в кровопролитную гражданскую войну, которая поставила страну на грань территориального раскола и утраты национальной идентичности.

Действительно выдвинутые первоначально лозунги свободы, плюрализма, демократии, которые отражали в своей основе законные требования широких слоев сирийского населения, оказались выхолащены и постепенно трансформировались в религиозные призывы экстремистского характера. Это в конечном итоге привело к подмене изначально сформулированных целей протестного движения задачами (поддержанными частью оппозиции) установления религиозного государства.

Подобная трансформация была во многом связана с целым рядом факторов, в том числе с ростом милитаризации сирийского восстания, слабой перспективой достичь разрешения кризиса политическим путем, неспособностью международного сообщества вывести мирные переговоры из тупика.

Значительные жертвы среди гражданского населения, сотни тысяч погибших, миллионы беженцев, колоссальные разрушения – всё это вело к изменению мировоззрения широких масс сирийского населения.

Вышедшие на передний план междоусобной борьбы в Сирии религиозные, конфессиональные, этнические, земляческие аспекты в сочетании с беспрецедентной интернационализацией конфликта и активным вовлечением в него разновекторных и разновесных инонациональных вооруженных формирований серьезно осложнили перспективы достижения мира в этой арабской стране.

В результате гражданской войны прежняя политическая система государства и его основные институты оказались сегодня фактически разрушенными. Они не способны играть самостоятельную роль в завершении этого конфликта, тем более – управлять восстановлением и развитием страны в мирных условиях без внешней поддержки.

Отличительной особенностью прежней политической модели развития Сирии являлась институализированная форма авторитаризма и сильное с точки зрения безопасности государство. В связи с вышеизложенными положениями автор считает уместным уделить внимание рассмотрению прежней системы власти в Сирии и дать характеристику состояния страны и общества накануне восстания. На наш взгляд, обращение в недавнее прошлое, которое прочно вписано в контекст сегодняшних событий, могло бы способствовать более глубокому пониманию причин возникновения сирийского восстания и, возможно, дать некоторые рецепты для выработки алгоритма его разрешения и выстраивания новой Сирии.

Часть I

ОСОБЕННОСТИ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АСАДОВСКОЙ СИРИИ И ЕГО ИТОГИ

Глава 1

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СИРИИ И СПЕЦИФИКА ЕЕ РАЗВИТИЯ

Приход Хафеза Асада к власти в Сирии в ноябре 1970 г. явился переломным моментом в современной истории страны¹. До этого времени Сирия представляла собой внутренне нестабильное государство без самостоятельной политической линии и четкой национально-государственной идентичности. Х. Асад смог превратить Сирию в сильное централизованное государство.

Характерной особенностью внутренней ситуации в Сирии при Х. Асаде была ее относительно устойчивая стабильность. Президент при опоре на свое ближайшее окружение в течение 30 лет уверенно контролировал обстановку и проводил тщательно взвешенную линию на подготовку страны к переходу в новую политико-экономическую реальность. Данное обстоятельство позволяло избегать нежелательных социально-политических перегрузок в обществе.

¹ Подробнее об этом периоде истории Сирии см.: Ахмедов В.М. Сирия на рубеже столетий. Власть и политика. ИИИИБВ. М. 2003.

§ 1. Ключевые институты государственной власти в Сирийской Арабской Республике (САР) и пути их эволюции

Начавшаяся формироваться в САР с 1970-х гг. современная политическая система предусматривала сильное президентское правление с преимущественной опорой на армию и спецслужбы при сохранении законодательного режима чрезвычайного положения, установленного с начала 1960-х гг. Под Х. Асада были приспособлены основные механизмы управления, которые с течением времени приобрели устойчивый характер. Действительно, при Х. Асаде в Сирии действовала так называемая двухуровневая система организации власти.

Внешне функционировала стандартная управленческая структура во главе с правительством и контролируемым государством институтами. Большинство этих институтов было создано самим режимом, и действовали они в рамках установленной иерархической системы, освященной конституцией и идеологическими установками ПАСВ. Эти государственные институты включали администрацию президента, парламент (Народный совет), Совет министров.

Наряду с этим в Сирии действовали общественные и профессиональные организации, представлявшие интересы различных слоев сирийского населения: профсоюзы, ассоциации крестьян, ремесленников, лиц свободных профессий, студенческие союзы, женские организации. Эти формальные, «фасадные» государственные и общественные институты выполняли в основном задачу легитимации власти и служили эффективным инструментом социальной и экономической мобилизации населения.

Такая система позволяла власти привлекать на свою сторону новых сторонников, доказавших свою преданность и лояльность режиму, и назначать их на руководящие должности, постепенно продвигая к реальным центрам власти².

Наряду с этой формальной структурой действовал реальный механизм власти, представленный высшим руководством

² Сирия. Справочник. М. 1992. С. 173–180; 195–210.

спецслужб и армии, то есть теми, от кого на деле зависели стабильность и будущее режима. Военные занимали ключевые позиции в правящей иерархии. Их властные полномочия могли быть не прописаны в конституции, но они обладали огромным политическим влиянием и силой, являясь своеобразными скрепами правящей элиты.

Работа формального государственного аппарата осуществлялась в двух плоскостях: административной и партийной.

Каждые четыре года партийные организации избирали депутатов на съезд Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ), который формировал новый состав высших партийных органов: Центрального комитета (ЦК), насчитывавшего 90 членов, и Регионального руководства (РР) – 21 член. Формальный административно-управленческий аппарат теоретически должен был работать параллельно с ПАСВ. На практике он находился под ее полным контролем. Каждые четыре года в парламент избиралось 250 депутатов. ПАСВ осуществляла руководство партиями, входившими в состав Народного совета, где ей принадлежало около 60% мест. Остальные места принадлежали «независимым» кандидатам. Согласно конституции, парламент называл кандидатуру на пост президента. Однако вначале он должен был быть утвержден Региональным руководством (РР) ПАСВ. Парламент также принимал законы, утверждал бюджет, одобрял планы хозяйственного развития и ратифицировал международные соглашения.

Исполнительная власть включала президента и правительство. По конституции правительству принадлежала высшая исполнительная и управленческая власть в стране. Президент назначал премьер-министра и других членов правительства, которые отчитывались перед ним и парламентом³.

В правительстве были представлены различные конфессии в соответствии с их долей в общем составе населения САР. В 1960-х гг. алавиты и представители других религиозных меньшинств из периферийных районов Сирии практически не участвовали в работе парламента. Эта диспропорция была исправлена после прихода к власти Х. Асада.

³ Сирия. Справочник. М. 1992. С. 178–185.

В Сирии также была разрешена деятельность других партий помимо ПАСВ, представлявших различные коммунистические и насеристские фракции. Реальной властью они не обладали и служили напоминанием о бурной поре политических баталий в САР 1950–1960-х гг. Эти партии входили в состав Прогрессивного национального фронта (ПНФ), который был создан в САР в 1972 г., во главе с Х. Асадом. При этом начиная с середины 1990-х гг. сирийское руководство стало более внимательно относиться к предложениям входящих в состав ПНФ партий по их более активному подключению к процессу принятия политических решений⁴. Этот процесс в Сирии проходил несколько этапов и включал подготовку информационных документов (в ряде случаев – устных докладов) президенту, рабочие встречи и консультации главы государства с некоторыми приближенными к нему лицами, проведение совещаний с различным составом участников в зависимости от обсуждаемых проблем.

Решения и распоряжения Х. Асада, передававшиеся после соответствующей доработки в аппарат президента, служили основанием для рассмотрения и утверждения в нужном ключе «фасадными» структурами. Деятельность правительства в этом плане ограничивалась выполнением консультационно-информационных функций, а также реализацией выработанных властью решений.

Во многих случаях решающее слово по ряду ключевых аспектов жизни Сирии принадлежало командирам дивизий, руководству спецслужб, группе политических советников аппарата президента, верхушке алавитского духовенства. Некоторые высокопоставленные военные входили в состав Совета обороны, который занимал важное место в механизме принятия политических решений.

Как и Совет обороны, Высший совет алавитских шейхов не афишировал свою деятельность, являясь весьма тонким инструментом в механизме принятия решений. На своих ежемесячных заседаниях верхушка алавитской общины принимала решения по самым деликатным вопросам жизни общины

⁴ Сирия. Справочник. М. 1992. С. 178–185.

и страны в целом. И хотя эти решения доводились до президента в виде рекомендаций, Х. Асад, как правило, следовал им.

Главным отличием данных институтов от формальных структур власти являлось то, что в своей работе они были ориентированы на обсуждение вопросов на реальной стадии проработки, когда окончательное решение еще не было принято и могло носить многовариантный характер. Однако в последние годы жизни Х. Асада в рамках объявленной им политической либерализации мнение представителей «фасадных» структур стало чаще учитываться в процессе выработки решений по той или иной проблеме.

В последние несколько лет в целях увеличения базы своей социальной поддержки режим расширил участие в парламенте представителей суннитских бизнес-элит, особенно из Дамаска. Таким образом, президент стремился модифицировать существовавшую «формулу власти» в сторону наделения «фасадных» структур большими реальными полномочиями не только на стадии выполнения решений, но и их принятия, повысить степень их участия в управлении политическими процессами⁵.

§ 2. Институт президента

В значительной степени образ Сирии как на международной, так и на ближневосточной политических аренах ассоциировался с ее президентом, а характер власти в стране во многом определялся личностными характеристиками Х. Асада.

Х. Асад был весьма тонким и одновременно сильным стратегом. По своим политическим взглядам и убеждениям Х. Асад был скорее арабский сирийский националист и консерватор, нежели революционер-социалист. С одной стороны, он был привержен демократии, но чужд либерализму. Однако в восточном обществе понятия «демократ», «консерватор», «социалист» чаще не более чем этикетки, тогда как в решающие моменты включаются традиционные механизмы.

Одним из таких важнейших механизмов являлась клановая общность, которую Х. Асад ревностно поддерживал.

⁵ Ахмедов В.М. Политический облик режима // Азия и Африка сегодня. № 8. 1999. С. 9–16.

Верховенство точки зрения Х. Асада было бесспорно, но при этом не носило однозначного характера, особенно на этапе выработки решений.

Доминирующая роль в процессе принятия самых ответственных решений отводилась узкой группе близких лично Х. Асаду лиц из ряда высокопоставленных военных и представителей партийного и государственного аппарата. Реальная роль военных была очень высока. Они представляли собой своеобразную «правлящую партию». Элитной опорой президента и режима в целом являлось высшее алавитское офицерство, чье мнение по самым деликатным вопросам Х. Асад учитывал в приоритетном порядке. В сложившихся условиях президент Х. Асад предпочитал проводить сбалансированную и тщательно просчитанную линию на изменение структуры государственной власти. Однако с учетом неблагоприятных для Сирии тенденций изменения регионального баланса сил в 90-е гг. президент не считал нужным форсировать события и вынужден был ограничиваться половинчатыми, в значительной мере популистскими мерами, особенно в отношении представителей ведущих сирийских правящих элит, без лояльности которых ему вряд ли удалось бы осуществить свои стратегические планы в вопросах преемственности власти. Данной проблеме Х. Асад придавал особенно большое значение.

Отличительной особенностью режима Х. Асада являлась хрупкость возведенной им властной конструкции, основу которой составляли сложные сочленения межобщинных, клановых, семейных равновесий, в свою очередь построенных на межличностных взаимных обязательствах. Подобная коалиционная поддержка власти могла быть действенной только при соблюдении ряда неперемennых условий. Во-первых, участники коалиции должны были иметь хотя бы видимость участия в управлении государством. Во-вторых, основные социально-экономические потребности различных групп населения необходимо было удовлетворять, хотя бы по минимуму. В-третьих, сохранение баланса сил между различными частями этой коалиции предполагало обеспечение лидирующих позиций алавитов в армии и спецслужбах.

Только в этом случае режим мог гарантировать бесконфликтное сосуществование различных компонентов общественной базы своей поддержки друг с другом и с алавитами. Поэтому реальная опасность для власти заключалась не столько во внешних врагах, сколько в нарушении целостности созданной Х. Асадом конструкции.

При этом необходимо учитывать, что политика по использованию конфессионализма для решения стоявших перед режимом задач фактически шла по замкнутому кругу. С одной стороны, для проведения глубоких социально-экономических преобразований требовалась сильная централизованная политическая власть, а с другой – эта власть опиралась на те факторы (клановость, сектантство), которые она была призвана ликвидировать.

Таким образом, за годы правления Х. Асада в Сирии была создана авторитарная система правления и сильное с точки зрения внутренней безопасности государство. В то же время власть в Сирии не пыталась управлять обществом исключительно на основе идеологии и осуществлять контроль над общественными процессами в государстве только через свои идеологические институты, как указывали некоторые зарубежные исследователи⁶. Режим Х. Асада был персонифицирован до такой степени, что Сирия стала называться «Сирией Асада», о чем гласили многочисленные лозунги и плакаты на улицах сирийских городов. Контроль Х. Асада над системой частично обеспечивался за счет использования патронажной общественно-политической сети, базировавшейся на семейных, племенных, конфессиональных и земляческих связях.

Одновременно практиковалась институализированная форма авторитаризма. Концентрация сверхвласти в руках президента гарантировала на практике, что Х. Асад не может быть смещен конституционным путем до тех пор, пока он сам не решит покинуть свой пост.

Устойчивость власти в САР базировалась на следующих основных опорах – алавитская община и семейный клан Асадов,

⁶ См.: George Alan. Syria: Neither Bread nor Freedom. L., NY: Zed Books. 2003; Wedeen Lisa. Ambiguities of Domination: Politics, Rhetoric and Symbols in Contemporary Syria. Chicago, L.: University of Chicago Press. 1999.

ПАСВ, армия и спецслужбы, государственный бюрократический аппарат и новая национальная буржуазия. Они обладали надежными каналами управления государством, были способны защитить режим в случае необходимости и обеспечивали в целом мирное сосуществование правящих элит⁷.

§ 3. Партия арабского социалистического возрождения (ПАСВ)

С 8 марта 1963 г. ПАСВ является правящей в Сирии партией. ПАСВ сыграла важную роль в укреплении сирийского государства. Одним из самых значительных последствий баасистской революции стало укрепление и упрочение политического центра в САР. Впервые за долгие годы ПАСВ дала стране крепкое правительство, связывавшее баасистскую элиту с народом, а власти – возможность расширить политическое участие масс в общественном развитии и одновременно плотно контролировать их деятельность. Она также способствовала образованию необходимой спайки между городом и деревней, политическим центром и религиозными меньшинствами⁸.

Идеологические установки баасизма обусловили структуру ПАСВ и систему ее высших руководящих органов. Верховным органом власти в партии являлся общерабский съезд. Высшим руководящим органом ПАСВ в промежутках между общерабскими съездами было Общерабское руководство (ОР), которое управляло деятельностью всех существующих в арабских странах баасистских партийных организаций и определяло общую стратегию партии. В организационном отношении партия была построена по производственно-территориальному принципу и разделялась на 19 обкомов и парткомов.

В Сирии работой баасистских партийных организаций руководило Региональное (сирийское) руководство (РР), избираемое

⁷ Подробнее о механизме власти в САР при Х. Асаде см.: Ахмедов В.М. Современная Сирия. История. Политика. Экономика. М.: Институт востоковедения РАН. 2011.

⁸ Подробнее о первых шагах ПАСВ после прихода к власти в САР см.: Rabinovich, Itamar. Syria under the Ba'th 1963–1966. The Army-Party Symbiosis. Jerusalem. 1972. P. 57, 76; Seymour Martin. The Dynamics of Power in Syria since the Break with Egypt. Middle Eastern Studies, v. 6. January 1970. № 1. P. 38–39.

Региональной конференцией из состава членов ЦК ПАСВ. РР ПАСВ направляло деятельность обкомов, которые руководили райкомами. На заседаниях ЦК ПАСВ, достаточно регулярных в первой половине 1980-х гг., обсуждались важнейшие внешнеполитические и внутренние проблемы, вопросы внутрипартийной жизни.

Армейская партийная организация имела особый устав. Ее возглавлял специальный отдел, который имел непосредственный выход на президента как генерального секретаря ПАСВ и главнокомандующего вооруженными силами Сирийской Арабской Республики. Ведение партийно-политической работы в армии – монополия ПАСВ. Деятельность других партий, действующих вместе с ПАСВ в рамках созданного в 1972 г. Прогрессивного национального фронта – своеобразной межпартийной коалиции – в армии была запрещена. Практически все армейское руководство и высокопоставленные сотрудники сирийских спецслужб являлись членами ПАСВ. Значительное число членов партии было представлено студентами и учащимися, рабочими, крестьянами, разночинной интеллигенцией, торговцами.

Положение ПАСВ как правящей партии в стране было закреплено в 8-й статье постоянной конституции САР 1973 г. Конституция ставила ПАСВ и ее органы над административным аппаратом⁹.

С момента своего образования ПАСВ прошла значительную трансформацию. В конце 1960-х – начале 1970-х гг., особенно после прихода к власти в стране Х. Асада, ПАСВ не только принимала самое активное участие в проведении целого ряда важных социально-экономических преобразований, но и была своеобразным локомотивом и генератором прогрессивных идей в обществе. Однако по мере укрепления режима личной власти Х. Асада ПАСВ на деле оказывалась лишённой реальных директивных прерогатив. Ее влияние на формирование политического курса режима неуклонно падало. Она все больше превращалась в послушный в руках президента инструмент власти, призванный прежде всего осуществлять политико-пропагандистское обеспечение принятых решений.

⁹ Конституция Сирии от 13 марта 1973 г. в кн.: Сапронова М.А. Государственный строй и конституции арабских республик. М. 2003. С. 284–312.

В значительной степени это объяснялось спецификой эволюции в 90-е гг. политической системы Сирии, которая внутренне консолидировалась не столько партийно-политическими, сколько этноконфессиональными узлами и факторами личной лояльности Х. Асаду.

Ослабление роли ПАСВ в политической системе Сирии было видно на примере кадровой политики Х. Асада, проводившейся им в 1980-х гг. Хотя выдвижение партийных кадров на важные должности и посты в государстве являлось прерогативой Регионального руководства ПАСВ, на деле эти вопросы решал лично президент. Второстепенность положения партии в системе институтов власти проявлялась также и на региональном уровне – в углубляющемся несоответствии между формально провозглашаемым приоритетом партийного начала перед административным. Часто секретари обкомов ПАСВ, призванные играть руководящую роль на местах, оказывались в подчиненном положении у представителей местной гражданской и военной администрации. Во всех 14 провинциях САР реальная власть находилась в руках губернаторов, назначаемых и сменяемых лично президентом. По своему партийному статусу губернатор как член обкома ПАСВ находился ниже первого секретаря областного комитета. На практике же он, как и представители основных спецслужб и командиры дивизий и корпусов, дислоцированных в провинции, часто не подчинялись решениям обкома ПАСВ. В результате работа местных администраций оказывалась практически парализована. В условиях роста в САР тенденций капиталистического развития и укрепления позиций буржуазных кругов, а также углубления имущественного расслоения в сирийском обществе, усиливались процессы разложения и коррупции партийной верхушки, обострялись противоречия между рядовой массой членов и партийными верхами. В партийных рядах росли настроения разочарования, способствовавшие развитию среди рядовых партийцев левых тенденций.

Все эти негативные явления, отмеченные Х. Асадом на VIII Региональной конференции ПАСВ в январе 1985 г., не могли не сказаться на характере и деятельности партии.

По свидетельству некоторых высокопоставленных партийцев, деятельность ПАСВ к концу 1990-х гг. оказалась фактически парализованной. Достаточно сказать, что с января 1985 г. и вплоть до лета 2000 г. не удалось провести ни одного съезда ПАСВ, что казалось особенно противоестественным в условиях переживаемых страной экономических трудностей, роста социальной напряженности и углубления идейно-политических разногласий в правящих кругах¹⁰.

Таким образом, хотя президент Х. Асад и управлял Сирией от имени ПАСВ, экономическая и политическая системы власти в САР уже не так жестко соотносились с баасистской идеологией и принципами общественного согласия под эгидой партии в качестве политического авангарда.

На самом деле, желание режима сохранить свою устойчивость и реализовать намеченную схему передачи власти зачастую являлось более важным фактором, определявшим ход событий, по сравнению с партийной доктриной.

Поэтому власть в этот период в значительно большей степени опиралась на вооруженные силы и органы безопасности.

§ 4. Силловые структуры

Пожалуй, ни в какой другой стране арабского мира вооруженные силы не играли такой доминирующей роли в политической жизни, как в Сирии.

После завоевания политической независимости в апреле 1946 г. национальные вооруженные силы являлись одним из ключевых элементов политической системы Сирии. Однако если в 50–60-е гг. XX столетия армия играла по большей части дестабилизирующую роль в обществе, то после прихода к власти в САР Х. Асада сирийские вооруженные силы превратились в мощный оплот правящей элиты в поддержании внутривнутриполитической стабильности¹¹.

¹⁰ Партия Арабского Социалистического Возрождения. 8-й региональный съезд. Дамаск, 1985 (материалы съезда).

¹¹ Ахмедов В.М. Вооруженные силы в общественно-политической жизни Сирии // Восток. 2003. № 4. С. 87–99.

В период правления Х. Асада фактически было узаконено широкое участие представителей армии в партийном и государственном аппарате сверху донизу, в том числе в правительственном кабинете, в руководящих партийных органах, на дипломатическом поприще, в различных министерствах и ведомствах, в хозяйственных, банковских и коммерческих структурах. Это качественно меняло роль армии в общественно-политической жизни страны и создавало особые условия для доступа армейской элиты в высшие эшелоны власти, к ключевым хозяйственным механизмам и основным финансовым потокам страны.

При Х. Асаде армия и органы безопасности превратились в главную опору власти и через своих представителей во властных структурах стали принимать самое деятельное участие в выработке политического курса и его практической реализации. Неслучайно ближайшее окружение президента, участвовавшее в выработке и принятии государственных решений, составляли преимущественно военные¹².

Мощные армия и силы безопасности были необходимы Х. Асаду для того, чтобы добиться максимальной автономии от внешних факторов, которые на протяжении всего периода независимого развития Сирии оказывали заметное влияние на внутренние дела страны¹³. Х. Асад достиг этого, сконцентрировав власть в руках своего клана путем проведения политики социального баланса.

Если революционеры-баасисты добились внутренней независимости от прежних правящих элит, подорвав их контроль над средствами производства и мобилизовав рабочих и крестьян с помощью Партии арабского социалистического возрождения, то Х. Асад стремился использовать армию, с тем чтобы развязать себе руки и ослабить жесткие партийно-идеологические установки.

¹² Rubin, Barry, Keany, Thomas A. *Armed Forces in the Middle East: Politics and Strategy*. L. 2002. P. 117–118.

¹³ Kienle, Eberhard. *Entre jamaa et classe: Le pouvoir politique en Syrie, Ethnizitiit und Gesellschaft*, Occasional Papers no. 31, Berlin: Das Arabische Buch. 1992.

Несмотря на то что Х. Асад всегда широко опирался на поддержку армии, он стремился оградить себя от возможности военных переворотов¹⁴.

К концу 1980-х – началу 1990-х гг. армия превращается в наиболее мощный «центр силы» сирийского общества и государства. Такому положению армии в сирийской политической системе способствовал не только субъективный фактор в лице Х. Асада, но и ряд важных объективных причин.

Участие армейских частей в подавлении антигосударственного мятежа «Братьев-мусульман» 1979–1982 гг. продемонстрировало самой армии и всему обществу, что вооруженные силы являются не только инструментом обороны национальной территории, но и могут быть успешно использованы для подавления внутренней оппозиции и защиты режима. Внутриполитический кризис в САР в 1983–1984 гг. показал реальную силу военных, с которой вынужден был считаться теперь уже сам президент¹⁵.

Таким образом, сирийский генералитет дал ясно понять, что армия политически активна и сильна, а ее верхушка стремится не только сохранить определенную автономию по отношению к политической власти, но и реально участвовать в процессе выработки и принятия важных государственных решений. При необходимости военные были способны действовать самостоятельно и решительно, особенно если речь шла о защите собственных привилегий и интересов.

По мере укрепления своего авторитета армейская верхушка САР завоевала значительную властную автономию, приобрела определенную независимость и относительную самостоятельность в процессе выполнения властно-управленческих функций. Имеющийся у высокопоставленных представителей сирийской военной элиты и служб безопасности доступ к контролируемым государством ресурсам, а также их деятельность в качестве посредников между бизнесом и государством позволили им накопить немалые средства и добиться определенной

¹⁴ Хартия и устав Прогрессивного национального фронта САР // Современная Сирия. Справочник. М. Наука. 1974.

¹⁵ Seale, Patrick. *Asad of Syria: The Struggle for the Middle East*. O.: University of California Press. 1990. P. 420–440.

материальной независимости и финансовой самостоятельности в своих отношениях с политической властью.

В значительной мере власть зависела от служб безопасности, которые были главным инструментом контроля над обществом и наиболее могущественными органами государства. Они были глубоко вовлечены в повседневную жизнь страны и народа. Руководители основных спецслужб входили в круг лиц, принимавших решения по важным политическим вопросам¹⁶.

Таким образом, к началу 1990-х гг. влиятельные представители сирийского генералитета и спецслужб приобрели значительную личную самостоятельность и сформировали свой круг влияния во властных структурах. Усилившийся контроль военной элиты над обществом позволял ей оказывать все возрастающее влияние на политику государства, исходя из своих узкокорпоративных интересов, и еще больше повышать привилегии¹⁷ и социально-политические позиции своих представителей¹⁸.

Отсутствие в течение довольно долгого времени заметных кадровых подвижек на высших постах в армии и спецслужбах вело к значительному упрочению внутривластных позиций отдельных представителей сирийского генералитета¹⁹.

Опираясь на реальную силу находящихся в их подчинении частей и подразделений, тесно взаимодействуя с коррумпированными элементами государственного аппарата, пользуясь своими связями с теневыми структурами, они начинали все больше претендовать на особую роль в государстве.

Без глубокой реформы армии и спецслужб нельзя было серьезно рассчитывать на успешное осуществление планов режима по постепенной адаптации Сирии к новой

¹⁶ Perthes, Volker. *The Political Economy of Syria under Asad*. L. 1995. P. 133–202.

¹⁷ Quillian, Neil. *Syria: Adjusting to the New World Order*. Working Paper, Durham: Center for Middle East and Islamic Studies. 1994. P. 160–170.

¹⁸ Hinnebusch, Raymond. *Asad's Syria and the New World Order: The struggle for regime survival* // *Middle East Policy*. 1995. P. 80–86.

¹⁹ Zisser, Eyal. *The Syrian army: between the domestic and the external fronts* // *Middle East Review of International Affairs (MRIA)*. V. 5. № 1, march, 2001.

международной обстановке и ожидать эффективного разрешения сложных внутриэкономических проблем.

§ 5. Правящая элита

Более сорока лет алавитская элита фактически правит Сирией. К началу 1990-х гг. завершился этап ее становления как общины, способной обеспечивать себе привилегированное положение в сирийском обществе. В руках алавитов находились мобильные и хорошо вооруженные подразделения специального назначения, обеспечивающие безопасность режима и лично президента Х. Асада. Особо следует выделить так называемую дворцовую гвардию Х. Асада, «роты обороны», полк президентской охраны и Дивизию республиканской гвардии (ДРГ).

Сформированные во второй половине 1970-х гг. под руководством младшего брата Х. Асада Рифата, «роты обороны» насчитывали к началу 1980-х гг. свыше 20 тысяч человек. В них абсолютно доминировали алавиты, большинство из которых были выходцами из района проживания семейного клана Асадов – Кардахи. Вплоть до своего роспуска в конце 1980-х гг. «роты обороны» по сравнению с обычными армейскими частями имели более современное вооружение, располагали собственной службой разведки и контрразведки и тому подобное²⁰.

Заботясь об укреплении устоев власти, президент при назначении на ключевые посты в армии и органах безопасности отдавал явное предпочтение соплеменникам – выходцам из алавитской общины.

Характерно, что, если в партийном и государственном аппаратах при Х. Асаде одним из основных принципов кадровой политики было обеспечение сбалансированного представительства в них практически всех общин и конфессий, то в командовании вооруженных сил и руководстве спецслужб удельный вес алавитов был значительно выше. Так, к концу 1980-х – началу 1990-х гг. число алавитов в руководстве партии и органах государственного управления составляло,

²⁰ Middle East Intelligence Bulletin (MEIB), v.2, № 6, july; v.2, № 7, august, 2000.

по некоторым данным, немногим более 30%. В то же время среднее звено вооруженных сил практически на 70% было укомплектовано выходцами из алавитской общины.

Если количество алавитов-руководителей в РР ПАСВ и правительстве можно было пересчитать по пальцам на одной руке, то старший командный состав сирийской армии (командиры бригад, дивизий) практически на 60% был укомплектован офицерами-алавитами, причем представляющими разные племена и родовые объединения.

К концу 1980-х гг. из 24 наиболее высокопоставленных сирийских военных деятелей по крайней мере 14 были алавитами. Значительным влиянием в армии традиционно пользовались выходцы из племен хаятын и мутавира²¹.

С одной стороны, удержание власти алавитским меньшинством (около 12% населения САР) служило постоянным катализатором конфессиональной напряженности в стране и придавало неафишируемым религиозным различиям между алавитами и суннитами характер политических противоречий.

С другой стороны, в Сирии набирали силу процессы, ведущие к постепенному сращиванию деловых суннитских кругов с алавитскими нуворишами. В результате религиозно-общинные грани в определенной степени стирались развитием рыночных отношений. К тому же принцип личной преданности и забота о стабильности режима преобладали в понимании Х. Асада над соображениями конфессионального порядка. Поэтому одним из основных принципов устойчивости алавитской власти являлся союз алавитских верхов с рядом крупных суннитских представителей торгово-финансовых и военно-бюрократических элит Сирии при полном контроле над государственным аппаратом, армией и спецслужбами со стороны алавитского сообщества.

²¹ Подробнее о роли алавитов в сирийском обществе см.: Van Dusen M.H. *Intra and Inter-Generational Conflict in the Syrian army*. PhD dissertation, Baltimore, Maryland. 1971. P. 384; Faksh Mahmud A. *The Alawi Community of Syria: A New Dominant Political Force* // *Middle Eastern Studies*, v. 20, № 2, april, 1984; Abbas Kalidar. *Religion and State in Syria*. *Asian Affairs*, febrair, 1974. № 5. P. 16–22; Kramer Martin. *Syrias Alawis and Shiism*. The Dayan Center for Middle Eastern and African Studies. Tel-Aviv University. 1984. P. 13.

Более слабые в экономическом плане по сравнению с традиционной суннитской буржуазией, алавиты опасались, что, если рыночный характер экономики получит дальнейшее развитие (а именно такова была наиболее вероятная перспектива социально-экономической эволюции САР в XXI в.), то алавитское меньшинство может не устоять перед напором суннитской буржуазии.

Действительно, суннитская буржуазия стремилась к более тесному партнерству с алавитской властью. Суннитским бизнесменам была необходима поддержка влиятельных алавитских генералов и аппаратчиков, с тем чтобы обойти бюрократические формальности и ограничения государственного регулирования и получить льготный режим доступа к иностранной валюте.

В свою очередь алавиты были заинтересованы получить через суннитскую буржуазию выход на западные рынки и обеспечить приток в САР денежных инвестиций из-за рубежа. Таким образом, складывавшиеся между суннитской буржуазией и алавитской верхушкой отношения являлись по своей сути не столько партнерскими, сколько клиентскими, когда алавитские патроны получали материальную выгоду от защиты деловых интересов суннитской буржуазии.

В то же время с начала 1990-х гг. новая сирийская буржуазия стала приобретать все более весомые позиции в качестве одной из опор режима, стабилизирующей силы в государстве. Х. Асад хорошо понимал, что новая сирийская буржуазия может в будущем стать одним из ключевых элементов независимости и стабильности режима. Поэтому он посредством экономической либерализации стремился открыть доступ буржуазии к властным институтам. Однако формирование сплоченного прорежимного класса требовало не только более тесного сближения частного суннитского капитала с алавитской властью, но и более широкой политической либерализации в САР²².

Однако клановые аспекты алавизма не отражали в полной мере суть властной вертикали при Х. Асаде.

Действительно, алавиты занимали доминирующие позиции во властных структурах, но их окружали другие фигуры,

²² Hinnebusch, Raymond. *Asad's Syria and the New World Order: The struggle for*

наличие которых говорило о глубинных процессах в сирийском обществе. Это неалавитское окружение при Х. Асаде было сильнее, чем обычно принято считать.

Именно его представители способствовали приходу к власти в САР в 1963 г. новых социальных сил и свержению прежней правящей элиты в лице городской суннитской аристократии. До революции 1963 г. сунниты из сельских местностей были лишены какой-либо заметной социальной активности. Путь к власти им был закрыт, и они действовали на самых низких ступенях общественной иерархической пирамиды вместе с другими этническими и конфессиональными меньшинствами. В 1960-х гг. они смогли выдвинуться, а после прихода Х. Асада к власти их продвижение ускорилося, хотя и во многом зависело от принятия первенства алавитов. Постепенно они заняли влиятельные посты в государственных учреждениях.

Среди наиболее видных представителей этой группы можно упомянуть вице-президента САР А.Х. Хаддама, бывшего министра обороны М. Тласа и начальника генерального штаба Х. Шехаби. Именно они, наряду с влиятельными представителями алавитской общины, составляли ближайшее окружение сирийского президента. Суннитская экономическая элита, главным образом торговая буржуазия Дамаска, с начала 1990-х гг. также стала постепенно интегрироваться во власть. Прирожденные бизнесмены и толковые менеджеры, они умело использовали начавшуюся с приходом Х. Асада экономическую либерализацию для укрепления своих позиций в обществе и через систему брачно-родственных связей эффективно лоббировали свои экономические интересы в управленческих структурах. Однако их влияние на механизм принятия решений было ограничено, а участие как партнеров власти оставалось весьма незначительным²³.

Конфессиональные меньшинства – христиане, друзы, исмаилиты – также рассматривали власть алавитов как определенную гарантию безопасности и сохранения своего общественного статуса, который, как они полагали, мог измениться в случае абсолютного господства суннитов. Представители этих групп

regime survival // Middle East Policy. 1995. P. 80–86.

²³ Perthes, Volker. The Political Economy of Syria under Asad. L., 1997. P. 50–58.

сирийского населения занимали серьезные политические и экономические позиции в государстве и в силу этого оказывали самое непосредственное влияние на формирование правящей сирийской элиты.

Таким образом, созданная Х. Асадом политическая система и ее основные институты в значительной степени соответствовали интересам основных групп сирийского населения, обеспечивали широкую общественную базу поддержки режима и социальный мир в стране, а также отражали те сирийские реалии, которые сложились на рубеже 1970–1980-х гг. и практически не менялись в течение последующих трех десятилетий.

Глава 2

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СИРИИ НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ

Кончина Х. Асада в июне 2000 г. стала своеобразным моментом истины для национальных вооруженных сил и определенным тестом для всего партийного аппарата на верность проводившейся президентом в последние 6 лет его жизни политики в вопросах преемственности власти в Сирии.

Через несколько часов после смерти Х. Асада сирийский парламент практически единодушно изменил соответствующую статью конституции, снизив возраст для избрания президента с 40 до 34 лет. На следующий день после кончины Х. Асада, 11 июня 2000 г. на чрезвычайном заседании Регионального руководства ПАСВ Б. Асад был выдвинут единственным кандидатом на пост президента Сирийской Арабской Республики. 17 июня 2000 г. в Дамаске открылась IX конференция РР Партии арабского социалистического возрождения. Завершившийся 19 июня партийный форум избрал Б. Асада генеральным секретарем ПАСВ. 27 июня 2000 г. сирийский парламент выдвинул его единственным кандидатом на пост президента республики. На созванном менее чем через шесть недель после смерти Х. Асада референдуме Б. Асад был избран 97,3% голосов новым президентом Сирии¹.

§ 1. «Дамасская весна»

Приход к власти Б. Асада породил в широких массах населения ожидание перемен. Однако весь путь президентства

¹ Monde Arab: Maghreb-Machrek, № 169, July, September 2000. P. 164–172.

Б. Асада оказался весьма непрост и был отмечен скрытой внутренней борьбой за удержание власти в стране. Поэтому Б. Асад, хотя и занял все высшие посты в государстве, был вынужден делить власть с другими представителями правящей элиты и в отличие от своего отца не мог распорядиться всем властным ресурсом.

К тому же сама структура власти, ее механизмы, созданные Х. Асадом для обеспечения стабильности режима, существенно тормозили любые мероприятия по реформированию страны. Переломить сложившуюся за 10 лет ситуацию было чрезвычайно сложно, если вообще возможно.

Несмотря на это Б. Асад приступил к проведению экономической и социально-политической либерализации и попытался ускорить темпы модернизации Сирии. Инаугурационная речь Б. Асада 17 июля 2000 г. перед парламентом была расценена многими как декларация о реформах. Молодой президент явно рассчитывал на поддержку заинтересованных социальных сил Сирии – преимущественно интеллигенции и новых бизнес-элит. Сирия оказалась вовлеченной в широкие политические дебаты. В Сирии и за рубежом заговорили о «Дамасской весне»*.

Во второй половине 2000 г. в САР возникли «политические клубы» и общественные организации в поддержку развития гражданского общества в Сирии. Б. Асад стремился в начале использовать их для укрепления позиций сторонников реформ в государственном аппарате и армии, а также чтобы ограничить противодействие старой военно-бюрократической элиты Сирии.

С этой же целью президент предпринял попытки дать больше свободы национальным СМИ.

Эти и другие шаги молодого президента в условиях жестко контролируемой ситуации в стране представлялись важными изменениями и давали надежду сирийцам на будущее, которое большинство из них, особенно молодежь, связывало с именем Б. Асада.

Таким образом, через полгода после прихода к власти Б. Асада демократические и реформистские тенденции стали

* По мнению автора, «Дамасская весна» стала прологом «арабской весны» в Сирии и ряде других арабских стран в 2010–2011 гг.

играть заметную роль в политической жизни САР. В то же время эти тенденции не смогли институализироваться и превратиться в массовое народное движение.

Когда темпы инициированной Б. Асадом политической либерализации ускорились, представители консервативного движения быстро объединились и сумели сделать все возможное, чтобы затормозить процесс реформ в САР. В марте 2001 г. Б. Асад дал ясно понять, что национальное единство, партия Баас, вооруженные силы и курс Х. Асада не подлежат обсуждению и критике.

В середине февраля 2001 г. власти положили конец работе большинства «политических клубов». Уже к середине 2001 г. постепенно был установлен определенный контроль над СМИ. Вскоре демократическая активность в Сирии оказалась фактически свернутой, политическая деятельность в стране была вновь поставлена под жесткий контроль спецслужб, а многие политические активисты получили недвусмысленные предупреждения от власти. Некоторые из них были арестованы.

Таким образом, Б. Асад не смог встать на сторону демократических реформ. Ему пришлось отказаться от идеи трансформации политической системы. Как утверждали в осведомленных сирийских кругах, большое впечатление на Б. Асада произвело заседание РР ПАСВ в феврале 2001 г. В ходе этого собрания обнаружилось практически полное единство взглядов и схожесть позиций как «старых», так и «новых» гражданских и военных членов партийного руководства. Практически все участники партийного форума критиковали распространение в обществе «распущенности и цинизма, размытости идеалов», «падения морали, нравственности и дисциплины», высказывая в этой связи свою озабоченность вопросами безопасности государства и стабильности власти.

Аресты нанесли серьезный удар по либерально-демократическому движению в САР и разочаровали тех демократов, которые связывали надежды на политические изменения с именем президента. Режим скорректировал курс реформ, а органы государственной безопасности восстановили и укрепили свое влияние в обществе. И хотя комитеты в защиту гражданского общества продолжали публиковать свои заявления

в ливанских газетах, западных СМИ и в Интернете, «Дамасская весна» закончилась.

Б. Асад был вынужден допустить атаку на демократические реформы, поскольку его собственные позиции на властном поприще оказались недостаточно крепки. К тому же планы самого Б. Асада и большинства молодых представителей элиты не выходили за рамки модернизации и не предполагали системных изменений и широкой демократизации.

§ 2. Модернизация экономики и социальной сферы

В период правления Б. Асада серьезной социальной проблемой Сирии стало снижение уровня жизни основной массы населения. В результате политики жесткой экономии конца 1990-х гг. количество относительно бедных граждан выросло, а разница в доходах существенно увеличилась. Большинство государственных служащих не могли прокормить себя и свои семьи только за счет зарплаты. Поэтому около 70% государственных наемных работников имели побочный доход. Те, кто был занят в частном секторе, жили немного лучше. Однако около 40–50% экономически активного населения Сирии оставалось относительно бедным.

Несмотря на то что бедность не особенно бросалась в глаза (на улицах сирийских городов не было видно большого числа нищих), социальные различия сохранялись весьма значительными. Около 5% сирийцев распоряжались 50% национального дохода. Таким образом, сирийская экономика нуждалась в срочном реформировании, что признавалось официальной сирийской печатью.

«Модернизация» стала ключевым словом, особенно в сфере законодательной базы экономики. В течение короткого времени была принята целая серия законов и декретов с целью стимулировать развитие частного сектора, осуществить реформу административных органов и системы образования.

В экономической области власти объявили ряд мер, призванных ослабить жесткий государственный контроль над экономикой за счет внедрения в нее некоторых принципов свободного рынка. Предпринятые новым руководством шаги

демонстрировали признание правительством существования острых экономических проблем. Так, в октябре 2000 г. официальная сирийская пресса опубликовала основные положения нового пятилетнего плана, принятого сирийским правительством, где констатировалось наличие серьезных экономических и социальных проблем в развитии страны.

Несмотря на предпринятые усилия по улучшению экономического положения страны, существенно изменить ситуацию не удалось. И дело здесь было не столько в самой экономике, сколько в проблемах политического характера. Так, по данным официальной сирийской статистики, 1,2 млн человек (40% экономически активного населения) было занято на государственной службе, в том числе в отраслях военной промышленности и гражданском производстве. Более 80% занятых в сельском хозяйстве работало на государственных предприятиях и в сельских кооперативах. Их деятельность полностью зависела от государственной помощи и различных дотаций. Занятые в этих отраслях экономики составляли $\frac{2}{3}$ трудящегося населения страны и образовывали одну из важнейших социальных опор режима, многие руководители которого (как сунниты, так и алавиты) были родом из сельской местности. Б. Асад хорошо понимал и вынужден был учитывать эти сирийские реалии.

С другой стороны, многие представители военно-бюрократической элиты САР были не заинтересованы в углублении реформ, тем более в приватизации госсектора.

В Сирии министры и приравненные к ним по тарифной сетке зарплаты другие категории служащих официально получали около 400 долларов в месяц. При этом размер их заработка вроде бы не очень заметно отличался от жалования других бюджетников. На деле же министры регулярно получали различные премии (размер которых был сопоставим с их заработком), имели в своем распоряжении несколько автомобилей с шоферами и так далее. Только размер командировочных этой категории сирийских трудящихся составлял 200 долларов в день. Естественно, они с опаской и без должного энтузиазма относились к любым переменам.

Процессы модернизации в Сирии осложнялись еще и непростой конфессиональной и земляческой составляющими властной вертикали. Решая задачу безусловного обеспечения наследственной преемственности власти в сложных внутри- и внешнеполитических условиях, Х. Асад и его сын несколько нарушили сложившийся во властных структурах конфессиональный баланс. Засилье алавитов на ключевых местах в правительстве и армии вызывало плохо скрываемое возмущение суннитов.

Таким образом, новое политическое руководство Сирии приняло программу поэтапных экономических реформ, ограниченных по своим масштабам и скорости. Реформы ставились в качестве открытой цели, но должны были осуществляться постепенно, чтобы не нарушить внутриполитической стабильности и баланса сил в стране. Основополагающие элементы экономической системы – государственное регулирование и управление экономикой – также оставались неизменными.

Инициированные Б. Асадом и его единомышленниками реформы не смогли оказать существенного воздействия на процессы модернизации в Сирии, тем более что проведение экономической либерализации сталкивалось с определенными проблемами политического порядка.

§ 3. Попытки реформ партийно-политической системы

Сама природа власти и ее структура мало изменились за годы правления Б. Асада. Происходившие перемены не затрагивали основ существующей политической системы. Первоочередной задачей реформ было повышение эффективности экономики и административного управления. Большое значение придавалось программам кадровых замен в бюрократическом аппарате и омоложению персонального состава политической и административной элит путем ввода молодых и более образованных работников.

Вместе с тем эти программы носили ограниченный характер с точки зрения изменений структурных аспектов политической системы. Предпринимавшиеся властью меры касались

в первую очередь попыток внедрения партийного плюрализма и повышения веса «фасадных» институтов государства.

Стремясь расширить социальную базу поддержки ПАСВ и избежать преждевременного, с точки зрения власти, создания политических партий вне рамок Прогрессивного национального фронта, Б. Асад предпринял попытку реорганизации его деятельности. Входящим в него партиям разрешалось учреждать региональные отделения, легально привлекать новых членов и издавать собственные газеты.

Однако это сложно было назвать свободой прессы в полном смысле. Для издания любой газеты или журнала требовалось письменное разрешение премьер-министра. В области практической политики власти пытались найти компромисс между опасениями разрешить открытую партийную конкуренцию и осознанием того, что однопартийная система больше не способна адекватно выражать интересы всех групп и слоев сирийского населения.

В официальной пропаганде стал чаще появляться тезис о политическом плюрализме. В начале февраля 2002 г. статья 9 Устава ПНФ, определяющая монопольное право ПАСВ на ведение политической работы в обществе, была частично изменена. Входящие в Прогрессивный национальный фронт партии теперь могли действовать в молодежной среде, университетах. Запрет на работу в армии, тем не менее, сохранялся. Однако увеличение числа партий в ПНФ не меняло в целом ситуацию. Ни одна из партий ПНФ не представляла собой по-настоящему живой политической организм.

В то же время определенный отход от прежних жестких баасистских установок свидетельствовал, что режим признал существование легальной оппозиции в Сирии. На самом деле в Сирии не было организованной и вооруженной оппозиции, представлявшей реальную угрозу власти. Более того, действующая системная оппозиция была готова сотрудничать с правительством при условии, что ее минимальные политические требования будут учтены. При этом на примере «Дамасской весны» власть дала ясно понять, что она никому не позволит пытаться изменить ее характер².

² Подробнее об этом периоде истории Сирии см.: В.М. Ахмедов. Сирия при

Несмотря на отсутствие реальной политической конкуренции, подобная форма селективного партийного плюрализма все же давала возможность политическим партиям и объединениям Сирии для более широкого представительства в структурах власти. В начале марта 2003 г. в Сирии прошли первые с момента прихода к власти в стране Б. Асада парламентские выборы. Они не слишком заметно отличались от выборов прошлых лет, поскольку, несмотря на требования оппозиции, сирийское избирательное законодательство осталось неизменным. В результате ПАСВ, как и прежде, одержала уверенную победу, получив 167 из 250 мест в парламенте. С другой стороны, впервые за всю историю ПАСВ и ПНФ независимая партия (ССНП) получила на выборах 4 места в парламенте. Реформирование ПАСВ и укрепление ее руководящих органов верными людьми могло дать Б. Асаду возможность расширить базу поддержки своей власти в партийных рядах и властных элитах САР. В результате проведенных в мае 2000 г. предварительных выборов делегатов IX съезда партии в его работе смогли принять участие около 200 новых молодых баасистов, среди которых было немало сторонников Б. Асада. Это позволило значительно обновить кадровый состав директивных партийных органов как в центре, так и на местах. Из 21 члена РР и 90 членов ЦК ПАСВ 12 и 62 соответственно были заменены новыми людьми.

На проходившем в декабре 2000 г. под председательством Б. Асада заседании РР ПАСВ было решено отказаться от системы назначений в партии и провести 20 января 2001 г. партийные выборы. При этом вводилось право «оказывать недоверие» на выборах партийным функционерам среднего звена. Б. Асад также дал понять, что следующие президентские выборы 2007 г. он хотел бы провести на альтернативной основе. На этом же заседании было одобрено создание в Сирии системы частных банков, выражена поддержка учреждения фондовой биржи и принятия закона о банковской тайне.

Таким образом, партия как бы делала заявку на более активное участие в осуществлении давно назревших

Башаре Асаде. Региональный опыт модернизации в условиях внешней нестабильности. ИВ РАН. МГИМО МИД РФ. М. 2005.

социально-экономических преобразований в Сирии и укрепляла свои позиции в среде национальной буржуазии. Реформируя ПАСВ, Б. Асад, очевидно, хотел изменить политическую конфигурацию сирийского общества.

Президент не мог не считаться с тем фактом, что партия, которая объединяла в своих рядах около 1,4 млн человек (все население САР составляло около 20 млн, в силу широты распространения сети своих организаций и связей с различными слоями общества сохраняла значительный политический потенциал. А мощный партийный аппарат, находясь под контролем президента, являлся одним из важных рычагов управления государством.

В РР ПАСВ стали пересматривать зафиксированную в конституции роль партии как «ведущей силы общества» и рассматривать замену формулировки на «планирующую и арбитражную функцию». Ставился вопрос о том, что партия не должна вмешиваться в работу государственных учреждений. Однако оппоненты власти считали эти меры недостаточными и выступали за пересмотр тех статей конституции, где ПАСВ отводилась руководящая роль.

В начале ноября 2003 г. Б. Асад впервые за годы своего правления созвал пленум Партии арабского социалистического возрождения, в работе которого приняли участие члены Регионального руководства, секретари партийных обкомов и горкомов, с целью выработки основных направлений реформ в партии.

В феврале 2004 г. состоялось заседание РР ПАСВ, на котором было принято решение начать процесс «отделения партии от власти» и модернизировать организационную структуру руководящих органов партии с целью создания условий для формирования атмосферы политического плюрализма в Сирии.

В январе 2005 г. ЦК ПНФ утвердил новый устав Фронта. В области внутренней политики текст устава содержал мало принципиальных изменений. Таким образом, устав подтвердил руководящую роль ПАСВ и сохранил прежние ограничения на свободную и легальную деятельность политической оппозиции. В циркулярах РР ПАСВ, направленных в десятых

числах июля 2004 г. в низовые партийные организации, была наконец названа примерная дата проведения X съезда партии – конец 2004 г. В ноябре–декабре 2004 г. созыв съезда ПАСВ было решено перенести на весну 2005 г. Ожидалось, что по результатам работы съезда в партийном руководстве произойдут большие кадровые перемены, призванные продемонстрировать смену поколений и символизировать вступление Сирии на новый этап развития.

В ходе работы съезда планировалось уделить большое внимание обсуждению важных теоретических вопросов о роли и месте партии в сирийском обществе, международной деятельности ПАСВ, ее общеарабском характере, взаимоотношениях между Общеарабским и Региональным руководством ПАСВ. Не исключалось, что может подвергнуться пересмотру ряд основополагающих идеологических постулатов партии, например о ее направляющей и руководящей роли в САР.

Завершивший свою работу 9 июня 2005 г. X съезд ПАСВ не оправдал тех высоких ожиданий, которые распространились в обществе накануне его созыва, и не принял каких-либо революционных решений. Б. Асад был избран генеральным секретарем РР ПАСВ; сформирован новый состав РР и ЦК ПАСВ. Был обновлен персональный состав партийного руководства за счет сокращения числа его членов, сроков пребывания в должности и изменения порядка совмещения партийных и государственных должностей. Эти шаги были призваны укрепить позиции Б. Асада в ПАСВ и облегчить проведение через ПАСВ и ПНФ нужных президенту решений.

В принятых съездом рекомендациях предлагалось принять закон о партиях, продолжить постепенные реформы, в том числе на основе нового 10-летнего (2006–2016 гг.) плана развития, пересмотреть ряд положений закона 1963 г. о чрезвычайном положении и статьи конституции о руководящей роли ПАСВ.

На деле же ни одна из упомянутых выше рекомендаций съезда не была выполнена или доведена до логического конца. Таким образом, ПАСВ по-прежнему служила оплотом консерватизма в сирийском обществе.

§ 4. Реформы госаппарата и силовых структур

Административная реформа играла важную роль в планах реформ Б. Асада. Действующий административный аппарат характеризовался избыточной централизованностью и закрытостью. Это приводило к бюрократизму и неэффективности в его работе. Новое политическое руководство страны понимало, что если прежний бюрократический процесс принятия решений не будет изменен, вряд ли можно серьезно говорить о реформах. Однако главной проблемой административно-бюрократического аппарата оставалась его тотальная коррумпированность.

На самом деле, коррупция оставалась острым моментом в жизни Сирии. Об этом могли свидетельствовать многие факты. Так, например, из полученных в конце 2000 г. от Европейского инвестиционного банка кредитов на общую сумму в 182 млн евро сирийским правительством к концу лета 2001 г. был «освоен» только 1 млн евро. По некоторым данным, через таможенную службу в обход государства ежегодно попадало в частные руки около 1 млрд долларов.

В начале декабря 2002 г. Б. Асад поручил премьер-министру сформировать новое правительство. Серьезные кадровые перестановки произошли в экономическом блоке правительства. В то же время сам премьер-министр и руководители ключевых министерств (обороны, иностранных дел, информации) остались прежними.

Общим недостатком деятельности правительства являлось отсутствие у него ясного видения перспектив развития страны на ближайшие 10–20 лет, а также программ привлечения капиталовложений с целью преодоления нынешних и будущих трудностей. Не была разработана привязанная к конкретным срокам программа экономических реформ в САР, главными результатами которой, по мнению сирийского политического руководства, должны были стать: кратный рост ВВП и углубление масштабов реформ, совершенствование кредитно-финансовой политики для обеспечения благоприятных условий экономического роста, борьба с бедностью и безработицей, перестройка отраслевой структуры национальной экономики, придание

ей рыночного характера, приватизация ряда государственных отраслей и предприятий. В результате Б. Асад был вынужден фактически на постоянной основе вмешиваться в деятельность правительства и решать спорные вопросы.

Реализацию плана реформ сирийский президент попытался возложить на новый состав кабинета, который был сформирован в начале февраля 2006 г. Премьер и ключевые министры остались на своих должностях. В состав правительства вошли 14 новых министров. Однако основные члены экономического блока сохранили свои места. На практике это могло означать, что прежний курс правительства в экономической сфере на развитие социально ориентированной рыночной экономики будет продолжен, но осуществляться будет с большей осторожностью и осмотрительностью.

Сирийское руководство понимало, что темпы экономической либерализации явно опережают шаги власти в области реформирования политической системы и плохо обеспечены мероприятиями правительства в социальной сфере. В этой связи власти САР опасались подрыва социальной опоры режима и дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в стране. Эти опасения были небеспочвенны и нашли свое подтверждение осенью 2007 – зимой 2008 гг., когда жизненный уровень большинства сирийцев заметно снизился в результате резкого роста цен на продовольствие и основные потребительские товары, а также на топливо и электроэнергию.

Война в Ираке 2003 года и ее последствия крайне негативно сказались на темпах роста сирийской экономики, приведя к значительному сокращению валютных поступлений в бюджет в связи с прекращением экспорта сирийских товаров на емкий иракский рынок и импорта иракской нефти в САР.

Спустя весьма непродолжительное время Б. Асад произвел ряд масштабных кадровых перестановок в армии, спецслужбах и в МИД САР. Первым серьезным шагом стала отставка 11 мая 2004 г. «несменяемого» министра обороны САР, корпусного генерала первой степени М. Тласа (находился на этом посту с 1974 г.). Данное мероприятие готовилось постепенно.

Однако с началом войны в Ираке Б. Асад был вынужден предпринять более решительные меры. Уже 21 апреля 2003 г.

он издал закон № 18, 166-я статья которого устанавливала жесткие ограничения по возрасту для высшего командного состава армии и спецслужб, а также пересматривала прежние положения о продлении сроков воинской службы, сохранении в запасе и заключении гражданского контракта.

Новый закон был явно нацелен на то, чтобы освободить командные должности для среднего офицерского звена и побудить их активнее овладевать премудростями современной военной науки. Всего, по данным сирийских экспертов, за первые 8–10 лет своего президентства Б. Асад отправил в отставку и заменил более 60 высокопоставленных военных и сотрудников спецслужб, 50 высокопоставленных сирийских дипломатов. Таким образом, кадровые перестановки в сирийском внешнеполитическом ведомстве действительно имели крупный характер.

§ 5. Некоторые итоги правления Б. Асада и ситуация в Сирии накануне восстания

Совпавшие по времени кадровые перестановки в правительстве и руководстве армии и спецслужб дали основания некоторым сторонникам Б. Асада предположить, что президент стремится переместить центр власти из военных в гражданские институты государства. Как полагали в либеральных сирийских кругах, данные шаги сирийского военачальника были продиктованы желанием обеспечить реформу сирийских силовых структур и создать новый, современный аппарат государственной безопасности в духе курса реформ и с учетом геополитических изменений в регионе.

Однако на деле административная реформа так и не была завершена и свелась к обычному «перепрограммированию» чиновничьего аппарата. Как и при Х. Асаде, в условиях новой президентской власти сирийские силовые структуры, прежде всего спецслужбы, оставались главным элементом социально-политической жизни САР и продолжали осуществлять контроль над развитием основных внутривосточных процессов в стране. Тем более последние перестановки в руководстве сирийских спецслужб в 2008–2010 гг. свидетельствовали, что Б. Асад был склонен идти прежним проверенным путем в ходе

кадровых перемещений в деликатной сфере государственного управления.

Поэтому реальные рычаги власти остались под контролем прежней правящей элиты. Возможно, отдельные ее представители и помолодели на 5–8 лет, но большинство из них, по сути, обладало мировоззрением своих старших коллег. К тому же они не чувствовали своей полной зависимости от воли Б. Асада и оставались во многом лояльны своим бывшим начальникам, которые продолжали составлять ближайшее окружение молодого президента.

Многие влиятельные представители прежней правящей элиты продолжали монопольно пользоваться в своих интересах крупными финансовыми потоками в стране. При существовавшей расстановке сил подлинные сторонники реформ не могли набрать достаточного политического веса, чтобы переломить ситуацию.

Большинство партийных функционеров низшего и среднего звена в возрасте 30–40 лет были склонны увязывать процесс кадровых перестановок на высшем уровне руководства партии и государства со сменой поколений, приходом во власть, а не с изменением политической системы. Это, однако, не свидетельствовало о том, что новое поколение имело альтернативный план, отличавшийся кардинальным образом от планов предшественников.

Приход к власти в САР нового президента внес определенные коррективы в отношения с исламскими организациями. Сразу же после кончины Х. Асада лидеры зарубежной исламской оппозиции в лице «Братьев-мусульман» обратились к Б. Асаду с предложением начать диалог о примирении с властью и возвращении в Сирию. В ноябре 2000 г. Б. Асад распорядился выпустить из сирийских тюрем около 400 членов этой организации. После прихода к власти в стране Б. Асада большинство сирийских «братьев» отреклись от насилия как средства политической борьбы. Однако режим опасался, что в случае легализации их политической деятельности они смогут очень быстро объединиться и наладить контакт с леволиберальным движением. В условиях выборов президента и представителей законодательных органов власти политически

легализованное движение «Братьев-мусульман» смогло бы составить реальную конкуренцию правящей ПАСВ и получить такой процент мест в парламенте, который позволил бы им выставить своего кандидата в президенты.

Поэтому в Сирии продолжал действовать закон о чрезвычайном положении, расширявший права спецслужб, одновременно выводя их из-под контроля общества. Сфера политики по-прежнему оставалась официально запретной для исламских движений даже умеренного толка.

В результате Б. Асаду не удалось окончательно покончить с отдельными выступлениями воинствующих исламистов и периодическими вспышками насилия. Более того, на рубеже 2008–2009 гг. в Сирии после нескольких десятков лет борьбы с воинствующим исламом отмечалось возрождение радикальных настроений среди отдельных отрядов «Братьев-мусульман» и других исламских организаций, которые были готовы использовать силу против правящего режима.

Возможно, поэтому осуществляемая Б. Асадом политика государственного менеджмента, суть которой сводилась к формуле «преемственность ради реформ», стала постепенно меняться в сторону большей преемственности, нежели реформ.

К концу своего первого срока на посту президента Б. Асад и его команда реформаторов стали меньше говорить о планах экономической модернизации и политической либерализации в САР. Отход Асада от данного им в 2001 г. обещания провести следующие выборы президента на альтернативной основе и его фактическое переутверждение в июне 2007 г. на новый 7-летний срок ясно обозначили настроение сирийской правящей элиты и средних слоев общества, которые предпочли стабильность любым переменам.

В значительной степени это объяснялось спецификой эволюции политической системы Сирии, которая внутренне консолидировалась не столько на светских началах, сколько на религиозных, земляческих и этнических узах, и определялась факторами личной лояльности Б. Асаду и его ближайшему родственному окружению.

По мере укрепления режима личной власти Б. Асада и его родового клана желание режима сохранить свою власть

зачастую являлось более важным моментом, чем задачи развития Сирии. Поэтому власть в этот период в значительно большей степени опиралась на органы безопасности.

Ведущие специальные войска и спецслужбы Сирии в этих условиях постепенно трансформировались. Менявшееся мировоззрение многих руководителей высшего и среднего звеньев силовиков, представленных в основном алавитами, вело в свою очередь к смене приоритетов в постановке целей и решаемых задач. На первый план выходили задачи защиты режима от любых малейших (часто надуманных) угроз, а не обеспечение безопасности граждан и защиты страны от внешнего противника.

В то же время нельзя сказать, что Б. Асад не пытался проводить реформы в экономике и политической системе страны. Однако на деле большинство его усилий не увенчалось успехом. Инициированные им реформы либо оказались свернутыми, либо не были доведены до конца.

На самом деле Б. Асад не обладал достаточным опытом государственного управления и продолжал оставаться для многих в своем ближайшем окружении, по сути, гражданским лицом, сыном Х. Асада, который передал ему власть по наследству.

С другой стороны, масштабные кадровые перестановки в узловых местах власти могли вызвать недовольство ряда влиятельных представителей прежней властной элиты. Подобные мероприятия могли нарушить сложившийся внутренний баланс сил, негласную этику отношений в правящей элите, изменить прежний характер сдержек и противовесов, особенно в профессиональном поле. В результате тщательно выстроенная Х. Асадом конструкция политической системы могла незаметно начать расшатываться, обнажая уязвимые места.

Решиться на подобные эксперименты, не будучи твердо уверенным в крепости своих властных позиций, без однозначной поддержки в армии, спецслужбах, родовом клане и в обществе в целом было весьма рискованным мероприятием. В условиях резкого изменения региональной обстановки и обострения внутренней ситуации данный шаг мог быть чреват самыми непредсказуемыми последствиями.

Часть II

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СИРИЙСКОГО ВОССТАНИЯ

Сирийское восстание прошло несколько этапов, обозначить четкие временные границы которых достаточно сложно в силу быстро менявшейся ситуации в стране и вокруг нее.

В начале событий преобладали протестные шествия мирного характера с элементами вооруженного противостояния сторон конфликта.

Затем достаточно быстро обозначилась открытая агрессия джихадистских вооруженных формирований («Джебхат ан-Нусра», «Исламское государство») в сочетании с вооруженным вмешательством региональных держав, прежде всего Ирана, США и их союзников по коалиции, под предлогом борьбы с «Исламским государством» (ИГ), а в дальнейшем – Турции и монархий Персидского залива.

Одновременно происходила трансформация восстания в полномасштабную конфессионально окрашенную гражданскую войну.

Участие российских военно-космических сил в сентябре 2015 года серьезно изменило ход событий на поле вооруженного сирийского кризиса, укрепило позиции режима и определило приоритеты России в деле борьбы с терроризмом и урегулировании сирийского кризиса.

Добиться разрешения сирийского конфликта политическим, а не военным путем пока не удалось. Обострившаяся с конца 2017 года борьба ключевых международных и региональных участников сирийского кризиса на фоне провала усилий международного сообщества прийти к соглашению между режимом и оппозицией для подготовки условий мирного переходного периода создала ситуацию неопределенности в решении вопроса по Сирии.

Уделим особое внимание исследованию и анализу начального этапа сирийского кризиса, когда еще, на наш взгляд, сохранялись возможности его перевода в политическое русло, недопущения его перерастания в гражданскую войну и интернационализации конфликта.

Глава 1

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП СИРИЙСКОГО ВОССТАНИЯ

§ 1. Никто не хотел революций?

Новый 2011 год Сирия встретила в относительно спокойной обстановке. Ничто не предвещало грядущей беды. И даже бушующие революционные события в Тунисе и Египте не могли испортить праздничное настроение большинства сирийцев.

В канун новогодних праздников в одном из пригородов Дамаска после долгих десятилетий запрета открылось казино. Жители Дамаска и других крупных городов с удовольствием приобретали на празднично украшенных рынках дешевые импортные товары, которые заполнили их в последние годы – в ущерб продукции основных традиционных отраслей (текстильной и пищевой) местной промышленности.

Состояние национальной экономики не внушало серьезных опасений. Более того, отчеты МВФ предсказывали ее будущий рост. Доходы от туризма стабильно росли и принесли в казну в 2010 году около 8 млрд долларов. В ряде отраслей производственной инфраструктуры начали осуществляться крупные инвестиционные проекты. Разработки новых нефтегазовых месторождений сулили неплохие прибыли. Общее благосостояние немалой части горожан относительно улучшилось. Некоторые из них впервые смогли позволить себе покупку импортных автомобилей на местном рынке.

На этом фоне сирийское правительство практически не уделило должного внимания проблеме сотен тысяч голодных и обездоленных сельских провинциалов, которые разорились в результате засухи и неурожаев предыдущих лет и заполнили

пригороды сирийских центров. А ведь именно они и стали той взрывоопасной субстанцией, на которой вспыхнула искра сирийской революции.

Неслучайно эпицентром сирийского восстания стала провинциальная Деръа (население 75 тыс. человек), центр обширной области на юго-востоке Сирии под названием Хауран (население около 1 млн человек). Подавляющая часть населения этих районов была занята в сфере сельского хозяйства. В конфессиональном отношении большинство населения были сунниты, которые и составили костяк протестных движений. Здесь был довольно велик процент людей, доход которых был ниже прожиточного минимума, малообразованных и глубоко верующих.

В то же время выходцы из этого района были неплохо представлены в высших эшелонах власти. Достаточно сказать, что, по некоторым данным, 10 комдивов сирийских вооруженных сил так или иначе были связаны родственными и семейными узами с этой частью Сирии. Неудивительно, что ряд командиров армейских частей, брошенных властью в конце марта – начале апреля 2011 года на подавление восстания, отказывались стрелять в демонстрантов. Именно с этого времени в армии начался раскол.

Однако еще в январе–феврале 2011 г. режим Асада был твердо уверен в том, что Сирия обладает особым иммунитетом против революций. Подобное отношение было ясно продемонстрировано в интервью Асада, которое он дал 31 января 2011 г. деловой газете Wall Street Journal. Правящая ПАСВ проводила оргштатные мероприятия и готовилась к предстоящему ранней весной XI съезду. В армии и спецслужбах оживленно обсуждали январские указы главнокомандующего о новых назначениях, увольнениях и повышениях.

Действительно, на появившиеся в конце января – феврале 2011 года в Facebook и Twitter призывы сирийской оппозиции к гражданам выйти на улицы откликались в основном сотрудники сирийских спецслужб и любопытствующие журналисты.

Случавшиеся единичные акции протеста носили спорадический характер, и в ходе них не выдвигалось никаких политических требований. Демонстрации протеста в Дамаске 15 марта 2011 года, которые считаются точкой отсчета революционных

событий в САР, не получили должной оценки властей. Арестованные в ходе них граждане были вскоре отпущены. И даже когда произошли события в Деръа (17–18 марта) и Латакии (25 марта), где пролилась кровь и были использованы ударные части сирийских сил правопорядка, представители власти были не склонны драматизировать ситуацию, особенно на фоне недавних событий в Тунисе и Египте и происходящего в Ливии и Йемене.

Действительно, выход людей на улицу носил не столько организованный характер, сколько стал ответом на неадекватные действия сил безопасности в отношении 14–15-летних подростков, которые оставляли оскорбительные для режима граффити на стенах. Демонстрации проходили преимущественно мирно, без явных признаков этнической и конфессиональной розни, и затронули лишь ряд провинциальных центров.

Выдвинутые оппозицией политические требования расширения прав и свобод носили в основном общий характер. Демонстранты не требовали смены режима, а тем более – отставки президента. Наоборот, накануне и после выступления Башара Асада 30 марта в Народном совете (парламенте) Сирии по улицам крупнейших сирийских городов Дамаска и Халеба (Алеппо) прошли многотысячные шествия в поддержку президента и его курса реформ.

Выступление президента ждали с нетерпением очень многие в Сирии и за ее пределами. Накануне первый вице-президент САР Ф. Шараа и советник президента Б. Шаабан в серии интервью дали понять, что Асад собирается предпринять ряд важных мер, способных исправить сложившуюся ситуацию.

Однако, вопреки ожиданиям большинства в самой Сирии и за ее пределами, сирийский президент не объявил о принятых им конкретных решениях по реформам, не осудил избыточное применение силы против демонстрантов и не выразил соболезнования родственникам погибших в ходе волнений в Деръа. Президент заявил, что Сирия стоит на верной стороне истории, в отличие от мубараковского Египта. Ответственность за произошедшие в стране беспорядки президент возложил главным образом на происки врагов.

Несмотря на это, кредит доверия к властям Сирии и лично президенту оставался достаточно высоким в различных слоях сирийского общества. Большинство сирийцев, хотя «барьер страха» и дал заметную трещину после событий в Деръа, не хотели революции, опасаясь жестких действий служб безопасности и не желая повторить судьбу своих соседей в Ираке и Ливане. В глубине души они надеялись, что их президент и его единомышленники во власти сумеют урегулировать положение мирным путем.

В апреле 2011 г. Асад принял ряд важных мер и утвердил программу ускорения реформ в политической, законодательной и административной сферах. Однако, как показали дальнейшие события, вопреки ожиданиям властей их реформаторские начинания встретили далеко не однозначную реакцию в сирийском обществе и не смогли сбить накал протестных выступлений.

Б. Асад сместил со своих постов нескольких губернаторов и руководителей территориальных органов спецслужб. Отставка правительства Н. Отри стала центральным аспектом кадровых реформ. 14 апреля президент издал указ № 146 о формировании нового правительства. Сформировать новое правительство Б. Асад поручил бывшему министру сельского хозяйства, 59-летнему Аделю Сафару.

Состав нового кабинета министров не принес больших неожиданностей. Из 31 министра 17 сохранили свои портфели, среди них министры обороны, иностранных дел, по делам администрации президента. Было назначено 14 новых министров, в том числе – юстиции, внутренних дел, средств массовой информации, труда, экономики, финансов, туризма, образования. За редким исключением это были представители второго чиновничьего эшелона, которые никак не проявили себя в прошлом в качестве сторонников реформ.

Экономическая команда бывшего вице-премьера А. Дардари не вошла в состав нового правительства. Его пост остался вакантным. В последние несколько лет правительственный офис А. Дардари и его имя тесно связывали в сирийских экономических кругах с понятием реформ. Отставка А. Дардари была во многом связана с тем, что в последние годы он провел

ряд непопулярных мер, к тому же без должного информационно-пропагандистского обеспечения. В частности, существенно были урезаны государственные субсидии на ряд основных продовольственных и потребительских товаров. Расчеты на привлечение больших иностранных инвестиций не оправдались, а добиться обещанных высоких (7–8% в год) темпов экономического роста не удалось. В результате работой вице-премьера оказались недовольны как крупные сирийские промышленники, так и простые сирийцы.

Новому кабинету предстояло столкнуться с большими проблемами, связанными с долгими годами плохого администрирования экономики, высокими темпами прироста населения, ростом безработицы среди молодежи, трудностями с поиском и привлечением местных и зарубежных инвестиций, особенно в условиях сохраняющегося кризиса.

В последние годы в Сирии серьезной проблемой стала уплата налогов. При этом государство не могло обеспечить население достаточным объемом услуг, в том числе и потому что не решалось ввести дополнительные налоги на богатство и роскошь. Доходы от продажи нефти неуклонно сокращались. Содержание и обслуживание громоздкого и неэффективного госсектора, приватизация которого шла очень медленно, тяжелым бременем ложились на госбюджет.

Еще одним важным решением президента стало возвращение сирийского гражданства 300 тысячам курдов, проживавшим в городе Хасаке на северо-востоке Сирии, которые согласно переписи 1962 года находились на положении иностранцев и были сильно ограничены в своих гражданских правах. При этом статус еще около 100 тысяч курдов так и остался неопределенным. Как и прежде, они находились в Сирии на положении беженцев и фактически были лишены каких-либо гражданских прав. Всего в Сирии, по разным оценкам, проживало от 1,7 до 2,2 млн курдов. На протяжении последних пяти десятилетий ПАСВ безуспешно пыталась арабизировать курдов, ограничивая сферы использования их языка и культуры. Понятно, что такие полумеры не могли удовлетворить курдскую общину Сирии. Тем более что указ президента не сопровождался понятным механизмом его практической реализации. Ряд представителей

курдов вообще расценил этот шаг как попытку властей внести раскол в курдские ряды, с одной стороны, и отстранить курдов от участия в обще сирийских акциях протеста, с другой. Неудивительно в этой связи, что население курдских районов Сирии выступило вместе с гражданами других сирийских городов, требуя свободы и реформ.

Президент встретился с рядом видных представителей суннитского (70% населения 23-миллионной Сирии) религиозного истеблишмента. Асад поддержал идею расширения объема вещания религиозных телеканалов и создания новых, высказался за создание в Сирии Высшего института подготовки мусульманских богословов и даже, как говорят, выразил готовность рассмотреть возможность создания исламской партии.

Последнее, на наш взгляд, было маловероятно. В проекте нового закона о партиях, который так и не был принят, но активно обсуждался в материалах X съезда ПАСВ в 2005 г., прямо указывалось на недопустимость создания партий на этнической и религиозной основах. Одновременно президент отменил закон от июля 2010 года, запрещавший преподавателям вузов вести занятия в никабах, на основании которого работы лишились 1200 человек. По мнению властей, это должно было укрепить поддержку правящей алавитской (12% населения) верхушки среди суннитов, которые составляли основу протестных движений в Сирии.

В то же время в проведении этих мероприятий не были до конца учтены требования момента и его острота. Представители сирийских властей разных уровней говорили о возможности перерастания протестных движений в межконфессиональную вражду. Сирийские меньшинства, главным образом христиане (8–9% населения), напуганные этими угрозами, могли посчитать, что в критической ситуации режим делает ставку на исламистов, а раз так, то именно они и являются его единственной альтернативой. К тому же меры властей были поставлены под сомнение избыточно жесткими и непрофессиональными действиями служб безопасности в отношении мирных протестных шествий.

Сирийский президент принял решение образовать комиссию из видных правоведов для подготовки условий отмены

закона о ЧП, который впоследствии был заменен на не менее жесткий новый закон о борьбе с терроризмом. Основным предметом критики закона о ЧП со стороны сирийских правозащитников и политической оппозиции являлась его правоприменительная практика и так называемые суды госбезопасности, которые, как правило, принимали решение на основании необоснованных подозрений, доносов, сомнительных оперативных данных, не утруждая себя при этом следственными действиями и судебными процедурами. Поэтому основные требования сводились именно к отмене судов госбезопасности, рассмотрению дел в гражданских судах, отказу от практики заключения граждан в тюрьму без решения суда.

Через несколько месяцев планировалось принятие нового закона о политических партиях. На конец апреля – начало мая 2011 г. намечалось проведение выборов в парламент. Однако без отмены 8-й статьи конституции, провозглашавшей монопольное право ПАСВ на политическую работу в стране, новый закон о партиях вряд ли мог быть реализован на практике. Да и создать в столь короткие сроки новую партию и пойти с ней на выборы могли лишь вышедшие из глубокого подполья «Братья-мусульмане», к тому же без особых надежд на успех.

Одновременно сирийский президент дал указание освободить арестованных во время беспорядков. Башар Асад встретился также с делегацией жителей Деръа, во время которой, как свидетельствовали очевидцы, узнал много нового о деятельности местных спецслужб во время подавления беспорядков. Президент выразил соболезнования семьям погибших и признал законность требований демонстрантов. Еще ранее власти освободили около 260 заключенных. Однако, как утверждали источники сирийской оппозиции, эта мера коснулась в основном давно отбывающих свой срок исламистов и ряда курдских активистов в тюрьме Сиднайи.

Дальнейшее развитие указанный курс президента получил в его выступлении перед новым составом правительства 16 апреля 2011 г. Речь главы государства существенно отличалась от его выступления в парламенте 30 марта и в этом смысле представляла определенный шаг навстречу требованиям восставшего народа. Главный смысл речи сводился

к необходимости восстановления доверия между властью и народом. Таким образом, Башар Асад был вынужден признать, что с доверием есть проблемы. Президент согласился с тем, что требования демонстрантов носят законный характер и поручил правительству взять на вооружение более открытый, консультационный стиль работы.

Президент признал право сирийцев на мирные демонстрации и поручил в этой связи правительству подготовить проект закона о демонстрациях. Башар Асад предложил обязать чиновников подавать декларации о доходах и имуществе. Несмотря на то что президент в своей речи не упомянул о поправках в конституцию, которые могли бы повысить роль правительства как политического института государства, его выступление было выдержано в целом в позитивном ключе.

К концу апреля 2011 г. сирийское правительство подготовило проекты трех важных законов – об отмене чрезвычайного положения и судов госбезопасности и об организации и проведении демонстраций. После того как президент подписал соответствующие указы, а Народный совет их утвердил, они вступили в действие.

Предложенная президентом программа реформ в целом носила достаточно прогрессивный характер. Однако простые сирийские граждане не увидели в ней адресности и ответа на свои социальные запросы. Возможно поэтому, когда новая волна протестных выступлений в апреле охватила значительно большее, чем прежде, количество сирийских городов и даже ряд пригородов Дамаска, не наблюдалось массовых шествий в поддержку действующей власти и лично Башара Асада.

Правительство подняло размер заработной платы работникам госсектора и увеличило размер пенсий. Но в условиях рынка, пусть даже социально ориентированного, эта прибавка была быстро съедена ростом цен на основные продовольственные и потребительские товары и услуги. Борьба с привилегиями и коррупцией в высших эшелонах власти, на фоне которой сирийский президент в свое время вступил на властное поприще, могла бы заставить многих рядовых сирийцев значительно серьезнее отнестись к президентской программе реформ. Однако этого сделано не было.

Президентская программа была призвана реформировать ключевые политические, судебные, административные институты, она носила глобальный характер и не учитывала конкретные пожелания рядовых сирийских граждан, а масштабность поставленных задач явно не соответствовала краткому временному отрезку их реализации, что не могло не породить сомнений в серьезности намерений власти.

Тем более что с реформами власть сильно запоздала. Многие в Сирии надеялись, что именно эти реформы начнут осуществляться в 2005 г. после X съезда ПАСВ, в документах которого были отражены их основные положения. К тому же вне зависимости от желания сирийских руководителей сама логика событий заставляла предположить, что власть может проводить реформы только под давлением, а их серьезность и глубина зависят от решимости протестующих продолжать выступления.

§ 2. Кризис власти и обострение противостояния

Неслучайно лейтмотивом новых выступлений, начавшихся в конце апреля – начале мая 2011 г., стали требования продолжить реформы и придать им более глубокий характер. Протестные движения охватили практически все наиболее значимые городские и сельские центры страны. Носившие вначале мирный характер демонстрации постепенно переросли в ожесточенные столкновения протестующих с силами правопорядка, в результате которых счет убитых и раненных с обеих сторон пошел на десятки и сотни.

Не смогли устоять прежде спокойные столичные города Дамаск и Халеб. Количество протестующих стало исчисляться уже не сотнями, а тысячами человек. Изменился социальный, возрастной и гендерный состав демонстрантов. К ним присоединились студенты и ряд преподавателей Халебского и Дамасского университетов, хозяева мелких лавочек и магазинов, люди среднего возраста, женщины и девушки.

Изменился и характер требований и лозунгов протестующих. Теперь демонстранты ставили целью добиться коренного изменения существующей политической системы и ее замены на новую, более созвучную требованиям и чаяниям народа.

Наряду с прежними требованиями свободы, реформ, уважения прав и достоинства личности, все чаще стали раздаваться призывы к свержению правящего режима и отставке президента Башара Асада. Власть по-прежнему отказывалась от урегулирования кризиса политическими средствами, делая упор на использование силы. Последнее обстоятельство провоцировало раскол в армии.

Так, готовящийся в первой половине апреля штурм портового города Банияс удалось предотвратить после того, как туда вошли подразделения регулярной армии, гарантировавшие порядок и безопасность его жителей. Горожане встречали военных как своих спасителей и освободителей. Появились сообщения о перестрелках военных с силами безопасности, о расстреле последними солдат и офицеров, отказавшихся открывать огонь по демонстрантам.

В результате того что местные СМИ весьма скудно и односторонне освещали происходящее, а иностранным журналистам сирийские власти чинили всяческие препятствия, оппозиционные интернет-сайты и странички в социальных сетях стали основным источником информации о событиях в Сирии, а в ряде случаев превращались в поле информационной войны с официальными сирийскими СМИ.

В ходе этих событий впервые заявили о себе координационные комитеты, созданные везде, где проходили акции протеста. Сформулированные ими требования предполагали широкую демократизацию политической системы, принятие новых законов о партиях, о выборах, независимость судебной системы, изменение порядка выборов президента, ограничение сроков президентства по образцам египетской революции. Примечательно, что одним из важных пунктов этой программы была реформа спецслужб и создание новых органов безопасности, способных помочь осуществлению демократических реформ в САР.

При этом немало оппозиционеров продолжало считать, что изменения в стране могли быть осуществлены сверху. Именно поэтому в ходе прошедших выступлений в ряде сирийских городов демонстранты наряду с требованиями свободы и отставки режима выкрикивали: «Мирная, мирная!» При этом

в большинстве случаев требования отставки режима носили адресный характер и в меньшей степени касались лично Башара Асада. Оппозиция требовала отставки прежде всего силового окружения президента, которое, как она считала, должно ответить за сотни убитых и раненых в результате неправомерного применения силы против мирных демонстрантов.

В мае 2011 года стало очевидно, что силовая составляющая играет ключевую роль в политике власти по отношению к народным протестам. В рамках действовавшей политической системы иной реакции власти на подобные события было сложно ожидать. В условиях новой президентской власти Башара Асада продолжали сохраняться основные параметры прежней модели государственного устройства, созданной его отцом Хафезом Асадом за 30-летний (1970–2000 гг.) период правления страной.

Как было показано выше, отличительной особенностью выстроенной Х. Асадом модели являлась институализированная форма авторитаризма и сильное с точки зрения безопасности государство. Устойчивость власти в САР базировалась на следующих основных опорах – алавитская община и семейный клан Асадов, ПАСВ, армия и спецслужбы, государственный бюрократический аппарат и новая национальная буржуазия. Они обладали надежными каналами управления государством, были способны защитить режим в случае необходимости и обеспечивали в целом мирное сосуществование правящих элит.

В то же время возведенная бывшим президентом властная конструкция отличалась рядом потенциальных уязвимостей. Во-первых, ее основу составляли сложные сочленения межобщинных, клановых, семейных равновесий, построенные на межличностных взаимных обязательствах. Во-вторых, она была полностью приспособлена под одного человека – Х. Асада, который мог гарантировать ее целостность. В-третьих, по своим основным параметрам она была сориентирована на требования уходящей на глазах эпохи. На протяжении последних 40 лет характер военно-гражданских отношений в Сирии определялся приоритетным мнением военных в процессе принятия решений по ключевым вопросам внутренней и внешней политики. Поэтому не было ничего удивительного в том, что управление

кризисом было полностью отдано в руки военных, прежде всего специальных служб. Именно они и определяли на всех последующих этапах развития кризиса не только судьбу режима, но и всей Сирии.

При этом нужно иметь в виду, что на рубеже 2007–2009 гг. в стране стали происходить весьма неоднозначные и острые процессы. Вряд ли их можно было определить как борьбу за власть, с учетом отсутствия в Сирии серьезной альтернативы Б. Асаду. Речь скорее могла идти об обострении соперничества в правящей военно-политической элите как реакции на сложные внутренние и внешние вызовы и попытке укрепления своих позиций в окружении президента для оказания влияния на власть в определении путей развития страны.

Подобная ситуация свидетельствовала о появлении первых признаков кризиса «верхов» в САР, который резко обострился в условиях подъема движения «низов».

Вместо того чтобы не допустить выхода конфликтной ситуации за рамки правового, политического поля и попытаться урегулировать возникший кризис мирными средствами, путем диалога, власть прибегла к жесткому подавлению выступлений. Режим фактически не попытался использовать альтернативные механизмы урегулирования кризиса.

Одним из таких механизмов являлась правящая ПАСВ, которая объединяла в своих рядах от 1,5 до 2 млн человек* и образовывала консолидирующий центр мобилизационной модели общества, созданной отцом нынешнего сирийского президента. Конечно, за последние десять лет партия существенно утратила популярность в сирийском обществе, особенно среди молодежи, и так и не смогла на практике реализовать постоянно предпринимавшиеся попытки реформироваться в духе происходивших в Сирии изменений. Но она сохраняла большой политический потенциал, а ее организации пронизывали все страты сирийского общества. Однако со времени начала волнений высший партийный орган – Региональное руководство – хотя и неоднократно собирался на свои заседания, но проводил их в закрытом режиме.

* Размер среднестатистической сирийской семьи составляет 4–5 человек. Население Сирии составляет 22 млн человек.

Поведенческий стереотип различных политических институтов государства в условиях жестко структурированной и вертикально выстроенной модели политического устройства мотивировался транслировавшейся сверху* установкой – протестные движения суть результат заговора врагов Сирии.

В этой связи необходимо отметить, что если и был заговор¹, то основной расчет делался на слабости и просчеты режима и недоучет им особенностей новой, революционной ситуации в регионе. Достаточно было организовать антиправительственные выступления на периферии и спровоцировать режим на ошибочные действия. А дальше вступали в силу естественные факторы – нерешенность социально-экономических проблем, безработица, максимализм молодежи, которая составляла половину населения и хотела всего и сразу и так далее. Заговорщикам оставалось внимательно наблюдать за происходящим и не давать угаснуть пламени борьбы.

Таким образом, действия сирийских властей в острой кризисной ситуации оказались малоэффективным в плане перевода конфликта в политическое поле для его разрешения правовыми, политическими средствами – путем налаживания диалога с оппозицией.

Усиление силовой составляющей в политике власти по управлению сложившейся ситуацией ускорило структурный кризис режима, внесло раскол в ряды правящих элит и обрушило программу реформ под предлогом укрепления стабильности и безопасности. Результатом подобной политики стал последующий рост протестных движений, повышение напряженности борьбы, увеличение количества жертв среди демонстрантов и сил правопорядка и как следствие всего этого – сужение социальной базы поддержки режима, его ускоренная делегитимизация внутри страны и за ее пределами.

В апреле США, ЕС и генеральный секретарь ООН осудили действия сирийских властей. А в мае впервые в Совете

* См. выступление Б. Асада в парламенте SANA, 30.03.2011.

¹ См. champress.net; filkkaisrael.com, 28–30.03.2011. Автор рекомендует критически отнестись к информации этих сайтов, так как многие источники Интернета указывают на то, что они действуют при поддержке сирийских и иранских спецслужб.

Безопасности ООН был поставлен вопрос о принятии резолюции, осуждающей действия сирийского режима.

§ 3. Начало вооруженного противоборства

События июня 2011 г ознаменовали новый этап в развитии сирийского восстания. В первой половине июня правительственные войска провели крупную спецоперацию по зачистке сел и городов на западе Сирии, в пограничных с Ливаном районах, и на севере, вблизи от турецкой границы.

Возможно, она и имела некоторый успех с военной точки зрения, но в конечном счете обернулась политическим и морально-нравственным поражением режима. Жестокие действия режима по подавлению восстания привели к большим потерям не только среди военных, но и мирных граждан. Случаи перехода солдат и офицеров на сторону восставших для их защиты не только участились, но и приняли постоянный характер. Таким образом, некогда единая военная корпорация дала трещину.

Это подрывало основную опору режима в лице армии и грозило Сирии скатыванием в гражданскую войну. В подавлении в основном участвовали подразделения Дивизии республиканской гвардии (ДРГ), 4-й дивизия спецвойск и отряды «Шабиха»², командование которыми осуществлял брат президента Махер Асад. Эти подразделения на 85–90% были укомплектованы личным составом из числа алавитов. Численность этих элитных подразделений составляла приблизительно 1/3 от общего состава вооруженных сил. Именно их представителей сирийская оппозиция обвиняла в убийстве сирийских солдат и офицеров, отказавшихся стрелять в мирных демонстрантов.

В результате разрастания внутриармейского конфликта он постепенно становился конфессионально окрашенным. Как следствие этого в общество был послан не только сигнал гражданского раскола, но и розни по конфессиональному признаку. Об этом косвенно свидетельствовала география проведения спецоперации, ее некоторые особенности и результаты.

² Агентура тайной сирийской полиции, в основном из числа криминалитета и бывших уголовников.

Так, зачистке подверглись в основном города, расположенные в районах, примыкающих к местам традиционного проживания алавитов, с преимущественно суннитским населением, окруженные селами, куда на протяжении последних десятилетий мигрировали алавиты.

Операция проводилась в местах, расположенных по линии Аккар (Ливан) – на север (граница с Турцией) – далее на восток (Хомс, Хама). Во время операции жителям алавитских сел военные раздавали оружие. Беженцы, численность которых к середине лета 2011 г. составила несколько десятков тысяч человек, были преимущественно суннитами.

Как подтвердили события февраля – марта 2012 г., еще тогда (в 2011 г.) режим в своих действиях руководствовался соображениями конфессиональной географии. Для власти было важно удержать контроль над районом по линии Хомс – Халеб, а также в районах Арида – Тель-Калах, которые в дальнейшем могли стать передовой линией обороны алавитов в противоборстве с суннитами.

Однако реализовать подобные планы было крайне сложно. За последние десятилетия население этих районов сильно перемешалось, и отделить «своих» от «чужих» было весьма непросто. К тому же большинство местных жителей находилось в неважных условиях и не испытывало большой любви к режиму Асада.

Характерно, что сирийский режим с момента прихода к власти в 1970 году Хафеза Асада позиционировался и старался вести политику исключительно как светский. Он базировался на баасистской трактовке идеологии арабского единства с элементами социализма, опирался на армию, где, как в плавильном котле, стирались все конфессиональные и религиозные различия, а также на мощную партийную организацию.

Действительно, многие властные позиции занимали выходцы из нескольких алавитских кланов, среди которых первенствовали кланы Асадов и Махлюфов. Но это вовсе не значило, что алавиты во власти отражали интересы всей алавитской общины Сирии и пользовались ее безусловной поддержкой. Лишь 25% из них связывали свою судьбу и жизнь с режимом. Остальные старались использовать свое алавитское

происхождение для продвижения бизнеса или карьеры в госсекторе, а многие и вовсе никак не были связаны с режимом. Да и руководители из числа алавитов уже были далеко не те, что раньше.

Даже противники Хафеза Асада были вынуждены признать его скромность и аскетизм, неприязнительность в быту. Если учесть, что алавиты пришли к власти в Сирии на рубеже 60–70-х гг. XX столетия из бедности, при поддержке малоимущих суннитов из сел в борьбе с разжиревшей при османах и французах сирийской аристократией, то эти мелочи при определенных обстоятельствах могли значить много.

При Хафезе Асаде простые алавиты были во многом солидарны со своими высокопоставленными одноплеменниками и были готовы защищать их ради общего дела.

После прихода к власти в 2000 г. Башар Асад окружил себя своими родными и близкими родственниками, расставив их на самые важные и доходные посты в государстве. Так, могущественный кузен президента Рами Махлюф фактически подмял под себя почти весь доходный бизнес в стране.

Таким образом, оказалась нарушена тщательно выстроенная Хафезом Асадом негласная система распределения социальных ролей между конфессиями по типу общественного договора. Основная суть ее сводилась к тому, что алавиты доминировали в армии и спецслужбах, а сунниты вольготно себя чувствовали в экономике и бизнесе в обмен на лояльность власти алавитов. При этом представители суннитской экономической и бизнес-элиты осознавали себя больше партнерами, нежели клиентами алавитов в общем деле управления государством.

К началу второго президентского срока (2007 г.) Башара Асада, на который он фактически сам себя переназначил, нарушив ранее данные им обязательства провести альтернативные выборы, все изменилось с точностью до наоборот. На фоне приближающегося экономического коллапса в результате кризиса суннитская буржуазия все меньше была склонна поддерживать режим.

Это не замедлило сказаться в прежде относительно спокойных Халебе и Дамаске, где со второй половины лета 2011 г. на улицы стало выходить все больше людей с требованием

отставки Асада. Акции протеста приняли перманентный характер. Их главным требованием стало свержение режима. Значительно выросла численность участников мирных демонстраций. В некоторые дни количество протестующих превышало 1 млн человек. До 1600 человек увеличилось и число погибших среди демонстрантов, из которых $\frac{2}{3}$ были люди в возрасте до 35 лет. Среди них было около 100 детей.

20 июня сирийский президент выступил с телевизионным обращением к сирийскому народу. Асад заявил, что народ его любит. Протестующих он разделил на три категории. Первые – «заблудшие» граждане, смущенные подстрекателями и заговорщиками. Вторых он причислил к уголовникам, а третьих назвал бандитами и саботажниками. Асад ни словом не обмолвился о революционной молодежи.

Вопреки ожиданиям президент не пообещал в ближайшее время собрать парламент, чтобы отменить статью 8 конституции. Вместо этого он около часа говорил о реформах, которые собирался провести в течение ближайших 6 месяцев.

В то же время он подтвердил прежний курс режима на силовое подавление восстания. Асад также заявил, что если протесты не прекратятся, то через 2–3 месяца экономика может не выдержать. Действительно, по некоторым данным, в сирийской казне к середине лета 2011 года золотовалютных запасов оставалось на 17 млрд долларов. Это позволяло власти импортировать продовольствие и предметы первой необходимости в течение еще 7 месяцев. Возможно, отчасти поэтому уже через день Асад объявил о второй всеобщей амнистии.

§ 4. Реакция международного сообщества и региональных государств. Начало интернационализации конфликта

Жестокие действия режима по подавлению восстания и многочисленные жертвы среди мирного населения серьезно осложнили международное положение страны. В итоге сирийские события получили широкий международный резонанс и привели к интернационализации конфликта. Спасаясь от жестоких репрессий, 17 тысяч мирных сирийских граждан

вынуждены были бежать в Турцию (12 тысяч беженцев), на север Ливана (5 тысяч), в Иорданию.

Отношения с некогда союзной Турцией окончательно испортились. Турецкие руководители различных уровней выступили с резкими заявлениями оценочного и персонифицированного характера относительно действий сирийских властей.

Визит специального посланника сирийского президента генерала Х. Туркмани в Турцию и его беседы с турецким руководством не смогли изменить ситуацию в турецко-сирийских отношениях. Турецкие власти предоставили свою территорию не только для лагерей беженцев, но и в качестве опорных баз вооруженной и политической сирийской оппозиции.

Дальнейшая эскалация вооруженного противостояния, особенно в приграничных с Турцией районах, заставила Анкару всерьез задуматься о создании буферной зоны на сирийской территории. Особую обеспокоенность турецких властей вызывала возможная реакция на сирийские события населения курдских районов и проживавших в районе Искендеруна алавитов (300–400 тысяч). Ведущие европейские державы – Франция, Великобритания, Германия при поддержке США стали активно продвигать в СБ ООН резолюцию, осуждавшую насилие сирийских властей в отношении мирных граждан.

Чтобы рассеять опасения России относительно повторения ливийского сценария в Сирии, европейцы предложили внести в резолюцию пункт, декларирующий отказ от любого вооруженного вмешательства в сирийские дела, существенно переработав ее первоначальный вариант, который предполагал санкции в отношении сирийского режима и уголовное преследование его представителей, виновных в гибели мирных граждан. Несмотря на это, жесткая позиция России и Китая и использование ими права вето не позволили принять «анти-сирийскую» резолюцию.

В то же время Россия и Китай не могли заблокировать ужесточение политических и экономических (нефтяных, банковских) санкций ЕС (50% товарооборота Сирии). В позиции Вашингтона явно наметился крен в пользу отставки правящего в САР режима. Позиция Лиги арабских государств (ЛАГ) стала постепенно меняться не в пользу сирийского режима. Некоторые

ее члены, в основном страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), предлагали приостановить членство Сирии в этой организации.

Наряду с Россией и Китаем, сирийский режим пользовался поддержкой ливанской «Хизбаллы», Ирана и отчасти палестинского ХАМАС.

По данным сирийской оппозиции, Иран оказывал Дамаску финансовую и военную помощь, а бойцы «Хизбаллы» и «Корпуса стражей Исламской революции» (КСИР) принимали участие в подавлении восстания сирийского народа. Лидеры ХАМАС были поставлены в затруднительное положение. С одной стороны, они пользовались всяческой поддержкой Дамаска, Тегерана и «Хизбаллы», а с другой, будучи в основе суннитским движением «Братья-мусульмане», не могли игнорировать позицию арабских стран с преимущественно суннитским населением, прежде всего Саудовской Аравии и Катара. Руководству ХАМАС периодически приписывали заявления о намерении перенести свою штаб-квартиру из Сирии в другое место (Катар, Иорданию). Особенно актуальным данный вопрос стал после того, как сирийский режим использовал палестинскую молодежь для организации антиизраильских провокаций на Голанских высотах, что в конечном итоге вылилось в кровопролитные межпалестинские столкновения в Ярмуке (район Дамаска, где проживали палестинские беженцы) во время похорон погибших палестинских юношей.

Уже после первых недель с момента начала революционных событий в Сирии руководители «Хизбаллы» и Тегерана испытывали серьезные опасения в способности сирийского режима справиться силовыми методами с восставшим народом. Еще в марте появились сообщения о том, что «Хизбалла» и Иран приступили к перемещению своего оружия со складов в Сирии – главным образом на юг Ливана.

В одном из своих выступлений 2 июля 2011 г. генеральный секретарь «Хизбаллы» Хасан Насралла дал ясно понять, что несмотря ни на какие попытки внешних сил разжечь межконфессиональную рознь в стране, им не удастся поссорить суннитов и шиитов.

Примечательно, что Х. Насралла выступал сразу же после провала упомянутых выше провокаций на Голанах и последовавшей вслед за этим очередной подобной попытки (теперь уже на севере Ливана) сирийского режима отвлечь внимание от внутрисирийских дел. В Иране ряд газет и депутатов меджлиса стали призывать сирийский режим прислушаться к требованиям народа и начать реформы.

В 20-х числах июня 2011 г. в Москве находились с визитом представители сирийской оппозиции. Их принял сенатор и спецпредставитель президента Российской Федерации по делам Африки М. Маргелов. Российская сторона призвала сирийскую оппозицию начать диалог с режимом, чтобы перевести конфликт в политическое русло. Оппозиция дала понять, что готова сотрудничать с отдельными представителями режима и его политическими институтами, не замешанными в преступлениях. При этом ее представители настаивали на необходимости предварительной отставки Б. Асада и свержения его режима.

Российская сторона не могла согласиться с требованием оппозиции о свержении режима, которому она оказывала не только политическую, но и военную (с августа 2011 г.) поддержку. Во время пресс-конференции в Париже 1 июля 2011 г. со своим французским коллегой министр иностранных дел РФ С. Лавров призвал сирийскую оппозицию изменить свою жесткую линию в отношении режима и предлагаемых им реформ.

Однако оппозиция не верила режиму и опасалась, что в своей борьбе за сохранение власти он может пойти на все, в том числе и на разжигание конфессиональной вражды. Все отряды сирийской оппозиции, вне зависимости от их политических симпатий и антипатий, первые полгода с момента начала восстания отвергали вооруженное вмешательство во внутрисирийский конфликт. Поэтому на всех своих съездах – в Анталии, Брюсселе, Стамбуле, Дамаске – ее представители неизменно делали упор на принцип гражданственности как основу нового общественного порядка.

В этой связи необходимо отметить, что к моменту начала сирийского восстания внутри Сирии не было сколько-нибудь серьезной и организованной оппозиции. В свою очередь,

зарубежные члены сирийской оппозиции были плохо связаны с внутренней жизнью в Сирии, занимались в основном информационно-пропагандистской работой и были разобщены. Только через 3–4 месяца после начала сирийского восстания оппозиция стала объединять свои ряды и выработать программу действий.

§ 5. Сирийская оппозиция и национальная армия. Рост профессиональных противоречий

Во второй половине июля 2011 года представители национальной и зарубежной сирийской оппозиции предприняли шаги по созданию единой организационной структуры. Они заявили о намерении сформировать временное переходное правительство для выработки и принятия новой конституции, проведения парламентских и президентских выборов в самые короткие сроки.

20 августа 2011 года в Дамаске на съезде оппозиционных политических сил был образован Национальный координационный комитет сил за национально-демократические перемены. Его возглавил Хасан Абдель Азим. В его состав вошли 13 различных партий и организаций левой политической ориентации широкого идеологического спектра (панарабские, арабские националисты, сирийские националисты, насеристы, коммунисты, троцкисты, маоисты) с сильной светской составляющей.

На момент образования этой оппозиционной структуры в состав ее руководящих органов входил Б. Гальюн, который позднее возглавил образовавшийся в октябре 2011 года Сирийский национальный совет (СНС), объединивший в основном различные отряды зарубежной сирийской оппозиции, в том числе и «Братьев-мусульман». И те и другие выступали за свержение режима Асада, коренное реформирование сирийских спецслужб, защиту прав меньшинств, строительство нового сирийского государства на демократических, гражданских основах, принципах парламентаризма и плюрализма.

И те и другие сталкивались с общими проблемами. Прежде всего это касалось их руководителей, которые находились в далеко не молодом возрасте. Они олицетворяли собой опыт

борьбы с асадовским режимом за демократические перемены последней трети XX – первых лет XXI вв., а потому испытывали определенные трудности в нахождении общего языка с революционной молодежью (военной и гражданской) из координационных комитетов сирийской революции. Между Координационным комитетом за перемены и СНС сохранялись расхождения в тактике подходов к решению указанных вопросов, но они постепенно нивелировались. 30 декабря 2011 года между Координационным комитетом и СНС было подписано соглашение о сотрудничестве. Однако по-прежнему оставался ряд спорных вопросов.

Так, в отличие от СНС Координационный комитет был категорически против какого-либо иностранного (неарабского) вмешательства в сирийские дела и милитаризации сирийского восстания. Его представители также возражали против монополизации какой-либо одной структурой права представлять интересы сирийской революции. Комитет также считал, что после свержения режима Асада в условиях переходного периода в стране должно действовать 2 конституции. Одна в виде официального текста, который должен быть вынесен на всенародный референдум. А вторая должна была представлять собой «общественный договор» по основополагающим положениям жизни сирийского общества, не требующим никакого обсуждения и принятым как данность. В последнем случае речь шла прежде всего о защите прав меньшинств в САР.

Развернувшиеся в начале июля 2011 года события вокруг сирийского города Хама стали серьезным испытанием для режима и оппозиции и в какой-то степени сыграли роль ускорителя в развитии дальнейших событий в Сирии и вокруг нее.

1 июля 2011 г. в Хаме прошли самые крупные народные манифестации протеста с момента начала сирийского восстания. Характерно, что в демонстрациях приняло участие от 500 до 700 тысяч человек. Все население Хамы составляло не более 800 тысяч. Массовые шествия с требованием отставки режима и лично Башара Асада прошли при полном невмешательстве местной власти и сил безопасности. В субботу 2 июля Асад своим указом отправил губернатора Хамы в отставку без публичного указания причин. С 1 июля (а фактически еще

раньше) четвертый по численности населения сирийский город оказался в руках противников режима. Позиция невмешательства местной администрации и органов безопасности в условиях острого противостояния могла трактоваться не иначе как согласие с восставшими.

События в Хаме поставили режим перед сложной дилеммой. Штурм города армейскими частями мог ускорить раскол внутри военной корпорации и ужесточить реакцию международного сообщества на события в Сирии.

В стране и за ее пределами росли опасения повторения событий 1982 года. Тогда Хама стала одним из важных опорных пунктов мятежа «Братьев-мусульман» против режима Асада, который был поддержан силами внесистемной светской оппозиции. По сути, город стал центром суннитского сопротивления власти алавитского меньшинства, установившейся с приходом в 1970 г. Хафеза Асада на властное поприще. Штурм города подразделениями «рот обороны» (прообраз сегодняшней 4-й дивизии спецвойск) под командованием дяди Башара Рифата Асада унес жизни от 10 до 40 тысяч мирных граждан. Не менее трети городских кварталов были разрушены до основания.

Характерно, что на тот момент премьер-министр Турции Р.Т. Эрдоган предупредил сирийское руководство о недопустимости подобных исторических реминисценций. Ему вторили США, которые потребовали от Б. Асада отвести войска от Хамы. «Международная амнистия» по результатам действий властей в мае – июне 2011 в Тель-Калахе и Джиср-эш-Шугуре уже поставила перед СБ ООН вопрос о передаче сирийского досье в Международный трибунал. Вынесение им судебного вердикта могло послужить серьезным аргументом для СБ ООН в принятии жесткой «антисирийской» резолюции.

Превращение Хамы в опорный пункт противников режима означало бы, что сирийское правительство не контролирует ситуацию в стране. Более того, Хама могла бы стать вторым Бенгази и таким образом спровоцировать вооруженное вмешательство извне по ливийскому образцу. Армии был бы послан ясный сигнал, что политическое руководство бессильно и не может справиться с беспорядками.

Вероятность попытки военного переворота существенно возрастала. В создавшихся условиях любая подобная попытка могла привести к окончательному расколу в армии. При этом никто не мог гарантировать, что армия расколется на патриотической основе, а не по конфессиональному признаку.

Как известно, сирийское общество отличалось конфессиональной и этнической пестротой. Данное обстоятельство не могло не сказаться на армии, которая являлась в каком-то смысле срезом общества и отражала особенности социальных отношений в стране. К тому же в отличие от других арабских армий сирийская армия являлась «идеологической». Согласно статье 11 действовавшей конституции, армия защищала идеи баасизма и революционные (баасистская революция 8 марта 1963 г.) завоевания сирийского народа. Эта же статья давала власти правовые основания применять армию не только против внешнего противника, но и внутри Сирии, против «врагов революции», монопольное право на имплементацию идей (единство, свобода, социализм) которой имела согласно статье 8 конституции ПАСВ.

Поэтому в отличие от Египта и Туниса сирийский генералитет в целом сохранял лояльность власти Б. Асада. К тому же центральные районы Дамаска и Халеба выжидали, не принимая активного участия в революции. А это была половина так называемого среднего класса Сирии, чьи интересы обычно совпадают с интересами большей части офицерского корпуса. Однако по мере того, как политический режим САР начинал все больше утрачивать контроль над происходящим в стране, патриотически настроенная часть сирийского офицерства могла начать пересматривать свое отношение к президенту³. К тому же за последние 10 лет конфессиональная карта Сирии претерпела серьезные изменения, и это не могло не отразиться на армии. Численность суннитов в армейском командовании к середине 2010 года достигла наивысших показателей с момента прихода к власти в Сирии ПАСВ. В руководстве различных управлений генштаба число суннитов выросло с 38%

³ Подробнее см.: Ахмедов В.М. Армия и арабские революции на Ближнем Востоке // Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше? М.: ИВ РАН. С. 72–91.

в 2000 г. до 54% – 58% в 2010 г. В то же время несмотря на политику открытости в отношении суннитов режим по-прежнему относился к ним с недоверием.

Указанные трансформации детерминировались как внутренними, так и внешними причинами. Традиционные проблемы сирийской экономики и предпринятые правительством попытки ее модернизации, внедрение рыночных механизмов в условиях сохраняющегося неэффективного аппарата администрирования привели к заметному ухудшению условий жизни сирийской периферии. Молодежь из сельских местностей (главным образом сунниты) хлынула в города в поисках работы и лучшей жизни.

С другой стороны, появление новых профессий в связи с использованием некоторых достижений научно-технического прогресса и относительное улучшение жизни части среднего класса, связанного с сектором услуг, туризма, торговли, уже не делали службу в армии столь привлекательной, как прежде. Основной костяк призывников и части контрактников составили выходцы из бедных многодетных суннитских семей.

К моменту начала революционных событий в САР из 11 дивизий только Дивизия республиканской гвардии, 4-я дивизия специальных войск, части спецподразделений, отряды «Шабиха» были представлены преимущественно алавитами. Остальные комплектовались в основном суннитами. Из 4 основных спецслужб Управление военной контрразведки ВС ГШ САР и контрразведка ВВС находились под командованием алавитов, в руководстве Департамента политической безопасности МВД САР и Управления общей разведки было немало суннитов.

С другой стороны, популярность идей исламского сопротивления в условиях вовлеченности Сирии в противостояние с Израилем и широкого распространения в сирийском обществе моральных норм и ценностей ислама оказывала влияние на армию, постепенно меняя ее светский характер.

Отметим, что сирийский режим поддерживал исламское сопротивление в Ливане и Палестине, но жестко пресекал деятельность «исламистов» внутри страны. Подобная дихотомия и ее негативные последствия особенно рельефно проявились

во время кризиса. Использование режимом военных в борьбе против собственного народа в условиях, когда оккупированные сирийские территории (Голаны) в течение последних 40 лет являлись самым спокойным участком арабо-израильского противостояния, стало серьезной ошибкой власти и поставило армию на грань раскола.

Разложение сирийской армии пошло быстрыми темпами после захвата Триполи и победы ливийской революции. Однако еще в середине лета 2011 г., особенно после операций сирийской армии в Джиср эш-Шугур и штурма Хамы, часть патриотически настроенных офицеров и солдат, вышедших из состава правительственных войск, образовали Свободную сирийскую армию (ССА).

В течение осени 2011 г. раскол в армии только усиливался. Все больше офицеров и солдат переходило на сторону революции и сражалось со своими бывшими сослуживцами и коллегами. Даже элитные части Дивизии республиканской гвардии оказались затронуты этим процессом. К концу октября – началу ноября 2011 г. ССА состояла из 22 бригад и 10–15 тысяч бойцов. Некоторые источники говорили чуть ли не о 90 тысячах дезертировавших. Но не все из них сразу вошли в состав ССА.

Однако чтобы противостоять 220-тысячной сирийской армии, этого было явно недостаточно. Возможно, поэтому в одном из своих заявлений командующий ССА Риад аль-Асаад ясно дал понять, что режим либо сам падет под напором массовых мирных демонстраций, либо будет сброшен вооруженным путем.

§ 6. Милитаризация восстания

К началу зимы 2011 г. ситуация в Сирии еще больше осложнилась. Демонстрации протеста охватили практически всю территорию страны. Для подавления протестных выступлений режим стал использовать бронетехнику, артиллерию, а в ряде случаев и вертолетную авиацию. Дамаск обвинил ряд стран, прежде всего США, Францию, Турцию, Катар и Саудовскую Аравию, в поддержке вооруженной сирийской оппозиции и вмешательстве во внутренние дела страны.

Многие сирийские города оказались в осаде. Демонстрации, которые раньше по большей части носили мирный характер, все больше стали приобретать черты вооруженной борьбы с верными режиму войсками.

Число жертв среди мирных граждан во время боестолкновений со штурмовавшими «мятежные» города правительственными войсками значительно выросло и стало составлять от 30 до 50 человек ежедневно. После того как протестующие убедились в том, что режим еще достаточно крепок, а значительная часть армии и спецслужб его поддерживает, на улицы сирийских городов демонстранты стали выходить с требованием установить «воздушную блокаду Сирии».

Еще недавно все отряды сирийской оппозиции, в том числе и СНС, были категорически против любого иностранного вмешательства (тем более вооруженного) во внутренние дела страны. Теперь они не исключали возможности организации международным сообществом какой-то формы защиты мирного населения от насилия со стороны властей.

5 ноября 2011. глава СНС Б. Гальюн в ходе телевизионного интервью потребовал от ЛАГ и ООН обеспечить арабскую и международную защиту мирных сирийских граждан от насильственных действий режима. СНС не исключал также вариант вооруженного иностранного вмешательства в САР. Однако проведение военной операции в Сирии по ливийскому образцу было крайне маловероятно. Одним из главных сдерживающих факторов служило то, что, по оценкам западных экспертов, ситуация в Сирии была еще «не готова» для начала операции по вооруженному вторжению, и поэтому вторжение было бы чревато большими рисками и непредсказуемым исходом.

Оппозиции не удалось создать на территории Сирии свой собственный Бенгази. Для многих на Западе не был решен вопрос о том, как поведет себя сирийское население в случае вторжения. Не до конца был ясен состав и цели сирийской оппозиции, степень ее сплоченности в случае проведения подобной операции. Несмотря на то что в последние месяцы раскол в армии усилился, режим был еще способен как давать отпор внутренней вооруженной оппозиции, так и нанести

ощутимый урон в случае внешнего вторжения. Было понятно, что преждевременная интервенция становилась рискованным мероприятием из-за роста военных и гражданских потерь. К тому же она могла спровоцировать начало полномасштабной гражданской войны и серию конфликтов с соседними государствами.

Подавляющее число отрядов сирийской оппозиции внутри страны также выступало против вооруженного вмешательства. На региональном поле активно действовал Иран, запугивая арабские монархии Персидского залива самыми серьезными последствиями в случае вооруженного вторжения в САР. На международном уровне любые решения в отношении сирийского режима, содержащие даже скрытый намек на возможность внешнего вмешательства, блокировались Китаем и Россией.

Москва продолжала поддерживать режим Асада, опасаясь, что в случае его смены российские интересы в Сирии могут серьезно пострадать. Об этом ясно свидетельствовали результаты переговоров С. Лаврова с главой Сирийского национального совета Б. Гальюном, которые прошли зимой 2011 г. в Москве. В ноябре 2011 г., по сообщению печатного органа ПАСВ «Аль-Баас» и «независимой» сирийской газеты «Аль-Ватан» (финансировалась Рами Махлюфом), в территориальные воды САР зашли несколько российских военных кораблей. Москва также продолжила выполнение ранее заключенных с САР военных контрактов и заключила новые, поставив режиму новейшее ракетное оружие и самолеты.

Однако это не помешало США, ЕС и Турции ужесточить свою позицию в отношении Дамаска. США и ЕС приняли ряд новых санкций в отношении представителей сирийского режима, в том числе Башара Асада, потребовав его отставки. Турецкое руководство все больше склонялось к открытой поддержке сирийской революции. Активизировались разного рода спекуляции по вопросу о возможности создания на части пограничной с Сирией территории зоны, где могли бы закрепиться сирийские вооруженные антиправительственные части. Однако турецкие руководители в этом отношении вели себя

очень осторожно и не спешили предпринимать какие-либо конкретные шаги в одностороннем порядке.

В принципе, Анкара и так оказывала достаточно серьезную поддержку сирийским повстанцам. На территории Турции действовали лагеря для сирийских беженцев. Командование ССА также размещалось на турецкой территории. Турция фактически на постоянной основе предоставляла свою территорию для собраний сирийской оппозиции. 22 ноября 2011 г. президент и премьер-министр Турции призвали Асада уйти в отставку и добровольно передать власть, чтобы избежать еще большего кровопролития в стране.

Одновременно Комитет по правам человека Генеральной Ассамблеи ООН большинством голосов принял резолюцию, осуждающую применение сирийским режимом насилия в отношении мирных граждан и демонстрантов. Резолюция не носила обязательного характера, однако могла послужить элементом давления на ООН и сыграть роль своеобразного катализатора внесения в Совет Безопасности новой резолюции по Сирии, очередной проект которой уже был подготовлен рядом западноевропейских стран. Характерно, что среди инициаторов резолюции ГА ООН были арабские государства – Бахрейн, Саудовская Аравия, Иордания, Кувейт, Марокко, Катар.

Действительно, позиции многих арабских стран и Лиги арабских государств в отношении сирийского режима заметно изменились. 2 ноября 2011 г. ЛАГ выдвинула мирный план по Сирии. Среди основных положений плана были: немедленное прекращение огня, прекращение насилия в отношении мирных граждан, отвод войск из районов боестолкновений, освобождение из тюрем всех политзаключенных и арестованных во время антиправительственных акций, допуск на территорию Сирии арабских наблюдателей и представителей СМИ. На выполнение этих требований сирийскому режиму отводилось 15 дней. После этого противоборствующие стороны должны были вступить в диалог для поиска путей выхода из кризиса. План ЛАГ практически полностью приняли и одобрили все заинтересованные стороны, в том числе Дамаск и Москва. Однако многие положения плана отличались явной размытостью и неопределенностью.

Во-первых, не было четкого временного графика прекращения насилия и отвода войск. Было неясно, шла ли речь обо всех силовых структурах, действовавших против революционеров, или же только о регулярных частях армии. В этом случае у сирийского режима оставалась возможность для продолжения зачисток мятежных районов, ведь на местах останутся силы безопасности и отряды «Шабиха».

К тому же в плане не был заложен механизм контроля со стороны ЛАГ за выполнением его положений и не были обозначены меры по принуждению сирийских властей к его выполнению. И главное: цель, ради которой принимался план, – начать национальный диалог власти с оппозицией – представлялась заведомо недостижимой. Подавляющее число отрядов сирийской оппозиции как внутри страны, так и за ее пределами отказывалось говорить с режимом. С другой стороны, сирийский режим был не готов идти на кардинальные реформы политической системы. А также выводить войска, прекращать насилие, выпускать из тюрем десятки тысяч заключенных, допускать на свою территорию зарубежные независимые СМИ, правозащитные организации и т. п.

Поэтому мало кто верил в циркулировавшие в Дамаске и за его пределами сообщения о том, что комиссия под руководством вице-президента САР Ф. Шараа готовит всесирийскую конференцию национального согласия, и Асад может делегировать ему часть президентских полномочий для налаживания такого диалога. Указанные сомнения усилились после неудачного визита Ф. Шараа в Россию, сам факт которого официальные Москва и Дамаск отрицали.

Действительно, даже если допустить, что сам Асад согласился бы отойти в сторону ради реализации мирного плана, то вряд ли ему позволило бы это сделать его ближайшее окружение. Все это привело в конечном счете к срыву арабской мирной инициативы и провалу миссии арабских наблюдателей, приостановке членства САР в ЛАГ, принятию ей санкций в отношении Дамаска, передаче «сирийского досье» в СБ ООН, а главное – к дальнейшей интернационализации конфликта.

К концу 2011 г. в Сирии наметилась устойчивая и быстро развивающаяся тенденция милитаризация конфликта и его

постепенное перерастание в вооруженную борьбу Свободной сирийской армии, других вооруженных повстанческих отрядов и правительственных служб безопасности и спецвойск.

Для объединения всех вооруженных антиправительственных сил и руководства действиями революционных военных в ССА был создан Военный совет. Одновременно с тем, как СНС принял политическую программу построения новой Сирии, бойцы ССА предприняли серию серьезных вооруженных атак с применением РПГ на ключевые военные и гражданские правительственные объекты в Дамаске и его пригородах. Сирийские революционеры не собирались сдаваться. Они только наращивали сопротивление, рассчитывая, что раскол в армии продолжится и усилится. Командующий ССА Р. аль-Асаад заявил о готовности продолжать вооруженную борьбу с режимом.

В новый 2012 год Сирия вошла в очень тревожной обстановке. Страна стремительно двигалась в сторону начала полномасштабной гражданской войны и религиозной розни.

Глава 2

«ИСЛАМИСТСКИЙ ПОВОРОТ». ПРЕДПОСЫЛКИ, ТЕОРИЯ, ИДЕОЛОГИЯ

Как известно, религия играет определенную роль в качестве важного духовного фактора во время войн и кризисов. С другой стороны, избыточное воздействие религиозного фактора на ход противостояния в условиях войн и революций способно привести к изменению первоначальной мотивации военных действий и таким образом превратить вооруженное выступление в войну религиозную. При этом в случае глубокой интервенции религии в политический процесс она может содействовать подмене истинных ценностей, уводу восстания от его первоначально обозначенных целей.

Выдвинутые в Сирийской Арабской Республике в марте 2011 года лозунги свободы, плюрализма, демократизации общественной жизни, улучшения социально-экономического положения, борьбы с коррупцией, отражавшие в своей основе законные требования широких слоев сирийского населения, отошли со временем на второй план и трансформировались в религиозные призывы экстремистского характера. Это привело в конечном итоге к подмене изначально сформулированных целей восстания задачами (поддержанными частью повстанцев) установления религиозного государства.

Подобная трансформация была во многом связана с целым рядом факторов, в том числе с ростом милитаризации в Сирии, разочарованием части участников протестного движения, утратой ими веры в возможность в перспективе достичь разрешения возникшего в стране кризиса политическим путем. Неудачей закончились и попытки международных посредников вывести мирные переговоры из тупика.

Огромные жертвы среди гражданского населения, сотни тысяч погибших, миллионы беженцев, колоссальные разрушения – всё это вело к изменению мировоззрения широких масс сирийского населения.

Действительно, следует отметить, что на ранних стадиях сирийского восстания исламская символика и ее материальное воплощение не были как-то особенно заметны. Однако их влияние становилось все рельефнее по мере обострения идеологических разногласий, превращения многих мечетей в «штабы революции». Постепенно исламисты стали активно вовлекаться в происходившие события, становясь в них основными фигурантами.

Участие исламистов в работе сирийской политической оппозиции и рост их влияния на нее стало уже невозможно игнорировать. С одной стороны, использование протестным движением некоторых исламских лозунгов и появление исламистов в рядах повстанцев стало вынужденным шагом. Это была ответная реакция на жестокие действия властей по подавлению протестных выступлений в условиях, когда светская оппозиция в отсутствие какой-либо внешней поддержки вынуждена была прибегнуть к использованию исламских лозунгов как средства мобилизации широких масс для поддержки революции и поддержания баланса сил.

Однако по мере укрепления места и роли в восстании примкнувших к светской оппозиции вооруженных исламистских группировок, базировавшихся на принципах ислама, использовавших религиозную символику и базовые установления исламского государства, стала меняться публичная риторика командиров различных отрядов как политической, так и военной оппозиции. В своих публичных заявлениях и практической деятельности оппозиция стала постепенно отходить от первоначально заявленных политических целей.

Все это ознаменовало поворот в сирийском восстании, который сопровождался обострением конфессиональной розни между суннитами, алавитами и шиитами, с одной стороны, и расколом по линии межнациональных отношений между арабами и курдами – с другой. Одновременно усиливалось внешнее вмешательство в сирийский кризис, которое также шло

по двум ложным направлениям. Одна часть международного сообщества фактически поддержала суннитскую вооруженную оппозицию, другая активно защищала режим Асада, который опирался в основном на поддержку алавитов и шиитов.

Складывавшейся в Сирии и вокруг нее обстановкой умело воспользовались маргинализированные режимом салафитские силы, представители которых, особенно на уровне провинциального звена, глубоко проникли в вооруженное повстанческое движение и определили тем самым в какой-то степени его социальную направленность и основу.

Постепенно среди них стали заметно выделяться салафитские группировки, связанные с джихадистской идеологией. Они отвергали идею построения светского демократического государства и выступали за создание государства, основанного на принципах исламского законодательства и администрирования.

Отмеченные выше трансформации в сфере мировоззрения, идеологии и политики в сирийском оппозиционном движении в итоге привели к разжиганию в стране вооруженного гражданского конфликта, который все больше милитаризировался и приобретал конфессиональную окраску¹.

Она ярче всего проявилась в выступлениях командиров отдельных отрядов воинствующей оппозиции. Позднее подобные идеологические установки нашли своё практическое применение на освобожденных территориях в ряде районов провинций Халеб, Ар-Ракка, Аль-Хасака и Джиср-эш-Шугур.

Одновременно с этим идеологические разногласия между различными вооруженными отрядами повстанцев вылились сначала во фракционную борьбу, а затем и в открытую конфронтацию. Наиболее острые конфликты возникли между отрядами, связанными с «Аль-Каидой», Свободной сирийской армией и курдами.

Почвой для подобной конфронтации послужили попытки ряда исламистских группировок ввести на контролируемых ими освобожденных территориях законы и нормы шариата,

¹ Подробнее о салафитском движении в Сирии, его вооруженных отрядах, идеологических установках и политических взглядах см.: Ахмедов В.М. Салафиты в условиях вооруженного восстания в Сирии (2014) [Электронный ресурс] // сайт Института Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=22037>.

а также предпринятые меры по навязыванию своих религиозных взглядов и доктрин другим представленным в сирийском обществе конфессиям.

В то же время было бы преувеличением сводить разногласия, возникавшие между различными вооруженными группировками и повстанческими отрядами, исключительно к одной только религиозной сфере. Серьезные расхождения наблюдались и во взглядах на будущий политический режим, и на методы и способы реализации им базовых демократических ценностей.

На самом деле было достаточно сложно понять суть процессов, происходивших внутри религиозно-мотивированного оппозиционного повстанческого движения в Сирии. Во многом это было связано со слабой изученностью различных местных исламских политических объединений, истории их формирования, их природы и взглядов, социального состава участников и форм практической деятельности, связанных с ними вооруженных группировок.

Действительно, подавляющее большинство объектов исследования – исламские движения и организации – практически не были представлены в Сирии до начала конфликта ни на политическом, ни на институциональном уровне. Значительная часть этих движений и организаций появилась только с началом сирийского восстания, зародившись внутри самого повстанческого движения. При этом они отличались повышенной секретностью и закрытостью, а часть из них, вышедшая из глубокого подполья, куда была загнана прежним режимом, не стремилась афишировать свои взгляды.

Ярким примером могла служить организация «Братья-мусульмане», которая присутствовала в общественной и политической жизни Сирии достаточно продолжительное время до того, как была запрещена в 1980 году. С началом «арабского пробуждения» в Сирии «Братья-мусульмане» постепенно стали превращаться в его активного участника.

Другой пример – сирийские салафиты. До революции салафитское движение находилось в Сирии под негласным

запретом и подвергалось гонениям². По мере того как часть отрядов вооруженной оппозиции восприняла в ходе сирийской революции исламистскую идеологическую доктрину, салафитское движение стало постепенно возрождаться и принимать активное участие во многих эпизодах сирийского гражданского противостояния. При этом сирийские салафитские группы в Сирии не отличались прочным единством. Поэтому в начальный период степень их вовлеченности в антиправительственную борьбу и влияния на происходившие события была далеко неоднозначной. Так, в Сирии существовал ряд группировок, которые исповедовали салафизм джихадистского толка, близкого к идеологии «Аль-Каиды». Но были и салафиты, которые не имели к «Аль-Каиде» никакого отношения.

Другим не менее влиятельным политическим движением был суфизм. Суфии в Сирии традиционно делились на две группы: одни были тесно связаны с правящим режимом и стояли на официальных позициях, другие не были связаны с властью и исповедовали собственные взгляды. Во время конфликта подобный дуализм в суфийском движении сохранился, выразившись в практическом плане в расколе его приверженцев на тех, кто поддержал восстание, и тех, кто считал необходимым оставаться на нейтральных позициях.

Еще одним движением можно считать так называемых независимых исламистов. Последние не разделяли взглядов ни «Братьев-мусульман», ни салафитов.

Отдельную группу образовывали шейхи и связанные с ними школы. Предпочтительнее, однако, классифицировать их идеологические воззрения по степени близости к трем основным политическим и идеологическим движениям Сирии – «Братьям-мусульманам», суфиям и салафитам.

Нередко многие западные журналисты и обозреватели упрощали проблему, связанную с воздействием исламистских движений и течений на общественно-политическую жизнь Сирии. Они склонялись к тому, чтобы рассматривать это сложное и многомерное явление через призму сложившихся общих

² Об истории сирийских салафитов см.: Муаз аль-Хатиб (21.11.2012) [Электронный ресурс] // *Carnegie Middle East Center*. URL: <http://carnegie-mec.org/publications/?fa=50091>.

представлений, навязанных зачастую западными и арабскими СМИ. При этом в немалом числе их печатных и электронных изданий сложно было найти сильный логический ряд, выстроенный на аргументированной основе, подтвержденной репрезентативным фактическим материалом.

Зато во взглядах на эту проблему легко обнаруживались известные предубеждения и политические штампы. Так, в ряде случаев практически игнорировались существующие между исламистскими группировками различия в плане их идеологических воззрений, решаемых задач, целей, которые они преследовали. Слабо учитывались такие факторы, как разная степень их вовлеченности в процесс восстания, их поведенческие стереотипы, различия в предлагаемых концепциях государственного устройства.

В определении подходов к изучению роли религии в деятельности исламистских групп и движений нередко смешивались чисто символическая и духовная роль ислама в политическом процессе восстания. Путаница наблюдалась также и при идентификации исламистских движений с точки зрения их оперативной и политической деятельности. Подобного рода генерализация использовалась и в оценках концептуальных установок, идеологических трендах различных отрядов вооруженной оппозиции. При этом мало внимания уделялось политическим заявлениям лидеров этих движений, выдвигаемым ими идеям и шагам по их реализации на практике.

На самом деле, в понимании сути исламистского движения было немало трудностей концептуального порядка. Это, во-первых, кардинальное отличие «исламистского феномена»³ от характера сирийского режима⁴, особенно

³ Под «исламистским феноменом» (сам термин носит во многом условный характер) в данной работе понимается достаточно сложное общественно-политическое явление, которое в условиях сирийских событий охватило значительную массу сирийцев, изменив их прежние мировоззренческие и поведенческие стереотипы. В результате в Сирии возникла абсолютно новая социальная страта, которая различными способами и методами пытается самоидентифицироваться в социальном, политическом, идеологическом, культурологическом плане в предлагаемых обстоятельствах.

⁴ Подробно о характере и природе сирийского режима см: Ахмедов В.М. Современная Сирия. История. Политика. Экономика. М.: Институт востоковедения РАН. 2011. С29–49; 132–145.

на институциональном уровне. Во-вторых, сами реалии общественных отношений в Сирии в условиях кризиса, которые имели весьма лабильный характер. В-третьих, исключительность самого сирийского восстания. В-четвертых, особый исторический контекст, который накладывался на современные условия, в которых развивалось сирийское восстание.

Без учета и изучения вышеуказанных обстоятельств было достаточно сложно осмыслить различные измерения «исламистского феномена», понять его природу и характер, детали и нюансы, связанные с его появлением.

Действительно, арабы, исповедующие ислам суннитского направления, – доминирующая религиозная группа в Сирии. Приверженцы остальных конфессий являются меньшинствами, среди которых можно выделить алавитов, друзов, исмаилитов, православных христиан, армян-григориан, католиков и других. Результатом подобной религиозной и этнической чересполо-сицы стала этнорелигиозная рознь, вылившаяся со временем в «политический конфессионализм». Противовесом ему была идеология правящей Партии арабского социалистического возрождения, выдвигавшей на первый план идеи арабского национализма в его светском преломлении.

Начиная с 1980-х годов любая общественная и политическая деятельность тех, кого власть именovala исламистами, находилась в Сирии под жестким запретом. В этот период правящий режим пытался придать секулярный характер политическим институтам государства, активно внедряя светское мировоззрение в массовое сознание. В результате политический ислам (за исключением официального, государственного) оказался под запретом, а любой, кто пытался исповедовать близкие к исламизму взгляды, подлежал аресту.

В 1980 г. был принят закон № 49, согласно которому только за подозрение в принадлежности к «Братьям-мусульманам» грозила смертная казнь. Этот запрет на политическую деятельность касался не только этой организации, но и всех других исламских и светских политических партий и движений, включая и салафитские, чья деятельность шла вразрез с внешней и внутренней политикой правящей партии сирийского режима.

Как известно, подавляющая часть высшего сирийского руководства традиционно принадлежала к религиозной общине алавитов (численность которых не превышает 12% населения САР), и это обстоятельство широко использовалось в антиправительственной пропаганде «Братьев-мусульман» и других исламистских организаций.

Так, выдвигавшиеся «Братями-мусульманами» лозунги восстановления в Сирии традиционных ценностей в рамках планируемого исламского государства, очищенного от «еретиков-алавитов», изображавшихся суннитской пропагандой «воплощением зла», нашли поддержку и отклик в г. Хама, где жители, сунниты в подавляющем большинстве, были известны особой приверженностью мусульманским традициям. Не удивительно, что именно в Хаме «Братья-мусульмане» подняли в 1982 году восстание, которое власти жестоко подавили. С тех пор этот факт лишь усиливал конфессиональный аспект в непростых взаимоотношениях «исламистов» с режимом.

Другой характерной чертой взаимодействия режима с обществом был конфессионализм, который зачастую приобретал в практическом плане характер «политического конфессионализма».

На протяжении более чем 50 лет сирийские исламисты подвергались систематическим репрессиям внутри собственной страны и преследованиям за ее рубежами. Конфронтация между ними, правящим режимом и «Братями-мусульманами» относится еще к 60-м годам XX столетия.

Отношения с властью салафитов, находившихся практически в подполье, всегда носили напряженный характер. В действительности господство шейхов и суфиев и их религиозных доктрин в обществе в результате тесного взаимодействия с режимом приводило на практике к ограничению отношений с режимом других исламских движений. Дружеское расположение режима к суфиям выразалось, в частности, в том, что режим не давал распространиться салафитскому вероучению.

Власти опирались на мощный аппарат спецслужб, и эта практика была особенно заметна во взаимоотношениях режима с исламистами, против которых часто использовали практику военных судов. Поэтому исламистам в Сирии приходилось

испытывать немалые сложности. Выбор у сирийских исламистов был невелик: уйти в подполье, сесть в тюрьму, уехать за границу или дожидаться падения режима.

Подобный характер взаимоотношений исламистов с режимом привел в условиях восстания к тому, что общественные ниши, куда могли бы канализироваться настроения «новых исламистов», появившихся на волне восстания и отличавшихся от тех, которые существовали на официальном и полуофициальном уровне до начала сирийских событий, или практически отсутствовали, или их рамки оказались очень узкими. В результате многим исследователям и политологам как в России, так и за рубежом было очень сложно дать верную оценку даже таким известным движениям, как «Братья-мусульмане», и помочь режиму выстроить отношения с ними в условиях восстания.

В таких странах, как Египет, Саудовская Аравия, ряде других монархий Персидского залива, где многие радикальные исламистские организации были также запрещены, всё же были созданы оперативные каналы для их взаимодействия с властью. Параллельно существовали определенные идеологические рамки для подобного рода отношений, что несколько облегчало задачу властям в плане селекции и классификации различных отрядов исламистов.

В Сирии же накануне революции не существовало легальных институализированных исламистов. Все исламистские организации были поставлены вне закона. Таким образом, не было организаций, на примере которых можно было бы дать характеристику движениям и организациям «новых исламистов», сравнить их с каким-либо местным аналогом.

Для того чтобы быть идентифицированными, хотя бы по методу аналогий, запрещенным исламистским организациям было необходимо в начале либо восстанавливать связи, оборванные прежде спецслужбами, либо создавать новые. Это, конечно, не относилось к религиозным институтам (школам, мечетям, вакуфам, благотворительным фондам), связанным с правящим режимом, а также к суфийским орденам, чью деятельность правительство поощряло на протяжении последних 40 лет.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что многие из тех сирийских оппозиционеров, кто примкнул к исламистам, связал свою судьбу с борьбой с режимом и вступил в исламистские отряды, испытывали серьезные трудности в определении своей идеологической или политической идентичности. Не помогло и то, что в ряде отрядов для новобранцев были организованы специальные индоктринационные курсы. Основное внимание там уделялось боевой подготовке.

Так, еще задолго до вспыхнувшей в Сирии гражданской войны было практически невозможно более или менее четко определить разницу между салафитами-джихадистами, умеренными салафитами и «Братьями-мусульманами» – с точки зрения их отношения к правящему режиму и стратегии борьбы с ним.

Те силы, которые смогли достичь согласия по общим целям антиправительственной борьбы, сумели на какое-то время заключить союз. В то же время подобные альянсы не носили стратегического характера и уж ни в коей мере не отражали общности в понимании конечных целей борьбы с точки зрения построения новой государственности. К тому же отношения отдельного члена группы с коллективом носили ситуационный, временный характер, а прочность этих отношений во многом зависела от самого хода вооруженной борьбы. Поэтому подобные связи носили весьма лабильный характер и не являлись устойчивыми.

Поэтому нельзя было исключать того, что в условиях мирного времени характер противостоящих режиму сил мог сильно измениться. Их политическая деятельность могла дать иные инструменты в виде новых политических партий, СМИ, финансовых фондов, которые стали бы прибегать к совершенно иным методам при ограничении деятельности непримиримых исламистских структур⁵.

⁵ С программными установками ряда исламистских движений, партий, вооруженных отрядов можно ознакомиться на их официальных сайтах. См. например: www.ahraralsham.com/; www.facebook.com/ifajr; <http://syrialiberationfront.com>; <http://lewaaltawheed.com>; <http://www.al-farok.com/>; <https://www.facebook.com/ALFAROQISLAMIC>; www.asala-tanmia.com; www.al-farok.com/archives/1264; <http://tinyurl.com/o4a8zxo> и т. д.

С другой стороны, очень непростые отношения с режимом порождали среди части исламистов убеждение в том, что восстание изначально должно было носить характер вооруженной борьбы с целью свержения режима, и они не верили в возможность его постепенной трансформации.

Все это привело к тому, что расхождения между различными отрядами оппозиционного движения стали главной темой сирийского восстания.

Многих политиков и политологов как внутри Сирии, так и за ее пределами настораживал тот факт, что на каком-то этапе сирийского восстания в нем возобладал «дух ислама», выразившийся прежде всего в использовании различными отрядами сопротивления исламской символики и лозунгов. Поэтому многие эксперты и обозреватели концентрировались в первую очередь на исламской атрибутике, исламских лозунгах, проповедях некоторых настоятелей в мечетях, выкриках в ходе демонстраций массовых движений, на исламской символике в названиях вооруженных отрядов, полагая, что именно ислам является главным трендом повстанческого движения.

На самом деле подобные лозунги серьезно отличались от лозунгов и воззваний тех исламских движений, которые уже давно были известны в исламском мире. «Новые исламисты» как бы искали через эти лозунги свою идеологическую и политическую идентичность в привязке к истинному исламу. Несмотря на то что этот религиозный атрибут сирийского восстания находил отклик в определенных прослойках общества, он серьезно отличался по своей интеллектуальной глубине, идеологии и политическому содержанию, общественной повестке, поведенческой практике от традиционных движений политического ислама.

Возникший в условиях сирийского восстания идеологический вакуум в обществе в результате отмеченных выше особенностей взаимоотношений власти с религией привел к изменению характера отрядов оппозиционного движения и способствовал появлению «новых исламистов». Это следует из анализа их внутренней структуры, социального состава

участников, природы их союзников и противников из числа других отрядов вооруженной оппозиции⁶.

Обращает на себя внимание и то, что, как уже отмечалось, большинство из них до сих пор находится в поиске своей идеологической и политической идентичности и переходят из одного состояния в другое, чтобы окончательно определить для себя идеологические рамки и способы поведенческого стереотипа в обществе.

Большинство «новых исламистов» представлено различными отрядами оппозиции, которые ведут вооруженную борьбу с режимом с самого начала восстания из-за его особого характера в тех районах, где местное население решило взяться за оружие. Ряд этих отрядов расширял ареал своей деятельности по мере того, как в них вливались новые бойцы. Они продолжали искать новых союзников, которые могли бы согласиться с их идеологическими установками и методами действий на освобожденных территориях. Некоторые преуспели в этих своих попытках. Другие потерпели крах. Часть этих отрядов отличалась прочностью структуры, другие были весьма фрагментарны. Одни возникли на идеологической основе, создание других было продиктовано исключительно практическими соображениями. На протяжении всех последних лет восстания эти показатели были очень подвижны и быстро менялись. Правда, сегодня они в целом приобретают единый характер.

Любопытно, что, по оценке ряда сирийских и арабских интеллектуалов, такое явное использование частью сирийской оппозиции религиозного фактора для духовного подъема на определенном этапе восстания означало на деле стремление различных отрядов достичь мировоззренческого единства в видении идеологической основы будущего государственного устройства Сирии. Таким образом, исламистские организации и сочувствующая им часть общества использовали религию как фактор временного сплочения против превосходящих

⁶ Подробнее об исламистских движениях в Арабском мире см.: The Encyclopedia on Islamic Movements in the Arab World. Beirut: The Centre for Arab Unity Studies. 2013. P. 1158–1161.

правительственных сил режима, его жестокой практики подавления восстаний.

В то же время нельзя исключать, что по мере ослабления накала вооруженного противостояния и особенно в условиях мирного времени та символическая роль ислама, которую он приобрел на более ранних этапах гражданской войны в Сирии, может начать трансформироваться.

Как уже было сказано, одной из особенностей нынешней сирийской междоусобицы является существенная разница между городом и деревней и та роль, которую сыграла в конфликте, по крайней мере на начальном этапе, периферия.

Первые наиболее сильные очаги антиправительственных выступлений вспыхнули в провинциальных центрах, и до тех пор пока волна не достигла столичных городов (Дамаска и Халеба), конфликт по преимуществу носил характер мирных протестных манифестаций. Начались они на периферии отчасти потому, что прежде всего именно там силы безопасности и армия утратили свой авторитет среди населения. Имело также значение резкое ухудшение социально-экономического положения населения окраин страны и неспособность местных властей справиться с вызовами рыночной экономики. Особенно заметным это стало в период правления Б. Асада.

В то же время в Дамаске и Халебе интеллектуальная, экономическая, торговая элиты не стремились к революционным преобразованиям, не хотели революции, опасаясь испытать на себе все связанные с ней риски. Очень бедные слои населения были готовы поддержать антиправительственное восстание, а вот их более состоятельные соседи из числа представителей среднего класса и торгово-промышленной буржуазии не приветствовали эту революцию, как и многие жители зажиточных кварталов, тесно связывавшие свое благополучие с режимом

Таким образом, именно периферия сыграла на начальных этапах сирийского конфликта определяющую роль. Что касается специфического влияния на политическую борьбу религии, то оно по своему типу имело бедуинский характер, сельскую атрибутику, и именно этим объясняется такое влияние салафитского ислама, более распространенного в сельской местности,

по сравнению с традиционным суфийским вероучением, игравшим куда более скромную роль.

Салафитские идеи расцвели прежде всего в условиях провинциальных центров, а влияние так называемого цивилизационного ислама, присущего городским элитарным слоям – буржуазии, торговцам, интеллигенции, военным, – носило весьма ограниченный характер среди как гражданских, так и военных участников повстанческого движения. Это становилось очевидным на примере весьма скромного присутствия суфийского элемента в отрядах вооруженной и светской гражданской оппозиции.

В результате «исламистский феномен» конфликта нес в себе сильный провинциальный компонент и с этой точки зрения имел потенциально временный характер. Поэтому было бы преждевременным считать устоявшуюся ситуацию в идеологическом спектре «новых исламистов». Факторы влияния, финансовой поддержки оказывали решающее воздействие на формирование идеологической ориентации и политической повестки этих группировок.

Подавляющее большинство «новых исламистов» из отрядов вооруженной оппозиции не имели организационных ниш с прицелом на мирное время. Именно через них они могли бы вернуться в гражданское общество и быть приняты им. Их участие в конфликте было в значительной мере связано с тем политическим и идеологическим выбором, который был им навязан режимом и некоторыми внешними силами.

Глава 3

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СИРИИ И ВООРУЖЕННАЯ ИСЛАМИСТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ

На рубеже 2011–2012 гг. в сирийском революционном движении, которое прежде отличалось в основном мирным характером, наметилась устойчивая и быстро развивающаяся тенденция его милитаризации и перерастания в вооруженную борьбу. В 2013–2014 гг. ситуация стала стремительно сдвигаться в сторону начала полномасштабной гражданской войны. В то же время сирийский режим не был готов идти на кардинальные реформы политической системы и постепенную смену власти.

Радикализации сирийского конфликта и превращению его в межрелигиозную борьбу отчасти способствовал и сам режим. Первый и самый сильный удар был нанесен по светским, демократическим силам. Те, кто в марте 2011 года вышли на улицы сирийских городов с патриотическими требованиями реформ и свобод, очень быстро оказались перед выбором – либо вовсе остановить мирные протестные акции, либо взяться за оружие. Многие гражданские активисты сильно колебались и предлагали иные методы воздействия на власть.

Но рост насилия и жестокость действий власти в отношении мирного гражданского населения вынуждали многих, особенно молодежь, становиться на путь вооруженной борьбы.

Достаточно быстро те, кто взялся за оружие, оказались в полной зависимости от тех, кто мог этим оружием снабжать. Как правило, подобная помощь, особенно по мере роста запросов, предоставлялась в зависимости от лояльности групп сопротивления исламистской повестке, что на практике выражалось не только в выборе названия отряда, но и в особом

поведенческом стереотипе (установление шариатских законов, например) на освобожденных территориях.

В условиях «асимметричной» войны, когда режим использовал авиацию и артиллерию для бомбардировки захваченных повстанцами районов, а вооруженное сопротивление испытывало острую нехватку оружия, акции смертников стали единственным средством поддержания баланса сил на поле боя. Это дало мощный рост джихадистским отрядам в рядах вооруженного сирийского сопротивления и способствовало на начальном этапе росту их популярности среди части населения освобожденных районов. К тому же привлечение Б. Асадом иностранных наемников из Ливана, Ирака и Ирана, ряда других стран, вызванное серьезными потерями в живой силе национальных вооруженных сил, и отсутствие должного боевого опыта у новобранцев легитимизировало в глазах части местного населения участие в боевых действиях джихадистов из других арабских стран.

Как утверждалось в докладе, подготовленном командованием Сирийской свободной армии (ССА) в январе 2014 года, за годы конфликта общие потери правительственных войск составили 65 тысяч человек. При этом необходимо иметь в виду, что общая численность дезертировавших солдат и офицеров равнялась (февраль 2013 г.) приблизительно 100 тысячам человек.

По различным оценкам, режим должен был бы потерпеть сокрушительное поражение еще на рубеже 2011–2012 гг., если бы не получил помощь от своих зарубежных союзников. Для исправления сложившейся ситуации режим начиная с 2013 г. приступил к созданию вооруженных отрядов по типу народного ополчения и милицейских формирований.

В этот период были созданы Национальные демократические силы (НДС), «Кувват ан-Нимр» и «Сукур аш-Шам». Характерно, что инициатива в создании указанных подразделений принадлежала в основном крупным алавитским бизнесменам и отставным сотрудникам сирийских спецслужб, близким к режиму. Поэтому в начальный период своей деятельности эти отряды больше напоминали частные армии и фактически не подчинялись центральному командованию. К тому же практически все они были сформированы на конфессиональной или

этнической основе. Эти факторы снижали эффективность их боевых действий и уровень доверия и поддержки со стороны гражданского населения. Несмотря на это, они провели ряд успешных операций против вооруженной оппозиции в различных районах страны. К концу 2015 года в эти формирования входило, по разным оценкам, 35–40 тысяч бойцов.

Только после начала операции российских ВКС положение стало меняться. В 2015 году под руководством российских и иранских советников режим приступил к созданию 4-го и 5-го армейских корпусов, в состав которых организационно вошла часть указанных подразделений.

Несмотря на предпринятые усилия, к осени 2015 года общая численность личного состава правительственных войск не превышала 100 тысяч человек – против 300 тысяч в начале конфликта. Неудивительно, что к октябрю 2015 года сирийский режим уверенно контролировал не более 20% территории страны и не мог обойтись без внешней поддержки, чтобы противостоять вооруженной сирийской оппозиции.

В сложившихся условиях Б. Асад был вынужден призвать на помощь иностранцев – прежде всего боевые отряды ливанской «Хизбаллы», общая численность которых, по разным оценкам, составляла от 10 до 14 тысяч бойцов, а также иракские шиитские военизированные бригады «Лива Абу аль-Фадль аль-Аббас» (несколько тысяч бойцов), которыми фактически руководил элитный корпус иранской республиканской гвардии «Аль-Кудс» под командованием генерала Касема Сулеймани. Последний, по данным из источников военной сирийской оппозиции, фактически командовал обороной Дамаска и его пригородов. Данные о количестве иранских военных советников и специалистов воюющих на стороне Б. Асада весьма противоречивы и недостоверны. Однако большинство экспертов полагало, что их общая численность не превышала 15 тысяч человек¹.

За последние три года Иран создал в Сирии собственную армию «Джейш тахрир аш-Шам» численностью до 5 тысяч человек, в состав которой входили в основном шиитские наемники из Ирана и Афганистана, ряда арабских стран и незначительное

¹ Ахмедов В.М. Кто воюет в Сирии? (2014) [Электронный ресурс] // Сайт Института Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=20322#more-20322>.

число сирийцев. К концу 2017 г., по данным сирийской оппозиции, общая численность шиитских отрядов, действующих на территории страны, достигала 60–62 боевых формирований.

Характерно, что численность противостоящей режиму ССА, состоявшей преимущественно из дезертировавших солдат и офицеров, а также отрядов народного ополчения, не превышала 30–35 тысяч человек. Отсутствие поставок вооружений из союзных стран Запада, главным образом США, Великобритании и Франции, существенно осложняло ведение ими боевых действий даже против сильно ослабевшей армии режима, не говоря уже о шиитских вооруженных отрядах из Ливана, Ирака и Ирана.

Вряд ли они смогли бы долго противостоять этой силе, если бы не поддержка так называемой вооруженной исламистской оппозиции, общая численность различных отрядов которой на рубеже 2013–2015 гг., по разным оценкам, колебалась от 70 до 80 тысяч бойцов.

В отличие от ССА, чью идеологическую основу в целом питали мировоззрения светского и националистического характера, исламские бригады и фронты не испытывали особо сильной нужды в финансировании и оружии, которое поступало им из-за рубежа, главным образом из арабских монархий Персидского залива, прежде всего Саудовской Аравии.

Сыграло свою роль и отсутствие должной реакции международного сообщества, которое оказалось бессильным не только остановить, но и осудить жесткие действия режима. Указанные выше обстоятельства раскололи вооруженную оппозицию, выдвинув на передовые позиции радикальных исламистов, и дезорганизовали политическую оппозицию, которая не сумела сплотить силы вооруженного сопротивления на единой патриотической основе и политической платформе.

С конца 2011 года, после того как сирийское восстание стало приобретать характер военного конфликта, вооруженная оппозиция, в том числе воинствующие исламисты, постепенно укрепилась в своих позициях. Всего на территории Сирии в 2012 году, по разным оценкам, находилось около 1200 вооруженных отрядов различной направленности – от наиболее умеренных до самых радикальных. К концу 2016 года их

количество заметно сократилась. Многие оказались полностью разгромлены, самораспустились и перестали существовать как самостоятельные боевые единицы. Другие вошли в состав более крупных формирований, таких как «Исламское государство», «Джейш аль-Ислам», «Джейш фатх аш-Шам», «Ахрар аш-Шам», «Сукур аш-Шам», «Фейлак аш-Шам», ССА и других.

На рубеже 2015–2016 гг. возникли новые отряды, которые сформировались главным образом на основе существовавших ранее фронтов по типу объединенных военных штабов и боевых соединений. Среди них можно выделить: «Джейш ан-Наср» (филиал ССА), в состав которого вошли «Джабхат аш-Шамийя», «Джейш аль-Ызз'а», «Фалькон аль-Габ» и еще 13 отрядов; «Новую сирийскую армию» (в основном на базе курдских отрядов сопротивления) и ряд других.

В силу весьма лабильной ситуации на сирийских фронтах и быстро меняющейся политической конъюнктуры в стране и вокруг нее достаточно сложно точно исчислить количество отрядов вооруженной сирийской оппозиции. Однако большинство экспертов полагают, что к концу 2017 г. в Сирии активно действовало не менее 100–120 различных фронтов и отрядов вооруженной сирийской оппозиции (с учетом ИГИЛ и «Ан-Нусры») общей численностью не менее 70 тысяч профессиональных и хорошо вооруженных бойцов. При этом, несмотря на происходящие трансформации в составе вооруженной оппозиции, ее матрица с точки зрения социальной основы, идеологических установок, политической ориентации, основных целей и задач практически не изменилась по своим ключевым параметрам с момента зарождения этих отрядов в первой половине 2012 г. И поэтому опыт изучения истории появления, становления и развития вооруженной оппозиции в Сирии, особенно ее радикального крыла, в 2012–2014 гг. может представлять несомненный интерес².

Салафиты, как и прежде, составляли костяк многих отрядов вооруженной исламской оппозиции, часть из которых

² Подробнее о вооруженной сирийской оппозиции, ее истории, политике, идеологии, составе и т. п. см.: Ахмедов В.М. Роль исламского фактора в общественно-политическом развитии арабских стран Ближнего Востока и его эволюция в условиях сирийского восстания (90-е гг. XX – начало XXI вв.). М.: ИБВ. 2015.

продолжает оставаться в той или иной мере подверженной джихадистской идеологии. К наиболее явным джихадистским группировкам можно отнести отряды, непосредственно связанные с «Аль-Каидой»: «Джабхат ан-Нусра»³, ИГИЛ, или «Исламское государство», батальоны «Аль-Мухаджирин»⁴.

Практически не упоминающийся сегодня Исламский фронт Сирии (ИФС) являлся наиболее значимой, активно действовавшей организацией, хорошо представленной в различных сирийских провинциях. ИФС был основан в июле 2012 года и состоял из 11 наиболее крупных отрядов. Заметную роль среди них играли «Ахрар аш-Шам», «Аль-Фаджр аль-Исламийя», «Лива аль-Хак», батальон «Хамза бин Абдул Муталиб», «Джамаат ат-Талиа аль-Исламийя», батальон «Мусааб бин Умайя»⁵.

В своем уставе ИФС провозгласил, что стремится к свержению действующего в Сирии режима и установлению в стране «цивилизованного исламского общества», которое будет следовать суннитскому направлению ислама «набожных предшественников».

ИФС представлял собой сирийскую версию салафизма джихадистского толка. Он отличался от «Аль-Каиды» тем, что большинство членов его отрядов были сирийцы.

Одним из наиболее крупных отрядов ИФС являлся «Ахрар аш-Шам», который действовал в районах Халеба, Идлиба и на севере Сирии в частности.

ИФС сотрудничал с другими отрядами вооруженной сирийской оппозиции, но не подчинялся ССА. Подобно «Джабхат ан-Нусра» и «Лива ат-Таухид», он создавал «Исламские комитеты» для разрешения конфликтных ситуаций – главным образом в сфере нарушений прав человека на освобожденных территориях. Он пользовался заметным влиянием в районах Ар-Ракка, Идлиба и Халеба и их сельских пригородах.

³ С лета 2016 года отказалась от своей приверженности к «Аль-Каиде» и сменила название на «Джейш фатх аш-Шам».

⁴ Al-Haj Abdurrahman. "al-Salafiyah wa Salafiyun fi Soria: min al-Islah ila al-Jihad". Al-Jazeera Net, 20 May 2013. P. 9–12.

⁵ Zelin, Aaron Y. The Syrian Islamic Front: A New Extremist Force: Policy Watch 2031. 4 February 2013[Электронный ресурс] // URL: <http://www.washington-institute.org/policy-analysis/view/the-syrian-islamic-front-anew-extremist-force>.

Другой группой являлся Исламский фронт за освобождение Сирии (ИФОС). Основу его идеологии составляла общая исламская идентичность, где соединялись идеи салафизма, «Братьев-мусульман», а также различных исламских школ либерального направления, несмотря на то что его заявления и действия несколько отличались от салафитской доктрины ислама. В своих выступлениях ИФОС стремился отойти от чисто салафитского дискурса и делал больший упор на общенациональные и традиционные ценности сирийского общества. Многие отряды ИФОС действовали под знаменем ССА. ИФОС возглавлял Ахмед Исса, который одновременно командовал «Сукур аш-Шам», а Мухаммед Аллуш координировал боевые операции.

Наиболее крупными отрядами ИФОС являлись «Лива ат-Таухид», действовавший в Халебе, «Катаиб аль-Фарук», действовавший в основном в районах Хомса, «Аль-Фарук аль-Исламийя», действовавший в провинции Хама. Отряд «Сукур аль-Шам» был особенно активен в районе Идлеба, а также в значительной части районов Хама. Отряд «Лива аль-Ислам»⁶, являвшийся частью группы, отколовшейся от «Ансар аль-Ислам», действовал в провинции Дамаск.

В состав Фронта входил также отряд «Сукур аль-Курд», действовавший в Эль-Камышлы, и Революционный совет Дейр аз-Зора.

Для работы в гражданской сфере по мобилизации местного населения на освобожденных территориях была создана и действовала организация под названием «Исламский комитет аш-Шам», куда входил ряд видных салафитских деятелей. В этом комитете доминировала группа Срура («политический салафизм»). Она вела большую работу в деле оказания гуманитарной помощи населению, образовательной сфере, занималась спасательной деятельностью, оказывала медицинскую и образовательную помощь местному населению и помогала пережить тяготы военного времени. Комитет издавал журнал «Нур аш-Шам».

В своих уставных документах комитет утверждал, что стремится к «установлению Божьей религии на земле»

⁶ С 2013 г. преобразован в «Джейш аль-Ислам», куда вошли ряд других отрядов.

и укреплению исламской идентичности Сирии. Комитет имел также свое мнение по вопросам гражданства, взаимоотношений разных конфессий и своей роли в социальном развитии страны и с конца 2013 года стал вести подготовку к созданию собственной политической партии, которая отражала бы его религиозные и идеологические взгляды.

В ноябре 2011 года возник Фронт исправления и развития (ФИР). Идеология фронта была традиционной салафитской. Он был создан в восточных районах Дейр аз-Зора, но имел филиалы по всей Сирии. В его состав входили 139 батальонов. ФИР состоял из двух групп: военной и гражданской.

Гражданское крыло фронта было в основном представлено обществом «Ахл аль-Аср», а военное крыло сохранило название ФИР. Оно провозгласило, что его основной задачей является свержение режима и объединение под своими знаменами различных отрядов оппозиции. Фронт также гарантировал соблюдение равенства прав всех граждан и социальную справедливость. Представители организации полагали, что затянувшаяся победа революции в Сирии связана прежде всего с фрагментацией вооруженных отрядов оппозиции, отсутствием единства среди них и неэффективной деятельностью ряда представителей политической оппозиции.

Сирию без Асада ФИР представлял как гражданское государство, основанное на принципах справедливости, толерантности, мирном сосуществовании всех социальных групп населения. Несмотря на то что ФИР не акцентировал внимание на вопросах демократии, он в то же время заявлял о своей приверженности некоторым демократическим принципам, чтобы принять участие в строительстве будущей Сирии.

Создание ФИР вызывало много вопросов. Ряд экспертов полагали, что фронт пользуется массивной зарубежной финансовой и иной помощью, так как у его руководства была возможность привлекать на службу опытных бойцов и проводить активные военные действия, располагая необходимым оружием и логистической поддержкой. Более того, некоторые эксперты считали, что ФИР является прототипом иракских «сахават» – отрядов, образованных в 2007 году во время войны в Ираке и сражавшихся против «Аль-Каиды». Действительно,

наряду с борьбой с сирийским режимом и иранским влиянием в Сирии ФИР имел задачу противодействия «Аль-Каиде». Фронт пользовался поддержкой ряда влиятельных шейхов, салафитских организаций в Иордании и Саудовской Аравии и прямой поддержкой руководства этих двух государств.

Один из руководителей салафитского движения в Иордании Али аль-Халяби полагал, что ФИР по многим параметрам был близок к традиционному салафизму наподобие «Лива аль-Ислам» во главе с ныне покойным Захраном Аллушем⁷. Он также утверждал, что ФИР пользовался поддержкой арабского салафитского движения и не получал помощи из других источников.

Действительно, в состав ФИР принимались только сирийцы, там не было иностранцев и арабов из других стран, как в других отрядах вооруженной сирийской оппозиции. Фронт опирался на поддержку племен восточных районов Сирии, располагал значительным потенциалом силы и ресурсами, которые позволяли привлекать новых бойцов и заручаться лояльностью других отрядов. Стремление ФИР объединить под своими знаменами другие, не менее сильные отряды вооруженной оппозиции наталкивалось на серьезные разногласия между ними, особенно между ССА, «Ахрар аш-Шам», «Лива ат-Таухид».

Если проанализировать идеологическую платформу и национальную программу современного салафитского движения с точки зрения силы его воздействия на население и роли в обществе, то ясно, что та часть ИФС, куда входили «Ахрар аш-Шам», «Аль-Фаджр аль-Исламийя», «Ат-Талиа аль-Мукатия», «Лива аль-Хак» и другие отряды, имела исключительно сирийскую, местную повестку. В то же время другие отряды в составе ИФС, такие как «Катаиб аль-Фарук», «Аль-Фарук аль-Исламийя», «Сукур аш-Шам», «Лива аль-Ислам», решали несколько иные задачи.

На уровне гражданского общества такие организации, как благотворительное общество «Аш-Шам», разделяющие идеи «политического салафизма», другие гражданские организации салафитов, осуществляющие операции гуманитарного характера, занятые проповеднической деятельностью и работой в сфере образования, имели достаточно широкую базу

⁷ Сегодня – «Джейш ал-Ислам» во главе с его братом М. Аллушем.

общественной поддержки. Вместе с другими исламскими отрядами они участвовали в управлении освобожденными территориями. Например, отряды «Ахрар аш-Шам», «Лива ат-Таухид», «Сукур аш-Шам» участвовали в делах гражданской администрации и управления. Они пытались преодолеть армейский стиль во взаимодействии с местной администрацией, чтобы наладить сеть контактов среди гражданской администрации и населения. В то же время военная составляющая оставалась приоритетной в деятельности подобных организаций.

Все эти группировки в принципе были согласны с применением исламских законов во время и после революции. Некоторые из них поддержали создание и работу шариатских комиссий. Они также поддержали так называемые «комитеты по утверждению истины и искоренению зла» (наподобие саудовской религиозной полиции «Аль-Мутава»). Данное обстоятельство заставляло усомниться в том, что члены этих отрядов действительно готовы поддержать законы, гарантирующие индивидуальные свободы и права человека.

На политическом и идеологическом уровне большинство этих групп транслировало идеи исламского государства в качестве будущего политического режима власти в Сирии. Этот политический режим, в их представлении, должен был основываться на исламских законах шариата как единственном источнике законодательства. Подобная позиция была озвучена в ряде публичных заявлений некоторых лидеров отрядов «Лива ат-Таухид», «Ахрар аш-Шам», «Аль-Фарук аль-Исламия», «Сукур аш-Шам».

При этом некоторые отряды («Лива ат-Таухид», «Катаиб аль-Фарук», «Сукур аш-Шам») избегали публичной поддержки демократической системы. Они старались открыто не критиковать идеи плюрализма, парламентаризма и механизмы демократического управления. В данном случае их позиция была весьма схожа с позицией египетской партии «Ан-Нур» салафитского толка, которая в принципе поддерживала демократический процесс, но отвергала демократические ценности, настаивая на главенствующей роли ислама и шариата как основы законодательства и права.

Предложения этих групп внедрить в практику повседневной жизни нормы мусульманского права вызывали неприязнь большинства населения, так как в первую очередь некоторые отряды устанавливали запреты на то, что рассматривалось как нарушение норм ислама и шариата, – открытая одежда женщин и табакокурение.

Указанные выше факторы могли изменяться в зависимости от тех позиций, которые эти движения и отряды занимали в ходе взаимодействия с отрядами зарубежной сирийской оппозиции, их деятельности в рамках совместных военных советов. Большинство из этих организаций, даже те, которые работали со Свободной сирийской армией, испытывали определенное недоверие к институтам сирийской оппозиции, действовавшим за рубежом. Они очень внимательно относились к любым попыткам зарубежной оппозиции навязать им свою точку зрения. Данное обстоятельство затрудняло их взаимодействие с ССА и СНКОРС как в военном, так и в политическом плане.

К тому же, несмотря на ужесточение вооруженной борьбы, до сих пор непросто добиться единства среди самих салафитов Сирии. Многие их группы в Сирии разделяют общие исламские идеи салафитской направленности и действуют в интересах салафитов. Необходимо иметь в виду, что между членами различных групп постоянно происходил обмен мнениями и идеями по вопросам формирования единой салафитской позиции. С другой стороны, классифицировать эти группы в идеологическом плане представляется весьма трудной задачей, так как нередко их идеи противоречат друг другу, быстро меняются одна на другую в зависимости от смены баланса сил и изменения взаимоотношений между различными отрядами вооруженного сопротивления.

Те вызовы, с которыми сегодня сталкиваются различные отряды салафитского движения, во многом связаны с их неспособностью противодействовать попыткам различных сил внутри Сирии и за ее пределами сдерживать рост салафизма и помешать ему утвердиться в новых социальных и культурных реалиях Сирии.

В свою очередь, перспективы салафитского движения связаны с возможностью населения воспринять идеи салафизма,

в том числе в скорректированном применительно к сегодняшним условиям Сирии виде. Несмотря на то что сегодняшняя ситуация свидетельствует о бурном росте «провинциального» салафизма, сохраняется возможность возрождения салафитского движения (в модернизированной форме), исторически присущего столичным центрам, прежде всего Дамаску и Халебу.

Один из видных исследователей салафизма Абдуррахман аль-Хадж полагал, что всплеск салафизма, особенно джихадистского характера, не имеет глубоких корней в Сирии и обусловлен мобилизационными задачами и политической миссией, которые определяются особыми условиями ведущейся в Сирии войны⁸.

На самом деле, сегодня достаточно сложно спрогнозировать перспективы салафитского движения в Сирии. Скорее всего, они будут определяться развитием конкретной ситуации на сирийской почве и теми переменами, которые ждут Сирию в недалеком будущем. В случае продолжения гражданской войны может наблюдаться дальнейший рост и распространение джихадистского салафизма. В случае же смены режима и возвращения к мирной жизни возрастают шансы умеренного, реформистского и политического салафизма, который прежде всего начнет развиваться в сельских местностях, а потом и в крупных городских центрах.

Несмотря на то что сегодня в Сирии пока превалирует «джихадистская» идея, воплощенная в действиях «Исламского государства» и «Джейш Фатх аш-Шам» (бывшая «Ан-Нусра»), было бы неправильным считать, что умеренный ислам, характерный для этапа мирных протестных движений, полностью исчез и не имеет шансов на возрождение.

Если допустить, что присущий Сирии постмодернистский ислам Леванта – это продукт новой городской культуры, то надо признать, что он должен был неизбежно впитать в себя характерный для ливантских городов дух либерализма и стремления к демократии. Нельзя исключать, что в случае прекращения военных действий и при определенных политических условиях он может оказать свое позитивное влияние на сирийский

⁸ al-Haj, Abdurrahman. Al-Salafiyah wa Salafiyun fi Soria: min al-Islah ila al-Jihad // Al-Jazeera Net, 20 May 2013. P. 11–12.

социум и стать существенным дополнением в формировании новой идеологии обустройства общества.

Было бы преждевременно считать устоявшейся ситуацию в идеологическом спектре «новых» исламистов. Факторы влияния и финансовой поддержки все еще продолжают оказывать воздействие на формирование идеологической ориентации и политической повестки этих группировок.

Поэтому необходимо четко отслеживать смену религиозно-идеологических предпочтений различных отрядов воинствующих исламистов. При этом тем, кому небезразличен характер будущей власти в Сирии, важно стараться нащупать возможный общий вектор их политико-идеологической ориентации в случае падения режима Асада, не путая его (вектор) с религиозной символикой и духом, столь характерным для суннитского ислама.

Одновременно было бы неплохо понимать, до какой степени эвентуальный религиозный мейнстрим «новых» исламистов может корреспондироваться с идеологией уже известных движений политического ислама. Подавляющее большинство «новых» исламистов из отрядов вооруженной оппозиции не имеют сегодня организационных ниш с прицелом на мирное время. Именно через них они могли бы вернуться в гражданское общество и быть приняты в нем. Их появление было прежде всего связано с тем политическим и идеологическим выбором, который был им навязан режимом и рядом внешних сил.

«Исламистский феномен» сирийского восстания серьезно трансформировался за несколько последних лет, особенно в связи с особыми условиями сирийской революции. Нельзя исключать, что в случае прекращения военных действий в Сирии и постепенного возвращения жизни страны в прежнее, мирное русло, «исламистский феномен» может постепенно исчезнуть, поскольку, как было показано выше, его живительной основой служит жестокая вооруженная борьба в стране.

Глава 4

РОЛЬ «БРАТЬЕВ-МУСУЛЬМАН» В СИРИЙСКОМ ВОССТАНИИ

«Братья-мусульмане» являются одним из старейших исламских движений Сирии. Движение наиболее полно представлено в современной политической истории страны. Эта организация привлекала наибольшее внимание Запада, так как многие эксперты считали, что именно «братья» будут играть ведущую роль в постасадовской Сирии. В то же время их вклад в сирийскую революцию до последнего времени был на деле достаточно скромным и ограниченным, а отношения с другими отрядами сирийской вооруженной оппозиции складывались далеко не однозначно.

Сложность в определении реальной силы и влияния членов этой организации в Сирии объясняется их долгим отсутствием в политической жизни страны после подавления известного восстания в Хаме в 1982 году. В этот период движение находилось в состоянии вооруженной конфронтации с баасистским режимом. В этой связи режим попытался фактически искоренить движение «Братья-мусульмане» в Сирии, посадив в тюрьмы и физически уничтожив десятки тысяч его членов и сторонников, а уцелевшие были вынуждены уехать за границу. В 1980 году был принят известный закон № 49, согласно которому только за саму принадлежность к организации предусматривалась смертная казнь. Принятие этого закона ускорила атака «Сражающегося авангарда» – секретного подразделения «братьев» – на военные казармы в Халебе в 1979 году. После того как закон был принят, дамасское отделение «братьев» фактически самораспустилось, стало заниматься проповеднической и просветительской деятельностью вместо вооруженной

борьбы с режимом. Часть членов организации вошла в состав «Боевого авангарда», другие выехали в Халеб. Однако благодаря конспирации многие из «братьев» так и не были вычислены сирийскими спецслужбами и продолжали оставаться на территории Сирии.

С момента своего возникновения в Сирии движение страдало от ряда несогласованностей по вопросам управления и регламентации своей деятельности по признаку географического размещения между Халебом и Хамой, а также по ряду идеологических установок, колебавшихся между экстремистским и умеренным направлением.

На самом деле накануне революции в Сирии организация испытала несколько внутренних расколов, отличалась разбросанностью своих членов по разным странам мира, отсутствием явных и нелегальных групп в Сирии, испытывала трудности с призывом в организацию молодежи в Сирии и за рубежом и характеризовалась слабостью руководства. Это вело к ослаблению позиций организации в сирийском обществе, особенно в молодежной среде, и эрозии ее организационной структуры. В заявлениях и на встречах «братья» фактически признавали нестабильного состояния организации. Они понимали «чужеродность» своего движения внутри Сирии, так как большинство молодежи (особенно те, кто родился после 80-х гг. XX века) имело слабое представление об организации и ее деятельности в ранние годы.

Действительно, на протяжении последних десятилетий до начала сирийской революции движение раздирали противоречивые тенденции.

Так, в 50-е годы XX века движение вело активную политическую работу, его представители работали в выборных органах власти и даже в правительстве – под руководством своего лидера и основателя Мустафы ас-Сibaи.

Однако баасистская революция 1963 года открыла новую главу в военном и политическом противостоянии «Братьев-мусульман» с режимом. Возникла глубокая пропасть между «братьями» и широкими консервативными слоями сирийского общества.

Исправительное движение 1970 года и приход к власти в Сирии Хафеза Асада стало поворотным моментом в отношениях «братьев» с режимом. Прежний конфликт между ними и властью получил к тому же религиозный окрас¹.

В течение десятилетий вплоть до конца 90-х годов XX века в движении не прекращалась острая борьба между представителями молодого и старшего поколений членов организации. Одновременно в этот период было создано секретное подразделение «Боевой авангард», которое провело ряд вооруженных операций в конце 1970 – начале 1980 гг. против режима, что еще больше усилило конфронтацию «братьев» с властью. При этом ряд членов «братства» отрицали свою принадлежность к «авангарду» и не желали иметь с ним ничего общего. После массовых убийств «Братьев-мусульман» в Тадмурской тюрьме и серии вооруженных стычек с режимом организация приняла так называемую «Хартию вооруженной исламской революции». Несмотря на то что в хартии содержались указания на создание в Сирии плюралистического и светского государства, провозглашались принципы сменяемости власти и уважения прав меньшинств, документ в качестве основной стратегии борьбы с режимом принял метод вооруженной борьбы. В 1980 году на территории соседнего Ирака были созданы боевые тренировочные лагеря, куда стекались члены организации².

При этом в руководстве «братьев» сохранялись разногласия по вопросу о том, стоило ли объединять усилия с другими политическими силами и светскими движениями в Сирии. Однако сложное положение в руководстве «братьев» и попытки устранить ряд их руководителей за рубежом привели к тому, что организация стала рассматривать вооруженный путь борьбы с режимом в качестве единственной альтернативы.

Однако к концу 90-х годов в политических заявлениях и некоторых акциях организации стали отмечаться признаки, свидетельствовавшие об определенных внутренних трансформациях. Под руководством Али Садреддина аль-Баянуни

¹ Nayouf, Salah. Political Islam in Syria: a Knowledge Map // The Muslim Brotherhood in Syria: The Resistance of the Sect and the Violence of the Movement. Dubai: Al Mesbar Studies & Research Center, Second edition, February 2001. P. 26–47.

² Nayouf, Salah. Ibid., pp.8–41.

(2006–2011) в движении укрепились реформистские тенденции и появилась некоторая открытость в отношении других политических сил в Сирии. Приход к власти в САР Башара Асада и его политика внутри страны, получившая название «Дамасская весна», лишь способствовали укреплению подобных реформистских настроений и открытости, что дало возможность ряду оппозиционных движений выйти на поверхность в Сирии и несколько повысило степень их активности и мобильности³.

Подобная новая ориентация отразилась в виде пакета документов, которые были приняты организацией, а также в разработке ряда проектов, в реализации которых она принимала участие совместно с другими оппозиционными силами, как это было видно на примере «Дамасской декларации». Декларация была ориентирована на мирные политические методы реформирования. В ней содержались призывы к продолжению демократических процессов, партийному плюрализму, отмене закона о ЧП, прекращению монополии ПАСВ и т. п. Одновременно «братья» стали принимать участие в работе «Фронта спасения», который был основан сбежавшим в 2005 году на Запад бывшим вице-президентом САР А.Х. Хаддамом⁴.

Наиболее важный документ был принят «братьями» в 2004 году. В нем нашли отражение взгляды организации на будущую Сирию и отразился постепенный сдвиг идеологии «братьев» в сторону демократии, плюрализма, сменяемости власти, защиты прав меньшинств, уважения прав человека и гражданских свобод – на фоне приверженности религиозным принципам⁵. Для многих исследователей ссылка на приверженность религиозным принципам в этом документе трактовалась как обязательный элемент, как это было в программах ряда других религиозных организаций Леванта.

³ Ghadbian, Najib. The Syrian Islamic Movement and the Prospects for Democratic Transformation // The Muslim Brotherhood in Syria: the Resistance of the Sect and the Violence of the Movement. Dubai: Al Mesbar Studies & Research Center, Second edition, 2001. P. 71–86.

⁴ Ghadbian, Najib. Ibid. P. 82–86.

⁵ Подробнее о взаимоотношениях режима и «Братьев-мусульман» в период правления Б. Асада см.: Ахмедов В.М. Современная Сирия. История. Политика. Экономика. М.: Институт востоковедения РАН. 2011. С. 49–57; 74–91.

Наряду с другими группами и организациями, действовавшими в Сирии, которых так или иначе увязывали с «братьями», существовала так называемая Ассоциация сирийских улемов, которую возглавлял один из уважаемых в стране и за ее пределами религиозных деятелей Мухаммед Али ас-Сабуни. Ассоциация придерживалась позиций умеренного ислама и занималась просветительской деятельностью, издавая фетвы. Она проводила различного рода публичные мероприятия в поддержку революции. Другой важной организацией была литературная ассоциация «Аш-Шам» (куда входили только авторы-мужчины), которую возглавлял Абдулла ат-Тантави. Она вела сайт в Интернете, где публиковались материалы в поддержку революции⁶.

Одной из значимых общественных организаций Сирии, деятельность которой всегда являлась предметом спекуляций относительно ее связей с «братьями», была организация «Аль-Ватан». Эта некоммерческая общественная гражданская организация была зарегистрирована в Великобритании и заявляла о планах открыть филиалы в ряде стран Европы, Турции и США⁷. «Аль-Ватан» отрицала, что занимается политической деятельностью. В ее состав входило несколько различных организаций и комиссий, таких как, например, «Ар-Райан» (которая занималась благотворительной и гуманитарной работой в Сирии), «Джабаль ал-Хуррайя» (организация курсов обучения основам прав человека и гражданских свобод), Сирийский центр свобод «Хурийят» (гуманитарная деятельность), Сирийский центр образования, Сирийский центр бизнеса, Сирийский национальный информационный центр, Центр благотворительности «Аль-Хэйр». «Аль-Ватан» являлась одной из важных организаций, специализировавшихся на организации благотворительной и волонтерской деятельности для помощи Сирии⁸.

В 2013 г. «Аль-Ватан» возглавлял Муаз ас-Сибай. Анас ас-Сибай руководил деятельностью благотворительных обществ

⁶ www.odabasham.net.

⁷ Lund, Aron. Struggling to Adapt: The Muslim Brotherhood in a New Syria. May, 2013. [Электронный ресурс] // Carnegie Endowment for International Peace. URL: http://carnegieendowment.org/files/Brief_Lund-Syrian_MB.pdf.

⁸ Who we are [Электронный ресурс] // URL: https://watan.foundation/Home/WHO_WE_ARE?lang=en.

«Аль-Хэйр», Ахмед Мухандис возглавлял Генеральную ассамблею «Аль-Ватан». Туда входило большое число сирийских эмигрантов и политических активистов. «Аль-Ватан» служила связующим звеном между эмигрантами и организациями, занимавшимися оказанием гуманитарной помощи в Сирии. В то же время ряд наблюдателей рассматривали «Аль-Ватан» как центр по вербовке в «братство».

Та заметная роль, которую «братья» играли в политической сфере за рубежом, была несравнима со скромной и ограниченной ролью, которую они играли внутри Сирии и в вооруженном восстании в частности. Эксперты не усматривали в этом ничего удивительного, так как «братья» после событий 1980 г. очень долго отсутствовали на внутривнутриполитической арене Сирии. Более того, шейхи-руководители, которые стояли во главе движения, отказывались признавать те серьезные перемены, которые произошли в стране и обществе за последние десятилетия. Не будем забывать, что на передний план борьбы в Сирии, как это указывалось выше, вышли представители движений из провинций и периферийных районов.

При этом необходимо иметь в виду, что исторически в Сирии города всегда служили оплотом крупных народных движений. По оценке и признанию бывшего члена исполкома «братства» и его активного члена Мухаммада ас-Сейида, вооруженное восстание добилось серьезных успехов именно в сельской местности, где оно началось сначала в Деръа, распространившись позднее на Хомс, Джиср эш-Шугур и Идлеб. Данное обстоятельство в какой-то мере затрудняло определение истинной роли «братьев» в революционной борьбе⁹.

В начале сирийских событий «братья» колебались, прежде чем заявить о своем участии в революции. Однако когда стало понятно, что ситуация скатывается в сторону конфронтации между обществом и властью, а протесты не стихают несмотря на жестокое подавление властью, движение стало постепенно отходить от мирных средств борьбы с режимом и его вовлеченность в сирийский кризис стала более видимой. Указанные выше разногласия между различными отрядами

⁹ Abu Rumman, Mohammad. *Islamists, Religion, and the Revolution in Syria*. 2013. By Friedrich-Ebert-Stiftung, FES Jordan & Iraq. P. 23–24.

«братьев» продолжались вплоть до начала революционных событий в Сирии, когда во главе братьев вместо Али Садреддина аль-Баянуни встал Мухаммед Рияд аш-Шакфа. В 2011 году ряд представителей зарубежного филиала «братьев» получил места в исполнительном комитете Сирийского национального совета (СНС) – в дальнейшем Сирийский национальный конгресс (СНК) – куда позднее, в 2012 году, вошло еще несколько членов как ответ на вызовы сирийской революции¹⁰.

Протестная деятельность «братьев», которая в начальный период восстания носила в целом мирный характер, началась в среде молодежных отрядов, действовавших в зарубежной сирийской диаспоре. Наиболее ярко она проявлялась в информационном поле. В начале конфликта несколько молодых членов организации создали специальный сайт, посвященный революции. Позднее их страница в Интернете стала важным форумом, где обсуждались последние новости из Сирии¹¹.

В одну из таких молодежных групп, которая сыграла важную роль в освещении сирийского восстания, входили Обадия ан-Нахасс (директор Orient Center in London) и Ахмад Рамадан, который вышел из организации после 2010 года, когда «братья» взяли под контроль отделение в городе Хама. В 2011 году они создали так называемый «Форум национального действия», на страницах которого обсуждались идеи реформистского и демократического содержания. Они приняли активное участие в создании СНК в октябре 2011 года. Ахмед Рамадан и Мухаммед Тайфур были избраны членами исполкома СНК¹². Ряд зарубежных и сирийских оппозиционных организаций обвиняли «братьев» в попытках контролировать СНК, что «братья» неизменно отрицали. Действительно, на тот момент

¹⁰ Shamiyah, Fadi. The Muslim Brotherhood, the Fighting Vanguard and the Relationship with the Regime // The Muslim Brotherhood in Syria: the Resistance of the Sect and the Violence of the Movement. Dubai: Al Mesbar Studies & Research Center, Second edition, 2001. P. 201–204.

¹¹ Подробнее об этом см.: Lund, Aron. Struggling to Adapt: The Muslim Brotherhood in a New Syria. May, 2013. [Электронный ресурс] // Carnegie Endowment for International Peace. URL: http://carnegieendowment.org/files/Brief_Lund-Syrian_MB.pdf

¹² Там же.

«братья» имели одно место в исполкоме и 6–7 мест в Генеральной ассамблее СНК.

Позднее в Дохе в 2012 году была создана Национальная коалиция сирийских революционных и оппозиционных сил (НКСРО). Эта была инициатива ряда «друзей Сирии», которые стремились таким образом создать более широкий формат для организации, объединявшей несколько разных трендов в сирийском оппозиционном движении, что снижало представительство «братьев» в структурах сирийской оппозиции, которое со временем стало весьма заметным в СНК. Несмотря на то что «братья» стремились всячески минимизировать свое участие в рядах сирийской зарубежной оппозиции, их постоянно обвиняли в стремлении доминировать в этих группах. «Братьев» также обвиняли в поддержке ряда оппозиционных деятелей имевших репутацию светских лидеров, таких как Бурган Гальюн, Джордж Сабра и Моаз аль-Хатыб.

В июле 2012 года на пост председателя НКСРО был избран Ахмед Джабра, которого считали близким к Саудовской Аравии. Его избрание отражало менявшийся баланс сил конкурировавших друг с другом отрядов на региональном и межаарабском уровне в их влиянии на НКСРО. Это также означало несомненную победу Саудовской Аравии, которая в принципе была против «братьев». Данное решение королевства шло вразрез устремлениями Катара и Турции, которые были крупнейшими региональными спонсорами «братьев» в революционном движении в политическом, финансовом, пропагандистском отношениях.

С самого начала сирийской революции движение делало акцент на то, что не имеет в Сирии собственных вооруженных ячеек. Представители организации всячески подчеркивали, что его члены занимаются исключительно оказанием финансовой и логистической поддержки вооруженным отрядам оппозиции, что оно больше занято реконструкцией и реорганизацией своего движения и стремится сосредоточиться на оказании благотворительной и гуманитарной помощи.

Однако в отношении участия «братьев» в вооруженной борьбе и их связей с другими вооруженными отрядами всегда оставались некоторые сомнения. Подобные сомнения

усилились, когда один из видных представителей движения М. Тайфур рассказал о связях организации с Комитетами защиты революции. Эта военизированная организация было создана в конце 2012 года. В то же время лидер «братьев» Мухаммед Рияд аш-Шакфа, подчеркнул, что организация не являлась официальным спонсором комитетов и они не играют ведущей роли в вооруженном сирийском сопротивлении.

Для того чтобы компенсировать свое слабое участие в вооруженном сирийском восстании и отсутствие собственных крупных вооруженных отрядов, «братья» стремились действовать под эгидой «Бригад аль-Фарук» и ряда других исламистских отрядов, объединенных под знаменем ИФОС, которые в идеологическом плане представляли наиболее умеренное крыло, близкое к ориентации «братьев». В то же время Фронт объединял различные отряды, некоторые из них были близки по своей ориентации к салафитам типа «Ан-Нусры».

Несмотря на ограниченное участие (финансовое и логистическое) в вооруженном восстании, «Братья-мусульмане» постоянно подвергались нападкам со стороны других фронтов и движений. Их обвиняли в том, что путем оказания финансовой и логистической поддержки отрядам вооруженного сопротивления «братья» таким образом стремятся взять их под свой контроль или навязать свою идеологию, а также заручиться их лояльностью.

С учетом возникшего в Сирии идеологического вакуума было действительно сложно определить истинную степень влияния «братьев» на ход вооруженного восстания, тем более их количественное участие в нем. Последнее (численный состав сражавшихся членов организации) являлось постоянным предметом спора разных экспертов. Так, ряд из них полагал, что самым близким к «братьям» отрядом и их опорным пунктом служили Комитеты защиты революции. Комитеты действительно провели большую конференцию в Стамбуле с участием многих видных членов организации, одним из которых был аль-Баянуни. В их состав входили отряды, которые носили название «щиты». Они имели свои представительства в различных районах Сирии. На их эмблеме были изображены мечи, голубь и ветви. Это символ напоминал эмблему «братьев»,

на которой изображены два меча, разделенные Кораном. Комитеты («щиты») провозгласили своей целью координацию действий различных отрядов и создание ячеек профессиональной сирийской армии будущего. Они также выступали за создание демократического светского государства, основанного на принципах гражданственности. Эти установки действительно отличали их от других исламистских организаций, которые поддерживали создание исламского государства в Сирии.

По оценке сирийского исследователя члена СНК А. аль-Хаджа, «братья» в октябре 2012 года создали «Ассамблею батальонов мира». Туда входила «Армия Абдулфаттах Абу Гуды», которая сражалась в старых кварталах Халеба. Они также поддерживали и другие вооруженные отряды типа «Щита аш-Шахба», действовавшие в Идлибе, Халебе и Ар-Ракке. Частично «братья» поддерживали и другие отряды, в частности «Батальон веры», действовавший в других районах Сирии, в том числе в пригородах Хамы. Другие эксперты считали, что ряд членов «братства» были причастны к созданию отряда «Муаатаз биллахи» в Деръа в начале 2013 года, часть членов которого до этого находились за границей¹³.

К концу 2012 года лидеры «Братьев-мусульман» стали серьезно задумываться над тем, чтобы возобновить на территории Сирии работу организации, а также работу призыва («ад-даава») к благотворительности и добровольческой деятельности, но уже на новой основе.

Как уже указывалось, лидеры «братства», часть его руководящих членов внутри Сирии были разделены на несколько групп и уровней. Часть членов организации представляли те, кто в 1992 году был выпущен режимом из тюрем под письменные обязательства отказа от занятий политической деятельностью в Сирии. Организация стремилась реорганизовать эту группу лиц за счет обновления миссии организации и ее деятельности. Вторую группу представляли старые члены организации, которые так и не были раскрыты сирийскими спецслужбами, действовали в глубоком подполье и поддерживали тайные контакты с членами организации. Третья группа состояла в основном из тех, кто жил за границей. В то же время не все

¹³ al-Haj, Abdurrahman, Ibid. P. 9-12.

из вышеперечисленных членов имели равные обязательства перед организацией и одинаковую готовность работать с ней. На деле многие из них ушли в частную жизнь и занимались своими семьями и делами.

С началом революционного движения, его развитием, перерастанием в вооруженную борьбу, переходом части территории под контроль повстанцев, «братья» приняли новую стратегию возврата в Сирию, с тем чтобы возродить движение и приспособить его к новым условиям. Так, на уровне руководства было создано два отделения – одно в Хаме, другое в Халебе, а также был создан исполком. В состав исполкома вошли 22 человека (из них 2 женщины), большинству из которых было от 40 до 60 лет.

В начале 2013 года «братья» решили перестроить организацию изнутри. В качестве метода были избраны секретные операции. При этом опора была сделана на старых, проверенных членов, которые находились в подполье. Их попросили возобновить членство в организации и начать деятельность с распространения призыва. Начинать вести работу было решено среди тех, у кого родственники были убиты или пропали без вести в тюрьмах. На зарубежном уровне было решено активизировать работу среди членов организации, их семей и родственников. В результате многих удалось вернуть в организацию, и ее численный состав заметно вырос. В то же время «братья» внимательно относились к подбору новых кадров с учетом их взглядов, политической деятельности, отношения к «братству», его внутреннему уставу и правилам работы. В августе 2013 года первое официальное отделение «Братьев-мусульман» было открыто в Халебе в присутствии его руководящих членов.

В 2013 – начале 2014 годов движение работало над созданием своей новой политической партии. Новое имя партии «Ваад» – акроним, который означает «Родина, справедливость, демократия». В августе 2013 года в Стамбуле прошел первый организационный митинг этой партии. Некоторые считали, что «Ваад» должна была быть более либеральной, чем египетская Партия справедливости и свободы. В состав нового руководства партии вошли некоторые представители левого движения и несколько христиан. Одним из основателей партии был

Мухаммад Хикмат Валид, который считался одним из известных членов организации.

Возможно, одним из общих представлений о роли «братьев» в Сирии являлся их некий собирательный образ, который состоял из их исторического прошлого, современной деятельности в Сирии, представлений, сформированных о них в зарубежных СМИ, связей с Катаром и Турцией, их слабыми позициями в вооруженном движении внутри сирийского общества, ограниченном участии в вооруженном восстании и весьма непростых отношениях с враждующими фракциями и отрядами сирийской политической оппозиции. Главная задача, которая сегодня стоит перед «братьями», – восстановление единства между ее внутренним и внешним филиалами. Именно этим сегодня активно занимается организация как внутри, так и вне Сирии путем призыва и другими методами.

Действительно, движение хронически испытывает угрозу внутреннего раскола, с одной стороны, и раскола между внутренним и внешним филиалами, с другой. Это ярко проявилось на примере взаимоотношений двух его филиалов – в Хаме и Халебе. Так, руководство в Халебе делало все возможное, чтобы восстановить свою деятельность в городе и расширить присутствие в исполкоме за счет привлечения туда женщин и молодежи. Однако именно на этом пути «братья» сталкивались с наибольшими проблемами. Существовала и скрытая борьба за власть, несогласие внутри самого руководства филиалов и те трудности, которые руководство испытывало с привлечением в организацию молодежи, имевшей за спиной боевой опыт и хорошо представленной в политической и информационной сфере. Активные молодые члены организации предпочитали заниматься индивидуальной работой. Поэтому одной из сложнейших проблем движения являлось не только привлечение молодежи, но и ее воспитание.

Несмотря на указанные проблемы, ряд аспектов в работе организации внутри Сирии по-прежнему остается весьма сильным. Это прежде всего касается их позиций в зарубежных СМИ и способности привлекать за рубежом на свою сторону новых членов. Доказательства этому были получены на примере Туниса, Египта и Ливии. В этих странах членам организации

удалось быстро завоевать позиции в обществе и укрепиться на низовом уровне. Они также смогли успешно перестроиться изнутри. Ряд членов организации, несмотря на то что они действовали на личной основе, смогли добиться на указанных направлениях определенного успеха и продолжают считать себя членами организации. Речь в первую очередь идет о таких видных деятелях организации, как М.Р. аш-Шакфа, Зухейр Салим, Мухаммад Тайфура, Али Садреддин аль-Баянуни, Иссам аль Аттар, Обадия ан-Нахас, Ахмед Рамадан.

Идеологическая платформа «Братьев-мусульман» достаточно насыщена. Во-первых, «братья» стремятся к свержению режима Асада и перестройке институтов государства с одновременным усилением их участия в политической жизни и управленческой деятельности в государстве. Они также хотят укрепить свои позиции в сирийском обществе, поддерживают вооруженные операции, хотят создать собственные вооруженные подразделения, а главное – стремятся усилить свое политическое влияние как внутри страны, так и за рубежом.

«Братья» поддерживали тесные контакты с Турцией и Катаром. Они пользовались поддержкой со стороны этих двух стран в информационном и логистическом плане. К тому же они получали поддержку и от других организаций «братьев», действующих по всему миру.

Многие отряды, поддерживаемые или созданные «братьями», участвовали в вооруженных операциях ССА, а также координировали свою деятельность с другими отрядами в вопросах безопасности и проведения военных операций¹⁴.

В основе их идеологических и политических установок лежало стремление вернуться в политическую жизнь страны. С момента своего создания в Сирии в 1946 году представители «братьев» активно участвовали в политике, заседали в парламенте и образовывали коалиции с другими политическими движениями, в том числе светского содержания. В связи с этим за последние несколько лет движение систематически работало над тем, чтобы усилить демократические аспекты в своей

¹⁴ al-Sharif, Ali. A Reading of the Political Project of Syria's Muslim Brotherhood: Partial Transformation and Structural Impediments // Muslim Brotherhood in Syria... P. 245–261.

Часть II

Основные этапы сирийского восстания

идеологической платформе, что отражалось в их публичных заявлениях и литературе. Одновременно организация также посылала ободряющие сигналы меньшинствам Сирии, обещая им свою поддержку и покровительство, уважение их прав. «Братья» открыто говорили об установлении в Сирии демократического режима исламской ориентации, делая упор на мирном характере смены власти, политическом, религиозном и культурном плюрализме. Однако у части общества, особенно среди конфессиональных меньшинств, сохранялись сомнения в отношении искренности «братьев» в случае их прихода к власти в Сирии.

Глава 5

ИГИЛ В СИРИИ И БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ

«Исламистский феномен» сирийского конфликта серьезно трансформировался за несколько последних лет, особенно в связи с особыми условиями сирийской революции. В этом контексте борьба с ИГИЛ и другими подобными ей джихадистскими организациями в Сирии и соседних странах Арабского Востока, несомненно, имела большое значение.

Реальная угроза наступления ИГИЛ в государствах Арабского Машрика, прежде всего в Ираке и Сирии, способствовала тому, что впервые после 3-х лет вооруженного сирийского конфликта его основные участники осознали глобальную опасность этой организации. К ним пришло понимание необходимости формирования международного и регионального консенсуса по сирийскому вопросу и выводу Сирии из кризиса. Сегодня практически все участники конфликта сходятся в том, что ИГИЛ в обозримой перспективе может представлять реальную угрозу, по крайней мере странам Арабского Востока и монархиям Персидского залива, и с этой организацией необходимо бороться.

Своими корнями эта структура уходит в Ирак, в отряды суннитского сопротивления, частично связанного с иракским филиалом «Аль-Каиды», сражавшейся против американской оккупации этой арабской страны. Во главе ИГИЛ стоял Абу Бакр аль-Багдади, который прежде руководил иракским отделением «Аль-Каиды» – ИГИ («Исламское государство Ирака»).

В Ираке сторонники аль-Багдади сражались против правительственных структур, где господствовали шиитские элементы, и делали это от имени иракских суннитов. Неслучайно среди высшего командного состава ИГИЛ можно было

встретить бывших высокопоставленных военных из армии Саддама Хусейна.

Напомним, что на момент начала сирийской революции на территории Сирии (в основном в районе аль-Гуты) находилось, по разным данным, от 1 до 1,5 миллионов иракских беженцев, которые спасались от иностранной оккупации Ирака¹. ИГИЛ образовалась на территории Сирии из организации «Исламское государство Ирака» (ИГИ), связанной с «Аль-Каидой», которая на территории Ирака уже прославилась атаками на правительственные войска и объекты, став причиной многочисленных жертв среди мирного населения.

Несколько основных факторов способствовали вмешательству ИГИ в сирийские события, но самыми важными стала конфессионально окрашенная война между силами, лояльными Асаду, и оппозицией, а также та обстановка хаоса гражданской войны, которая позволяла ИГИ установить свое политическое и военное присутствие в Сирии.

Укрепление ИГИЛ в Сирии происходило на фоне углублявшегося конфессионального конфликта в стране и растущего возмущения суннитского населения в связи с жестокими действиями армии и спецслужб при подавлении мирных (по крайней мере, казавшихся таковыми в первые 8 месяцев) антиправительственных выступлений.

Значительная часть сирийцев, вступивших в ряды вооруженной оппозиции, которая и сегодня сражается в Сирии, не была до начала восстания политически активной. Тем более они не выдвигали отчетливой идеологической и религиозной программы. Оказавшись обезоруженными, лишённые поддержки извне, они постепенно устремлялись к тем, кто одерживал победы над асадовским режимом, вступая в их вооруженные отряды (тем более что это весьма прилично оплачивалось). По степени военного превосходства оружием и боевым опытом, а также финансовым обеспечением отряды джихадистов намного превосходили сирийское национальное движение сопротивления.

¹ Lewis, Jessica. Al-Qaeda in Iraq Resurgent, part II [Электронный ресурс] // URL: <http://www.understandingwar.org/report/al-qaeda-iraq-resurgent-part-ii>.

Действительно, сирийское восстание явилось своеобразным ответом на ту социально-политическую систему, которая, просуществовав в Сирии более 40 лет, стала крайне неэффективной с точки зрения ее способности разрешать острые социально-экономические проблемы, обеспечивать безопасность населения, его свободы и права, устанавливать социальную и религиозную справедливость.

ИГИЛ никогда бы не смог возникнуть, если бы режим не практиковал жесткие полицейские методы в отношении собственного населения и в первые месяцы восстания попытался бы найти политическое, а не военное решение, для того чтобы погасить протестные движения, которые носили мирный характер и вначале даже не предлагали свергнуть режим.

В результате длящейся несколько лет вооруженной борьбы основные государственные институты, созданные прежним режимом, оказались либо разрушены, либо существенно ослабли. Данное обстоятельство способствовало тому, что значительные участки территории страны сделались легкой добычей различного рода экстремистских группировок. Создание мощной базы ИГИЛ в Сирии к весне 2013 года обеспечило успех этой вооруженной группировки в Ираке и явилось показателем слабости других вооруженных отрядов, сражающихся в Сирии против Асада.

В 2014 г. ИГИЛ в Сирии сумело полностью захватить город Ар-Ракка, значительные части Дейр аз-Зора и стратегические участки территории Халеба, а также установить контроль над рядом пропускных пограничных пунктов на границе Сирии и Ирака. К концу 2014 г. ИГИЛ в Сирии насчитывала приблизительно от 7 до 10 тысяч бойцов и имела тенденцию к стремительному росту.

По разным данным, организация контролировала от 30 до 40% сирийской территории. В Ираке ИГИЛ смогло нанести поражение превосходящим силам иракской армии и захватить второй по величине город Мосул, а также немалое количество современного оружия, транспорта и средств связи. Бойцы ИГИЛ освободили из тюрем несколько тысяч своих сторонников. Под контролем ИГИЛ оказались части Фалуджи, Тикрита и Рамади на западе Ирака. В целом ИГИЛ контролировало

в Ираке территорию, сопоставимую по своим размерам с Иорданией с ее 5-миллионным населением².

Действительно, ИГИЛ постепенно захватывало все большие территории и ресурсы в Сирии и Ираке и пыталось создать там если не государство (в его традиционном понимании), то по крайней мере укрепить свою власть, ввести собственные порядки и нормы жизни, следуя своей оригинальной трактовке шариата и мусульманского права.

Такие действия ИГИЛ служили магнитом, который притягивал к себе множество террористических и экстремистских групп. Они проходили на территории, контролируемой ИГИЛ, обучение, пополняя затем отряды джихадистов, действующих в регионе Ближнего Востока и за его пределами. Так, к концу 2014 г. прибыло 12 тыс. иностранных бойцов, из которых около 2,5 тыс. приехало из стран Запада и могло вернуться туда с серьезным боевым опытом. Большинство прибывших джихадистов были не сирийцы. Они приехали из Туниса, Ливана, Ливии, КСА и рассматривали собственные власти как ближайшего противника, с которым нужно разделаться вначале, а потом двигаться на Запад.

На рубеже 2014–2015 гг. ИГИЛ владело значительной частью территории и ресурсов в Сирии и Ираке. Группировка также получила доступ к современным видам вооружения в обеих странах. Однако одним из главных преимуществ ИГИЛ в войне служили финансовые средства. За счет контроля над рядом нефтеносных районов Сирии и Ирака, пропускных погранпунктов, помощи от частных благотворительных организаций и связей с международным криминалитетом ИГИЛ имело возможность аккумулировать значительные финансовые средства, которые тратило на покупку современного оружия и привлечение наемников-профессионалов. По своему финансовому обеспечению ИГИЛ далеко превосходило другие вооруженные группировки и даже ССА, которая отчасти получала помощь от стран Запада, в том числе от США.

Как указывало само название ИГИЛ, организация была склонна рассматривать себя больше как государство, нежели как

² Itani, Faysal. *Losing Syria and Iraq to Jihadists*. Issue in Focus. Atlantic Council, June 27, 2014. P. 3–5.

простое движение сопротивления режиму. Тех же (как гражданские, так и военные), кто отказываются подчиняться их законам, ИГИЛ считало врагами. В то же время стремление ИГИЛ к установлению исламского государства на всей территории Ближнего Востока носило во многом декларативный характер, хотя и провозглашалось в качестве одной из конечных целей борьбы.

В отличие от многих других вооруженных отрядов сирийской оппозиции, ИГИЛ не стремилось к созданию в Сирии современного государства (базирующегося как на нормах, традициях и ценностях ислама, так и на общецивилизационных установках), а хотело, разрушив страну до основания, поскольку считает ее порождением Запада, построить на ее месте подобие халифата.

С этой точки зрения ИГИЛ представляло несомненную опасность не только для арабских стран, но и для России и США и являлось опасным врагом государственности и врагом ислама³. Государство, которое стремилось построить ИГИЛ и которое должно было послужить реализации его планов, расположено в стратегически значимом регионе мира. В отличие от «ойкумены» исламского мира типа Афганистана и Йемена, Сирия и Ирак граничат с Ливаном, Иорданией, КСА, Турцией, Израилем и обеспечивают доступ джихадистам к нефтегазовым ресурсам, оружию, криминально-финансовым сетям, через которые они могут пополнять свой личный состав, боевой арсенал и финансовые запасы. С этой точки зрения США, страны Западной Европы, Персидского залива – первые цели этой организации.

Несмотря на вышеуказанные возможности, все это не делало ИГИЛ всесильным. Как, впрочем, и другие военизированные группировки, действовавшие на территории Сирии, – отряды сирийского вооруженного сопротивления, правительственные войска, подразделения ливанской «Хизбаллы», а также иракские шиитские милиции и иранский корпус «Аль-Кудс»⁴. Все

³ President Obama Joins International Military Leaders to Discuss Coalition Efforts Against ISIL. October 14, 2014 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.whitehouse.gov/blog/2014/10/14/president-obama-joins-international-military-leaders-discuss-coalition-efforts-again>.

⁴ Syrian partition [Электронный ресурс] // URL: http://suriyedenhaber.blogspot.ru/2014/11/readings_10.html.

они находились в более или менее равном положении с точки зрения военной мощи, которая позволяла им какое-то время удерживать захваченные районы и выживать там.

Тем более, как показывает практика, местное население в Сирии, оказавшееся под властью ИГИЛ, достаточно быстро начинало проявлять недовольство установленными порядками и выступать против них, нередко с оружием в руках. Несмотря на свои военные достижения, ИГИЛ сумело восстановить против себя практически все отряды сирийской вооруженной оппозиции различного спектра. Это и националистически настроенная ССА, поддерживаемая США и другими странами Запада, и крупные исламистские группировки умеренного характера с национальной повесткой, поддерживаемые сторонниками США в регионе типа КСА и Катара, и ряд воинствующих отрядов салафитского движения. Последним открыто против ИГИЛ выступил Асад со своей армией (август 2014 года). Несмотря на то что все эти стороны сражаются против ИГИЛ, войну с ним они (до прихода российских ВКС) выиграть не могли.

Поэтому если бы вооруженные отряды, сражавшиеся в Сирии и Ираке против ИГИЛ, получили бы наконец массивную военную и финансовую поддержку международного сообщества (которое ограничилось резолюцией ООН), оно теоретически могло бы справиться с ИГИЛ. Однако на практике все выглядело куда сложнее и не так однозначно⁵.

Как в Сирии, так и за ее пределами среди тех, кто выступал за борьбу с ИГИЛ, сохранялись острые противоречия относительно партнеров, методов и средств борьбы с «Исламским государством». Данное обстоятельство не могло не напоминать позицию различных отрядов сирийской оппозиции (гражданской и военной), которых объединяло одно – борьба против Асада и необходимость его смещения, что отчасти объяснялось сильной персонификацией института власти в сложившейся системе управления асадовской Сирией.

Так, в самих США происходящее в Сирии часто оценивалось с абсолютно противоположных позиций. Часть политиков

⁵ Jones, Kimberly. US Lacks Responsible Foreign Policy To Deal With ISIS [Электронный ресурс] // News Blaze, September 01, 2014. URL: <http://newsblaze.com/story/20140901022104kaj1.nb/topstory.html>.

и политологов, как, например, бывший посол США в САР Райан Крокер, в декабре 2013 года высказывались в духе того, что Асад (если выбирать из двух зол – между ним и ИГИЛ) лучше для США как сторонник, чем как противник. Другие выступали за то, чтобы занимать выжидательную позицию и дать возможность суннитским и шиитским экстремистам как можно больше истощить друг друга. Третьи рассматривали ИГИЛ исключительно как террористическую угрозу и выступали за то, чтобы решать эту проблему только военными методами – путем точечных авиаударов и так далее⁶.

Сам Б. Обама в марте 2014 г. заявил на своей пресс-конференции, что у США нет пока стратегии борьбы с ИГИЛ. Это вызвало шквал критики в социальных сетях и породило озабоченность в рядах американских союзников в Европе. Однако, как ни странно, это способствовало тому, что немалое число стран вошло в число сторонников борьбы с ИГИЛ, желая принять в ней участие под знаменами США⁷.

Сложность стоявшей перед американским президентом задачи по выбору себе партнеров в борьбе с ИГИЛ определялась во многом тем обстоятельством, что все они так или иначе опасались, что в случае, если США нанесет удары по ИГИЛ, могут пострадать (напрямую или косвенно) их интересы. Так, несмотря на то что режим Асада приветствовал нанесение США воздушных ударов по ИГИЛ, он в то же время предостерег американцев от односторонних действий без согласования с сирийским режимом. Россия также поддерживала такую постановку вопроса и считала, что лучшего партнера в борьбе с ИГИЛ, чем Асад, Западу не найти.

Со своей стороны, представители сирийской оппозиции также поддерживали стремление США нанести удар по ИГИЛ, но опасались, что в случае координации действий США с Асадом, это может способствовать сближению сирийского режима

⁶ Crocker R.C. Assad Is the Least Worst Option [Электронный ресурс] // New York Times, December 21, 2013. URL: <http://www.nytimes.com/roomfordebate/2013/12/21/for-peace-in-syria-will-assad-have-to-stay/assad-is-the-least-worst-option-in-syria>.

⁷ Hassan, Hassan. The Syrian Enemy of My Syrian Enemy [Электронный ресурс] // Foreign Policy, 03.09.2014. URL: <https://foreignpolicy.com/2014/09/03/the-syrian-enemy-of-my-syrian-enemy/>.

с Западом и дать таким образом Асаду возможность удержаться у власти.

Более того, удары еще не были нанесены, а среди части оппозиции уже стали раздаваться голоса против нанесения США и их западными союзниками авиаударов по ИГИЛ, которые, как они опасались, могли привести в конечном итоге к координации действий с войсками Асада. Многие антиджихадистские активисты полагали, что борьба против ИГИЛ может в конечном счете светиться к войне против вооруженной исламской оппозиции⁸. Таким образом, возрастал риск того, что в случае начала операции против ИГИЛ ряд представителей антиджихадистских движений может встать в ряды ИГИЛ в борьбе с Западом.

В конечном итоге в администрации США и правительствах ключевых стран Западной Европы пришли к выводу, что режим Асада вряд ли может рассматриваться как партнер в борьбе с ИГИЛ. Они полагали, что Асад не мог предложить требующуюся Западу в этом плане помощь. Правительственные войска испытывали острую нехватку личного состава, вооружения, а главное – не пользовались поддержкой большинства местного населения. К тому же асадовская армия, была лишена каких-либо «точек опоры» в районах, попавших под контроль ИГИЛ.

Начиная с июля 2014 года, Асад постоянно сдавал ИГИЛ позиции. Захват «Исламским государством» весной 2014 года базы ВВС в Табка – стратегическом районе в провинции Ар-Ракка – явился ярким свидетельством возможностей Асада. Характерно, что в отличие от других районов, где в ходе боев с ИГИЛ войска режима, как правило, достаточно быстро отходили, в боях за Табка они проявили прежде невиданное упорство, уничтожив, по некоторым данным, около 150 бойцов ИГИЛ.

Однако, как свидетельствовал ряд экспертов по тактике, бой за Табку шел по сценарию ИГИЛ. В ходе сражения бойцы ИГИЛ применили около 100 атак смертников, заранее, таким образом, спланировав потери, и в конечном итоге взяли этот стратегически важный объект. После захвата Табка впервые

⁸ Jones, Kimberly. Assassination of Ahrar al-Sham Military Leadership in Syria. [Электронный ресурс] September 11, 2014 // URL: <http://www.uruknet.de/?p=m109691&hd=&size=1&l=e>.

целая провинция Ар-Ракка оказалась под полным контролем ИГИЛ. Таким образом, ИГИЛ получил стратегическое преимущество, открыв себе путь в северные районы Сирии, в том числе в стратегически важный район Идлиба, который пока еще удерживали представители умеренной исламской вооруженной оппозиции⁹.

К тому же падение базы в Табка нанесло тяжелый удар по морально-психологическому состоянию личного состава войск режима и его сторонников. Табка являлась важнейшим опорным пунктом режима (из 28 баз), а публичная казнь нескольких сотен захваченных в плен солдат правительственных войск режима побудила многих сторонников Асада поставить вопрос об эффективности военного руководства Сирии, его слабости и необходимости замены. Показательно, что в это период сильно изменилась риторика безусловных сторонников Асада из его близкого окружения. Около десятка человек из их числа (в основном алавиты) были арестованы местными спецслужбами. Так, двоюродный брат Асада Дурейд ал-Асад даже потребовал смены министра обороны, начальника генерального штаба и командующего ВВС САР. Таким образом, даже среди асадовского окружения росло понимание того, что режиму в одиночку не справиться с угрозой ИГИЛ. Однако это обстоятельство не могло заставить Асада и его ближайшее окружение кардинально (а главное, быстро) пересмотреть свое отношение к отрядам вооруженной сирийской оппозиции¹⁰.

Дело в том, что, по оценке большинства серьезных экспертов по Сирии, ИГИЛ и режим Асада имели практически одинаковые взгляды по отношению к вооруженной и политической сирийской оппозиции. Они оба рассматривали оппозицию не как партнеров в общем политическом проекте, а скорее, как противников, мешающих достижению целей и поэтому подлежащих уничтожению.

Действительно, те методы режима, которые позволяли ему оставаться на плаву, – игру на конфессиональных

⁹ Hassan, Hassan. The Syrian Enemy of My Syrian Enemy [Электронный ресурс] // Foreign Policy, 03.09.2014. URL: <https://foreignpolicy.com/2014/09/03/the-syrian-enemy-of-my-syrian-enemy/>.

¹⁰ Ibid.

противоречиях, манипулирование культом власти и силы, эксплуатацию присутствующего в обществе страха использовало и ИГИЛ для укрепления своих позиций.

Как метко выразился в свое время Фредерик Хофф (специальный советник Х. Клинтон по Сирии), проблема не в том, что Асад лучше или хуже «Аль-Каиды» в Сирии. Это две стороны одной и той же монеты – в том смысле, что на самом деле Асад не был заинтересован в уничтожении ИГИЛ и позволял организации укрепляться в тех районах, которые он традиционно считал маргинализированными и враждебно настроенными к своей власти и не считал нужным их контролировать.

Действительно, стремление ИГИЛ создать собственное государство на отдаленных территориях делало эту организацию неприоритетной целью борьбы для асадовского режима (по крайней мере, до середины августа 2014 года), которому она напрямую не угрожала. Правительственные войска концентрировали силы и вели бои преимущественно по линии Хомс – Халеб – Дамаск и в других центральных районах Сирии, где сражались с отрядами вооруженной оппозиции, противостоящей ИГИЛ.

Пока режим вел борьбу с этими отрядами сирийской вооруженной оппозиции, ИГИЛ спокойно занимал новые территории и осваивал уже занятые. Тот факт, что районы, занятые ИГИЛ, не подвергались столь яростным бомбардировкам со стороны правительственных войск, давал им возможность устанавливать свои порядки в захваченных районах и добиваться своих политических целей и установок. Фактически, Асад сосредоточился на борьбе с умеренным сопротивлением (с сильной светской компонентой), которое лишь одно было способно предоставить альтернативу ИГИЛ и укрепить власть в государстве – в случае достижения договоренностей¹¹.

С другой стороны вооруженная сирийская оппозиция¹² находилась в более выгодных условиях и была лучше

¹¹ Hof F.C. Syria: Is the Revolution Finished? [Электронный ресурс] / MENASource (blog) // Atlantic Council, May 15, 2014. URL: <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/menasource/syria-is-the-revolution-finished>.

¹² О вооруженной сирийской оппозиции см.: Ахмедов В.М. Кто может противостоять «Исламскому государству» в Сирии (2014) [Электронный ресурс] // Сайт Института Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=21907>; Кто

приспособлена для борьбы с ИГИЛ. В отличие от войск Асада, которые только с лета 2014 г. стали сражаться с ИГИЛ, отряды вооруженной оппозиции уже с лета 2013-го вели активные боевые операции против ИГИЛ. Несмотря на то что ИГИЛ удалось выбить повстанцев с удерживаемых ими позиций в Дейр-аз-Зоре и очистить от них район, вооруженные отряды местных племен неожиданно восстали против ИГИЛ и оказали им сопротивление.

Борьбу с ИГИЛ в Сирии вели вооруженные формирования различной политической и идеологической направленности и ориентации, начиная от самых умеренных группировок и заканчивая самыми радикальными. К числу умеренных иногда относили такие группы, как «Харакат аль-Хазм», «Джейш аль-Муджахедин», Сирийский революционный фронт. Они стояли на светско-религиозных позициях крайне умеренного толка и насчитывали несколько сотен бойцов. Действовали они зачастую на небольших территориях; многие воевали под командованием ССА.

К более радикальным исламистским группировкам различного толка можно было прежде всего отнести «Исламский фронт», куда входили практически все наиболее крупные отряды исламского сопротивления, начиная от радикальных салафитов из «Ахрар аш-Шам» до более умеренных «Лива ат-Таухид» и «Сукур аш-Шам». Отдельно в перечисленном ряду стояли «Джабхат ан-Нусра», лидер которой, Мухаммед аль-Голани, дал личный обет верности главе «Аль-Каиды» аз-Завахири. Однако в идеологическом плане эта организация в отличие от ИГИЛ не вынашивала глобальных планов и была сконцентрирована больше на борьбе с асадовским режимом. К тому же ее идеологические установки постепенно трансформировались, приобретая все больше общенациональных элементов, чтобы инкорпорироваться в сирийское общество, так как подавляющая часть ее бойцов состояла из сирийцев¹³.

воюет в Сирии? [Электронный ресурс] // Сайт Института Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=20322>; Jones, Kimberly. Assassination of Ahrar al-Sham Military Leadership In Syria. September 11, 2014 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.uruknet.de/?p=m109691&hd=&size=1&l=e>.

¹³ Itani, Faysal. Losing Syria and Iraq to Jihadists. Issue in Focus. Atlantic Council, June 27, 2014. P. 3–5.

Таким образом, несмотря на некоторую неорганизованность, отряды вооруженной сирийской оппозиции и местные общины в районах, захваченных ИГИЛ, имели больше шансов победить эту силу, которую они рассматривали как своего главного врага.

Даже среди ярых сторонников военного удара по ИГИЛ росло понимание того, что долговременный успех подобной операции может быть обеспечен в случае достижения предварительных политических соглашений о судьбе правящего режима и сирийского государства со всеми заинтересованными сторонами сирийского конфликта. В противном случае вероятно повторение ливийского сценария со всеми вытекающими последствиями, возможно, и в иракском варианте.

Так, по данным ряда сирийских оппозиционных и арабских дипломатических источников бывший глава Сирийской национальной коалиции оппозиционных и революционных сил (СНКОРС) М. аль-Хатыб нанес весной 2014 г. визит в Иран для того, чтобы сблизить позиции Тегерана с суннитской сирийской оппозицией. Иранская сторона предложила план переходного периода, рассчитанный на два года. Согласно плану, Асад в течение двух лет должен был оставаться во главе государства, после чего проводятся парламентские и муниципальные выборы, а Асад делегирует часть своих властных полномочий новому премьер-министру. При этом силы режима и оппозиции в течение означенного периода продолжают удерживать контроль над принадлежащими им районами Сирии. При этом сам М. аль-Хатыб отрицал факт своего визита в Иран и то, что иранцы выходили на него с какими-либо предложениями по Сирии.

26 августа 2014 заместитель министра иностранных дел ИРИ Хуссейн Амир Аддулахьян года посетил КСА, где обсудил с саудовским руководством угрозу ИГИЛ. Вряд ли иранский план мог быть принят оппозицией и Западом. Однако тот факт, что Иран мог вообще предложить подобный план (возможно, не без согласования с Москвой), сам по себе косвенно свидетельствовал, что Иран отдавал отчет о том, что Асад самостоятельно не может обеспечить борьбу с ИГИЛ даже на подконтрольных ему территориях, не говоря уже об освобожденных районах¹⁴.

¹⁴ Hassan, Hassan. The Syrian Enemy of My Syrian Enemy [Электронный ресурс]

С другой стороны, многие арабские страны также склонялись в пользу борьбы с ИГИЛ, возлагая, правда, надежды на то, что Вашингтон сможет возглавить эту борьбу. Проходившая 24 августа 2014 года в Джидде (КСА) встреча министров иностранных дел арабских стран была посвящена решению вопросов, связанных с угрозой ИГИЛ и возможным участием арабов в этой борьбе на стороне США. Одним из важных результатов этой встречи стала выдвинутая Египтом инициатива сирийского урегулирования, суть которой сводилась к формальному продлению еще на год правления Асада и проведению необходимых мероприятий в деле укрепления региональной безопасности и борьбы с ИГИЛ. В трактовке лидера СНКОРС Дж. Сабры египетский план предусматривал на деле отказ Асада от властных полномочий в пользу преемника, избираемого на переходный период. В то же время арабские страны опасались, что США могут на деле стремиться лишь к ослаблению позиций ИГИЛ, а не к тому, чтобы окончательно покончить с ним¹⁵.

В любом случае угроза распространения джихадизма в Сирии и Ираке могла быть остановлена только в случае появления там хорошо вооруженной светско-ориентированной национальной оппозиции. Оппозиции, которая могла бы в военном отношении противостоять ИГИЛ, наладить эффективное управление на освобожденных территориях, представлять значительную часть сирийского общества на переговорах с режимом по поиску политического решения конфликта.

Это предполагало как минимум налаживание полноценного сотрудничества, в том числе и в военной сфере, с отрядами вооруженной сирийской оппозиции, которые сражались с ИГИЛ, и войсками режима на севере и северо-востоке Сирии, а также ускоренной подготовки в южных районах страны (Деръа) «новой» сирийской армии. При условии участия в этом процессе не только США и Франции, но прежде всего России, Ирана и Турции, в нее могли бы вернуться десятки тысяч дезертировавших сирийских военных и влиться наиболее умеренные отряды вооруженной оппозиции.

// Foreign Policy, 03.09.2014. URL: <https://foreignpolicy.com/2014/09/03/the-syrian-enemy-of-my-syrian-enemy/>.

¹⁵ Ibid.

Глава 6

БОРЬБА ЗА СИРИЮ. РОЛЬ ВНЕШНЕГО ФАКТОРА, ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Возможность прихода к власти исламистов и создание исламского государства в Сирии настораживало многих сирийцев и зарубежные страны, которые были бы готовы при других обстоятельствах поддержать уход Асада от власти.

После провала мирных конференций по Сирии «Женева-1» (июнь 2012 г.), «Женева-2» (январь 2014 г.), «Женева-3» (февраль–март 2016 г.) стала отмечаться любопытная тенденция. Она выражалась в смещении акцентов и приоритетов ведущих внешних игроков на поле вооруженного конфликта в Сирии в отношении к Асаду, его режиму и вооруженной исламистской оппозиции в контексте общих усилий выработки «дорожной карты» политического урегулирования в САР.

Речь прежде всего шла о смене вектора и объекта приложения усилий со стороны США, ряда их основных союзников в Западной Европе и на Ближнем Востоке по разрешению внутрисирийского конфликта.

Под впечатлением от военных успехов и растущего политического влияния вооруженных исламистов в Сирии страны Запада и ряд их ближневосточных союзников все больше склонялись к идее приоритетности избавления Сирии от воинствующих исламистов, связанных с «Исламским Государством» и «Ан-Нусрой», а потом уже, возможно, от Асада и его режима. Отмеченная выше тенденция по-разному проявлялась на страновом, региональном, международном уровнях. В конечном счете она приобрела достаточно устойчивый характер.

Одним из ярких примеров отмеченной выше тенденции может служить роль Ирана в сирийском вооруженном конфликте.

Иран сыграл ведущую роль в сохранении действующего режима в САР. С января 2012 года ЦБ ИРИ открыл многомиллиардную кредитную линию сирийским властям, что позволило им регулярно платить зарплату личному составу вооруженных сил, сражавшемуся против оппозиции. Одновременно Иран направил в САР для оказания помощи армии Б. Асада несколько тысяч бойцов ливанской «Хизбаллы», советников и специалистов из элитного корпуса «Аль-Кодс», а также шиитские милиции из Ирака и Афганистана.

Интересы Ирана в Сирии имели давнюю историю. Иран всегда рассматривал Дамаск как важное звено в «оси сопротивления» по линии Тегеран – Багдад – Дамаск – Бейрут – Газа, чтобы таким образом оказывать сдерживающее влияние на Израиль, с одной стороны, и с другой – распространять свое влияние в регионе, в том числе через поддержку шиитских общин в ряде арабских стран региона.

Влияние Ирана на Сирию особенно усилилось после прихода к власти в Дамаске в июне 2000 года Башара Асада и произведенных им масштабных реформ в сирийских силовых структурах на рубеже 2004–2005 гг. Пик иранского проникновения в Сирию пришелся на 2007–2009 гг.

Именно в этот период Иран заключил целую серию выгодных для себя экономических контрактов с новым сирийским руководством и соглашение о военном сотрудничестве. Это позволило Ирану проникнуть практически во все институты сирийского государства и начать играть все возрастающую роль в сирийском обществе, оказывая выгодное влияние на умонастроения и взгляды правящей сирийской элиты.

Фактически Иран проник во многие сферы жизни сирийского общества, в котором стал активно приобретать сторонников, используя различные методы и инструменты, в том числе материально стимулируя переход суннитов в шиитскую веру.

По мере расширения сирийского вооруженного восстания, его превращения в гражданскую войну и интернационализации сирийского вооруженного конфликта, результатом которого

стало участие в нем растущего числа региональных и международных игроков, Иран увидел в этом угрозу своим интересам и усилил военное присутствие в Сирии офицеров «Аль-Кодс» и шиитских милиций, главным образом ливанской «Хизбаллы». Тегеран планировал направить в Сирию до 100 тысяч бойцов из отрядов «Басидж» и регулярных частей иранских ВС.

Любопытно, что, несмотря на столь массивную поддержку Ираном правительства Б. Асада, его позиции к концу лета 2015 года сильно ослабли. Фактически, по данным Министерства обороны РФ, сирийский президент контролировал лишь 14,5% сирийской территории. Возможно, что к этому времени Иран мог заключить тайную сделку с США в рамках более широкого соглашения о будущей ведущей роли ИРИ в регионе Арабского Востока в рамках закрытых договоренностей о перспективах иранской ядерной программы ИРИ.

В действительности многие действия ИРИ на внешнеполитической арене, в том числе и в Сирии, были продиктованы соображениями внутреннего порядка, приоритетом которых служило стремление любым путем добиться статуса ядерной державы наподобие Израиля и Пакистана.

С этой точки зрения Иран мог рассматривать Сирию как «козырную карту» в более крупной геополитической игре, но при этом не забывая о сохранении своих интересов в этой арабской стране, которую Тегеран считал важным плацдармом в распространении своего влияния в регионе.

Участие российских ВКС в вооруженном сирийском конфликте коренным образом изменило ситуацию в самой Сирии и вокруг нее. Менее чем за год силовое участие России в сирийском конфликте привело к тому, что территория, контролируемая сирийским правительством, увеличилась до 35–40%. Москва превратилась в ключевого участника сирийского конфликта, с позицией которой были вынуждены считаться США, Европа и ведущие региональные страны, в том числе Турция и Иран.

Поэтому, несмотря на традиционно союзнические отношения между Москвой и Тегераном, в Иране, как, впрочем, и в Турции, не без оснований опасались массивного военного российского присутствия в Сирии и растущего политического

влияния Москвы на формирование новых параметров международных отношений. В Анкаре и Тегеране полагали, что данное обстоятельство может заставить эти региональные державы серьезно скорректировать свои планы в регионе, и прежде всего в отношении Сирии.

Особую озабоченность Тегерана вызывали настойчивые попытки Москвы наладить полноценное сотрудничество с США по Сирии и в целом по ключевым вопросам Ближнего Востока, которые встречали хоть и вялую, но в целом позитивную реакцию в американской администрации. Еще большую озабоченность Тегеран испытывал в связи с возобновлением Москвой полноценного сотрудничества с Анкарой по урегулированию сирийского конфликта и отношений с Израилем по вопросам совместного мониторинга ситуации в Сирии.

Москва проводила твердую и последовательную линию на сохранение территориальной целостности страны и постепенный вывод всех инациональных вооруженных формирований из Сирии, с тем чтобы дать сирийцам самим решить свою судьбу в условиях мира и нового переходного правительства. Данный факт рассматривался рядом иранских радикалов как явная угроза сохранению интересов Ирана в Сирии и на Ближнем Востоке в целом.

Особенно явно разногласия Москвы и Тегерана обозначились в канун прошедшей 23–24 января 2017 г. в Астане мирной конференции по Сирии. Конференция была организована на основе российско-турецкого плана. Она стала возможной благодаря интенсивным контактам российских военных с представителями ряда ведущих отрядов вооруженной сирийской оппозиции при турецком посредничестве. Данные обстоятельства в конечном итоге обеспечили подписание в конце декабря 2016 г. трех важных соглашений.

В рамках достигнутых с вооруженной оппозицией договоренностей несколько отрядов (общей численность от 50 до 60 тысяч человек) выразили готовность поддержать на определенных условиях российско-турецкий план о прекращении огня в Сирии, переходе к этапу политического урегулирования, создании переходного правительства с участием представителей вооруженной и политической сирийской оппозиции.

На встречу в Астане прибыли представители 9 отрядов вооруженной оппозиции. Еще 4 отряда занимали выжидательную позицию, но направили своих наблюдателей на конференцию. Делегацию вооруженной оппозиции возглавил один из влиятельных представителей вооруженной исламистской оппозиции («Джейш аль-Ислам», «Ахрар аш-Шам») М. Аллуш.

Взятие Халеба – оплота сирийской вооруженной оппозиции – стало результатом силового участия России в сирийском конфликте с осени 2015 года. Это во многом обеспечило проработку в декабре 2016 проектов серии соглашений между Россией и Турцией с одной стороны и значительной частью отрядов (около 60 тысяч бойцов) сирийской вооруженной оппозиции, суть которых заключалась в выработке плана достижения мира в Сирии. Конечно, данные документы нельзя было назвать идеальными. Однако они способствовали формированию основы для последующих встреч в Астане, Сочи и на международных площадках с целью проработки узловых мест новых договоренностей между режимом и оппозицией.

Важным итогом семилетнего вооруженного конфликта в Сирии стало изменение баланса сил в пользу Б. Асада и его союзников России и Ирана. Сирийские правительственные войска смогли вернуть под свой контроль основные населенные пункты в стране, создав так называемый пояс «полезной Сирии», включавший Дамаск, Хомс, Хаму, Халеб и Латакию.

Прорыв блокады Дейр аз-Зора создал предпосылки для последующих успехов в борьбе за полное овладение городом и его пригородами, а также открыл путь к стратегически важному городу Абу-Камаль на границе с Ираком. Достигнутые результаты фактически создали весомые условия для выживаемости и сохранения правящего режима.

Россия стремилась перестроить основные институты сирийского государства и вдохнуть в них новую жизнь. Прежде всего это касалось армии и спецслужб. В случае успеха эти меры могли бы способствовать возвращению всей сирийской территории под управление сирийского правительства и обеспечению прочного контроля со стороны центра, который оказывал бы определяющее влияние в периферийных районах.

Пытаясь осуществить поставленную задачу, Россия стремилась всячески снизить роль инациональных и местных милицейских формирований, которые зачастую исходили не столько из общесирийских национальных интересов, сколько преследовали свои конфессиональные и этнические цели.

Осенью 2015 года Россия оказала давление на режим, побудив его создать 4-й штурмовой корпус, куда должны были войти милиции и различные отряды, действовавшие в районе Латакии. Однако полностью решить поставленную задачу не удалось, не все отряды согласились войти в этот корпус, который непосредственно подчинялся центральному сирийскому военному командованию.

В конце 2016 года Россия объявила о создании 5-го корпуса, куда должны были войти отряды Национальных демократических сил (созданных при поддержке ИРИ) и бывших перебежчиков из сирийской армии. В отличие от 4-го корпуса, который имел ограниченный ареал действия (Латакия), 5-й корпус мыслился как общенациональный. К тому же тот факт, что в его состав предполагалось включить бывших перебежчиков и тех, кто пытался избежать призыва (в основном это были сунниты), был призван попытаться ликвидировать конфессиональную рознь в армии и на законной основе вернуть суннитов в ряды вооруженных сил.

Главной проблемой в решении задачи по созданию новой армии оставалась шаткость ее основы. В сентябре 2017 года Москва была вынуждена признать, что 5-м штурмовым корпусом фактически командовал российский генерал, который был убит во время боевых действий. Справедливости ради необходимо отметить, что в ходе боевых операций в Сирии российские военнослужащие продемонстрировали лучшие образцы отечественных военных героических традиций. Тем не менее данный факт выявил всю сложность задачи создать новую сирийскую армию из тех подразделений, которые остались к приходу российских военных в сентябре 2015 г.

В то время как Россия пыталась возродить государственные институты под прямым контролем сирийских властей, Иран стремился выстроить параллельную военную организацию,

личный состав которой индоктринировался на исламской основе, и подчинявшуюся Тегерану, а не Дамаску.

В результате сегодня в Сирии сражаются ливанская «Хизболла», «Лива Фатимиюн» (афганские шиитские милиции) и ряд отрядов НДС, которые пользуются поддержкой ИРИ и фактически подчиняются иранским военным советникам. По некоторым данным (требующим дополнительной проверки), около 80% военных, сражающихся за Б. Асада, – это иностранцы из «Хизбаллы» и ряда других шиитских формирований наподобие КСИР, Иракских сил народного ополчения (Iraqi Popular Mobilization Units, P.M.U.). Их главная задача – охрана стратегически важного для ИРИ коридора (Тегеран – Багдад – Дамаск – Бейрут – Палестина).

В контексте усилий по достижению мира в Сирии достаточно сложно предположить, что эти отряды легко откажутся от поставленных перед ними целей и перейдут под контроль сирийского центрального командования, а тем более – подчинятся российским военным. По-видимому, истинной целью ИРИ в Сирии является создание такой военной инфраструктуры, которая служила бы ассиметричной иранской военной силой. Она призвана во всех отношениях превосходить сирийские государственные институты, прежде всего армию.

Несмотря на ряд предпринятых Б. Асадом попыток упростить свой контроль над различными милицейскими отрядами, продолжение их существования в стране и активные действия на подконтрольных территориях могут негативно отразиться на будущей стабильности в Сирии. Более того, их независимое от центрального командования поведение и излишняя самостоятельность способны подорвать суверенитет сирийского государства. А их индоктринация на конфессиональной основе и связь с иностранными государствами могут послужить дальнейшему обострению межконфессиональной и этнической розни в стране. Вместо того чтобы стать стабилизирующим фактором в борьбе с терроризмом и экстремизмом, существование этих отрядов скорее может послужить катализатором джихадистских настроений, которые сегодня воплощаются в действиях таких группировок, как ИГИЛ, «Аль-Каида» и «Хайат Тахрир Аш-Шам».

Россия вряд ли сможет оказать серьезное влияние на эти группировки, так как это потребует массированной военной интервенции и ввода в Сирию дополнительных сил. К тому же с учетом того, что эти группировки лояльны Ирану и их благополучие зависит от ИРИ, вряд ли стоит ожидать, что Иран так просто откажется от них в обмен на политическое урегулирование.

С другой стороны, США не собираются так просто отказываться от подконтрольных им сил в Сирии, тем более уходить из тех районов, которые находятся под контролем союзных сил. США могли бы использовать эти возможности как дополнительный элемент давления на сирийские власти и Иран в вопросе отношений с милициями. Однако вряд ли стоит рассчитывать на это.

Скорее всего, как показывают последние действия возглавляемой ими коалиции, США, как и Иран, стремятся создать подконтрольную им военную организацию из союзных местных сил. С этой точки зрения США заинтересованы в продолжении военной фазы конфликта, что в конечном итоге способно фактически убрать с военно-политической сцены сирийскую армию и органы безопасности, где у России пока еще сохраняются позиции, которые она вполне способна реанимировать и опереться на них в случае перехода власти для удержания своих позиций в САР.

Россия вряд ли согласится с такой постановкой вопроса, не рискуя испортить отношения с Ираном. К тому же в Москве хорошо осознают, что, добившись своей цели, США постараются маргинализировать роль Москвы в урегулировании сирийского кризиса и в будущем умалить роль России в Сирии, что поставит под угрозу российские позиции в этой арабской стране.

С конца 2017 – начала 2018 гг. ситуация в сфере вооруженного противостояния Сирии и вокруг нее заметно изменилась. Ведущиеся боевые действия отличаются непредсказуемостью финала и могут положить начало новым процессам в деле развития сирийского кризиса. Сложность сложившейся ситуации определяется, на наш взгляд, рядом важных разноуровневых обстоятельств.

Во-первых, сегодня сирийский конфликт развивается в иной парадигме. Условно ее можно обозначить как «посттеррористический» этап в сирийском восстании. После решающей победы над терроризмом в лице ИГИЛ в стране стала складываться новая ситуация. Она определенно оказывает влияние на умонастроения основных участников конфликта и определяет их поведенческий стереотип.

Примечательно, что победа над ИГИЛ является заслугой российских военных, которые смогли решить этот вопрос в считанные месяцы, поставив его в плоскость (как можно надеяться) «точки невозврата». Однако еще остается пресловутая «ан-Нусра» (она же «Джейш Фатх аш-Шам»)¹, а вернее, постепенно поглощающая ее «Тахрир аш-Шам».

В то же время в ряде ключевых районов страны – пригородах Идлеба и Халеба – эта террористическая структура постепенно теряет свои прежние лидирующие позиции и социальную базу опоры под ударами объединившихся движений «Аз-Зенки» и «Ахрар аш-Шам». Окончательно ее судьбу могут решить турецкие военные, которые во исполнение астанинских соглашений должны занять эти районы и покончить террористическими структурами.

Главный вопрос: как скоро это может случиться? По некоторым данным (требующим уточнения), после серии поражений отряды «Тахрир аш-Шам» находят убежище на севере Сирии, в приграничных сирийско-турецких районах. Нельзя исключать, что Турция, США и другие внешние акторы могут использовать их в крупной политической игре на поле сирийского конфликта².

Но в целом «посттеррористический» этап сирийского восстания уже наступил. Данное обстоятельство вынуждает как

¹ Летом 2016 года организация «Джабхат ан-Нусра» публично отказалась от связей с «Аль-Каидой» и изменила название на «Джейш Фатх аш-Шам».

² Подробнее о процессах, происходящих в «Ан-Нусре», и внутриусобной борьбе в рядах вооруженной оппозиции см.: «Джабхат ан-Нусра» теряет народную поддержку в Идлибе, что может привести к расколу в ее рядах [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elnashra.com/news/show/118521/>; «Leader in Levant Liberation [Committee] to Quds Arabi: We will fight Zenki Movement that wants to eliminate us...» Al-Quds al-Arabi (UK), 02.23.18. URL: <https://www.alquds.co.uk/?p=88547/>.

местных, так и ряд региональных участников конфликта по-новому относиться к сирийскому кризису и рассматривать дополнительные параметры его политического урегулирования.

Для сирийской оппозиции новый этап обозначает возврат к первоначальным целям восстания – борьбе с несправедным (с их точки зрения) режимом. К тому же сами сирийские власти давали много разных поводов для обвинений в избыточном насилии.

В этом контексте особе внимание привлекает фигура Сухейля аль-Хасана («Кувват ан-Нимр»), на которого с некоторых пор в Москве делают ставку³.

После нашей победы над ИГИЛ Россия и США стали уже не столько союзниками в борьбе с терроризмом, сколько соперниками в борьбе за Сирию. Стратегия США по Сирии изменилась, и аппетиты американской администрации выросли. Об этом открыто говорил госсекретарь США в конце 2017 года. Суть новой стратегии США можно упрощенно свести к утверждению, что преждевременный вывод войск из Ирака был ошибкой. Необходимо ограничить степень влияния Москвы в Сирии, не позволить ей взять под контроль новые стратегически важные районы страны, умалить роль России как беспристрастного арбитра в Женеве и таким образом лишить ее возможности влиять в выгодном для нее ключе на политическое решение по Сирии; одновременно попытаться развести Россию и Иран, нарушив их альянс, и таким образом изолировать ИРИ от активного участия в сирийских делах, а Москву лишить союзника; переформатировать суть политического решения по Сирии, где нет места Башару Асаду, а роль ИРИ серьезно маргинализована.

Практическим подтверждением новой стратегии США по Сирии служат действия американских военных в Сирии с начала 2018 года в отношении САА и российских военных⁴.

³ Подробнее о составе и численности противоборствующих сторон см.: Lister, Charles and Nelson, Dominic. All the President's Militias: Assad's Militiafication of Syria. 14.12.2017 [Электронный ресурс] // Middle East Institute. URL: <http://www.mei.edu/content/article/all-president-s-militias-assad-s-militiafication-syria>; The 5-th Corps of the Syrian Army [Электронный ресурс] // URL: <https://www.newsdeeply.com/syria/articles/2017/02/13/>.

⁴ Подробнее см.: Lister, Charles and Nelson, Dominic. All the President's Militias:

Одновременно Москва подверглась беспрецедентной критике и давлению со стороны союзников США в ЕС и НАТО⁵. В этой связи, на наш взгляд, нельзя медлить. Если военное решение по Сирии затянется и в силу вышеотмеченных причин не сможет получить успешного завершения, то надо переходить к политическому урегулированию, не дожидаясь окончания боевой фазы операции в САР.

Необходимо попытаться добиться выгодного для Москвы решения, пойдя на компромисс с конструктивно настроенными местными гражданскими и военными силами. Например, в обмен на некоторые уступки оппозиции Москва могла бы оговорить возможность взять под свой контроль ключевые районы Дамаска и ближайших пригородов⁶ – прежде всего районы Джобр и Хараста – и одновременно начать процесс их реконструкции.

Данные инициативы Москвы могли бы, на наш взгляд, быть встречены с пониманием в Саудовской Аравии, Египте и Израиле. Таким образом, Россия могла бы получить контроль над важными районами сирийской столицы и в дальнейшем постепенно распространить влияние на другие районы Дамаска, а также обеспечить успех своих действий на юге Сирии (Дерья).

Еще совсем недавно мало кто сомневался в превосходстве России и правящего режима в Сирии. Да и сегодня вряд ли стоит оспаривать военный приоритет Москвы в этой арабской стране. Однако в сложившейся в Сирии ситуации Москва не может полностью полагаться только на фактор силы, свое военное превосходство с точки зрения реализации собственного сценария политического урегулирования. Она вынуждена вернуться к политическим консультациям с региональными

Assad's Militiafication of Syria. 14.12.2017 [Электронный ресурс] // Middle East Institute. URL: <http://www.mei.edu/content/article/all-president-s-militias-assad-s-militiafication-syria>.

⁵ How Syria's White Helmets became victims of an online propaganda machine [Электронный ресурс] // The Guardian website, 18.12.2017. URL: <https://goo.gl/S2ulgf/>.

⁶ Именно это сегодня и происходит. По сообщениям ряда арабских СМИ (al-Jazeera.net, Orient TV), подразделения российской военной полиции берут под контроль ключевые КПП в Дамаске, постепенно вытесняя из города шиитские милиции.

и международными игроками на поле сирийского конфликта. Собственно, позиция России всегда базировалась на принципах политических договоренностей и консультаций. В то же время, как нам переставляется, наше неоспоримое военное превосходство в Сирии позволяло надеяться на то, что мы сможем реализовать наш собственный сценарий политического транзита и определить его основные параметры.

Однако развитие ситуации в Сирии и изменение прежних параметров безопасности, которые во многом определяли формат политического урегулирования, заставляют по-новому взглянуть на этот вопрос, прежде всего с точки зрения сохранения российского приоритета в деле урегулирования сирийского конфликта.

С начала 2018 года в развитии сирийского кризиса произошел ряд важных и внезапных изменений. Прежде всего, они определялись ростом вооруженной конфронтации противостоящих сторон и активным вмешательством в этот процесс ряда крупных региональных и международных игроков, которые с большой долей вероятности были готовы к решительным действиям для изменения сложившегося баланса сил и реализации своих интересов на этапе политического урегулирования.

В сложившейся ситуации вряд ли возможно говорить об абсолютном доминировании кого-либо из участников конфликта в деле полного переформатирования местной военно-политической инфраструктуры в соответствии с собственной национальной стратегией.

Данная ситуация заставляет основных участников конфликта менять прежние подходы к проблеме удержания своих позиций в контексте быстро меняющихся местных реалий и новой роли своих партнеров и оппонентов на поле сирийского урегулирования.

Со времени начала операции в САР влияние России благодаря новейшему вооружению и подготовленным военным кадрам было велико. Москва смогла установить практически полный контроль над воздушным пространством Сирии, укрепиться на ряде территорий «полезной Сирии» и обезопасить свои позиции в районе Средиземноморского прибрежного пояса с севера на юг. Более того, Россия сумела практически

полностью исключить из планов вооруженной оппозиции понятие «контролируемые районы», вернуть значительную часть сирийской территории под контроль сирийского правительства и практически исключить из переговорной повестки по Сирии вопрос о Башаре Асаде.

В то же время в силу обстоятельств, о которых говорилось выше, в военно-политической географии Сирии с недавних пор стало появляться все больше районов под контролем других международных и региональных сил. Частично причины сложившегося положения могут корениться в допущенных сирийским режимом просчетах еще до начала операции ВКС РФ. Так, не совсем оправдала себя принятая режимом логика «силового взаимодействия» с протестным движением, постепенно нарастающая угроза со стороны ближайших соседей была недооценена и так далее. Все это привело к избыточной интернационализации конфликта и дало возможность активного вмешательства внешних сил в сердцевину сирийского кризиса и даже манипулирования им на ряде этапов.

В результате сегодня политический и военный выигрыш выглядит не столь очевидными и в любой момент может стать предметом политического торга.

Усилия сирийского правительства стабилизировать ситуацию за счет активных боевых действий одновременно на ряде направлений с целью ограничения территории, занимаемой вооруженной оппозицией, не гарантируют сегодня достижения исключительного позитивного результата.

Инициированная Москвой в мае 2017 года при поддержке основных международных и региональных игроков идея создания «зон деэскалации», несомненно, сыграла свою положительную роль в снижении напряженности в ряде районов Сирии. Однако пока не удалось обеспечить необходимые условия для безусловного закрепления влияния сирийских властей, особенно в районах «полезной Сирии». Число стран-гарантов, призванных обеспечивать порядок в указанных зонах, было явно недостаточным.

Поэтому для контроля над ситуацией в восточных районах Хомса и Восточной Гуты пришлось обращаться к Египту. С одной стороны, ввод новых игроков в этот процесс может

снизить риск новых вооруженных обострений. С другой – это расширяет круг участников политических переговоров, которые, естественно, захотят диктовать свои условия.

Всего, по данным сирийской оппозиции (требующим дополнительной проверки), на конец 2017 – начало 2018 гг. указанные зоны охватывали 304 населенных пункта, в 43-х из которых 14% вооруженной оппозиции были представлены отрядами ССА и исламских бригад, в 189–60% также составили подразделения ССА и исламские бригады и в 73–24% отрядов ИГИЛ.

Необходимо учитывать тот факт, что России приходилось идти на ряд уступок и компромиссов, чтобы добиться согласованного решения о создании указанных зон.

Сегодня, после изменения ситуации в стране и позиций стран-гарантов, выполнение ранее достигнутых соглашений по зонам не выглядит столь простым.

Несмотря на то что Анкара пытается аккуратно выполнять возложенные на нее обязанности, ей нередко приходится маневрировать между США, Россией и Ираном, чтобы соблюсти ранее достигнутые договоренности с этими странами.

Нельзя не учитывать и тот факт, что страны-гаранты «трехстороннего соглашения по безопасности» («зоны деэскалации») в конечном счете не смогли воспользоваться предоставившимся им шансом извлечь для себя выгоду, причем на легальных основаниях.

Парадоксально, но фактически некоторым отрядам вооруженной оппозиции удалось упрочить свои позиции в ряде сирийских районов, особенно в тех, которые оказались в зоне турецкой ответственности. Известно, что Анкара активно задействовала в своей операции «Щит Евфрата» отряды ССА. При этом, угрожая срывом соглашений, Турция стремится расширить зону своего влияния и дальше на север Сирии, заняв стратегически важные районы типа Африна и провинции Идлиб, где базируются отряды «Тахрир аш-Шам» и «Тахрир ас-Сурийя».

Фактическое сохранение различных отрядов вооруженной оппозиции в ряде ключевых районов Сирии непременно скажется в будущем на взаимоотношениях центральной власти с периферией. Например, США категорически не согласны с границами размежевания российских и иранских сил,

находящихся на юге Сирии. Американская администрация выступает однозначно против участия Ирана как страны-гаранта в этом проекте, что может попросту сорвать его выполнение. Нельзя не учитывать и отрицательную позицию Израиля, который однозначно опасается усиления военного присутствия Ирана и ливанской «Хизболлы» на юге страны.

В этой связи нельзя однозначно отметить вероятность начала крупномасштабного конфликта, который может начаться в районе Деръа в ходе борьбы за юг Сирии и охватить другие районы страны и соседние государства.

Так, по некоторым данным, с момента начала сирийского восстания Израиль нанес по сирийской территории около 80 ударов с воздуха и суши. А настоящие «Sky Wars» в феврале 2018 г., участие в которых принимали ВВС Израиля, ВВС и ПВО ССА, иранские беспилотники, только подтверждают всю опасность и непредсказуемость ситуации.

По мере приближения июля 2018 г., когда должны быть окончательно выполнены астанинские соглашения о зоне безопасности на юге, растёт степень вероятности обострения обстановки в этом районе. Сегодня 50% Деръа контролируется оппозицией. Успехи ССА в Восточной Гуте и планы продвижения правительственных войск на юг не оставляют оппозиции возможности ударить первой, чтобы таким образом попытаться сохранить баланс сил.

В этом случае будут затронуты интересы США на их базе «Ат-Танф». Весной 2018 г. Пентагон направил в этот район дополнительно 200 единиц боевого персонала. В последнее время США нарастили свое военное присутствие в Сирии. Американские военные так или иначе контролируют 10 районов Сирии, дислоцируются на двух базах ВВС и восьми опорных пунктах, которые формально находятся под контролем подразделений сил защиты порядка, и неплохо представлены в районах к востоку и северо-востоку от Евфрата. При этом США контролируют до 80% сирийской нефти.

Складывающаяся ситуация не может не беспокоить Москву. Для того чтобы сохранить достигнутое, России, очевидно, придется усилить присутствие своих ВКС в районах Хамы, Идлиба, Восточной Гуты. Одновременно Москва, по данным сирийской

оппозиции и утечкам из рядов ССА, стала активно внедрять свой персонал и обученных в России сирийских военных в наиболее боеспособные подразделения сирийской армии и сил безопасности. Это дает России возможность фактически контролировать их деятельность, а в ряде случаев и управлять ею.

Установив контроль над силовым блоком, Россия уже фактически осуществила переходный период, который осталось оформить политическими договоренностями на международном уровне. Поскольку, вне зависимости от того, кто завтра будет править Сирией, реальный механизм власти останется в руках сирийской армии и спецслужб, имея там прочные позиции, Москва способна оказать влияние на принятие любого важного для нее политического решения на любом уровне сирийской властной пирамиды.

На самом деле, вопрос о выработке новых параметров безопасности, в рамках которых Россия могла бы законно утвердить свое первенство и достижения в Сирии, является на сегодняшний день ключевым.

Действительно, сегодня многое зависит от того, как Россия, Турция, Иран, США и Израиль будут менять прежние договоренности о системе безопасности в Сирии. Как известно, происходит это на фоне обострения ситуации в стране, что еще больше осложняет задачу.

Острые вопросы организации переходного периода и формирования институтов власти с новым наполнением, конечно, должны решаться самими сирийцами путем большого общественного договора, в условиях которого стороны способны пойти на очень серьезные компромиссы и взять на себя серьезные гарантийные обязательства. Возможным результатом этого договора станет принятие новой конституции и создание учредительного собрания, которое изберет представителей органов переходного периода.

С другой стороны, нельзя исключать, что даже в случае достижения поставленных задач Сирию в будущем может ожидать серия военных переворотов и революций, так как нет ничего хуже нерешенных задач, усугубленных годами войны и горечью потерь, которые затронули каждую сирийскую семью. Но это дело самих сирийцев.

К тому же длительный вооруженный конфликт в Сирии оказал влияние на изменение конфессионального баланса в обществе, что, несомненно, окажет влияние на ход будущих политических процессов в стране.

Особенность сирийского конфликта и сложность его разрешения заключаются не только в его беспрецедентной длительности по сравнению с восстаниями в других арабских странах, что во многом было определено ролью национальных вооруженных сил и геостратегическим положением Сирии. Сирийский кризис вывел на политическую авансцену новые социальные силы, обнажив искусно замаскированный и приглушенный режимом Хафеза Асада весь спектр острых социальных противоречий, клановых, конфессиональных, этнических и земляческих конфликтов. Прежде внешне единый сирийский социум в условиях обострения кризиса стал стремительно раскалываться по указанным выше конфликтным линиям, серьезно радикализовав исламистские настроения в стране и ближневосточном регионе в целом.

Религиозные, этнические и земляческие факторы сыграли одну из ключевых ролей в начале сирийского восстания. Более того, и сегодня указанные факторы продолжают оказывать сильное влияние не только на ход военно-политических процессов, но и на выработку основных принципов урегулирования сирийского кризиса. Исследование данной темы представляло определенные сложности не только в довоенный период, но и особенно в условиях гражданской войны. К тому же сирийские и международные статические данные, как и сведения различных правозащитных организаций, не отличаются непогрешимостью и особой репрезентативностью.

При этом надо иметь в виду, что в условиях военных действий демография превращается в своеобразный инструмент пропагандистской войны противоборствующих сторон с целью оказать влияние на региональных и международных участников конфликта, подтолкнув их таким образом к принятию выгодных той или иной стороне решений.

В начале 2006 года на одном из популярных интернет-сайтов были опубликованы необычные статические данные о конфессиональном составе сирийского общества. Как подчеркивал

автор публикации, приведенные им данные собирались в условиях повышенной секретности. Их сбор был поручен не Центральному статистическому бюро (ЦСБ) САР, а определенным структурам, и проводился в течение всего 2005 года. Ранее они нигде не публиковались.

Справедливости ради нужно отметить, что в публикациях ЦСБ САР после 1960-х годов невозможно найти сведения о религиозном и этническом составе населения. Во многом это было продиктовано политикой властей, которые тщательно маскировали этот щепетильный аспект развития сирийского социума.

Согласно этим данным, все население Сирии составляло в 2005 г. приблизительно 18 млн человек. По своей конфессиональной принадлежности оно распределялось следующим образом: 45% – сунниты-арабы, 20% – алавиты, 15% – курды, 12% – христиане, 3% – друзы, 3% – муршидуны, 1,5% – исмаилиты, 0,5% – шииты. Таким образом, сирийское общество состояло из четырех основных религиозных и этнических групп – суннитов-арабов, алавитов, курдов, христиан. Малочисленные общины были представлены друзами, муршидунами, исмаилитами и шиитами. С этой точки зрения Сирия не сильно отличалась от соседнего Ливана, где, как известно, в основе управления страной лежал принцип политического конфессионализма.

С одной стороны, приведенные выше данные внушали определенное сомнение, особенно в отношении численности алавитов (3,6 млн чел) и их процентного соотношения по сравнению с другими группами населения. Тем более что, по данным ряда источников, население Сирии в 2011 г. составляло приблизительно 20 млн человек и распределялось в конфессиональном и этническом отношении следующим образом: 65% – сунниты-арабы, 15% – курды, 10% – алавиты, 5% – христиане, 3% – друзы, 1% – исмаилиты, 1% – шииты.

Грубые подсчеты показывают, что, по официальным данным темпов прироста населения в этот период, которые составляли 3–3,5% в год, все население страны за 5 лет должно было вырасти на 3–4 млн человек и, соответственно, составить 21–22 млн человек. Именно эту цифру можно было чаще всего встретить в работах отечественных и зарубежных исследователей, а также политических обозревателей и экспертов. При этом

данные ЦСБ САР за 2011 год показывают, что население Сирии составляло более 24 млн человек⁷.

Возможно, такая разница в данных возникла из-за того, что начиная с середины 1990-х годов в Сирии стал наблюдаться постепенный спад темпов прироста населения до 2,6–2,5% в год. В провинциях этот показатель был еще ниже и составлял 2%, особенно это касалось Тартуса, Латакии, Сувейды и Хасаке. Приведенные выше подсчеты лишней раз демонстрируют всю условность статистических данных как сирийских, так и международных экспертных организаций. Для нас важным является тот факт, что накануне сирийских событий сирийское общество было уже разделено по конфессиональным и этническим линиям. Возможность выхода на поверхность каких-либо проявлений этнических и конфессиональных разногласий жестко пресекалась властью. С другой стороны, подобные разногласия искусно гасились за счет системы сдержек и противовесов. На них базировалась выстроенная Х. Асадом конструкция государства и его система управления.

Однако недооценка подлинной конфессиональной и этнической ситуации в стране на фоне ухудшения экономического положения самой властью и международными игроками сыграли, на наш взгляд, роковую роль в сирийских событиях и их превращении в ярко окрашенный конфессиональный и этнический вооруженный конфликт.

К весне 2017 года от 7 до 9 млн человек оказалось за пределами страны. Около 6 млн человек находилось в состоянии постоянной внутренней миграции. Общее население Сирии сократилось до 16 млн человек⁸. Указанные выше данные отражают лишь общую тенденцию и требуют более четкой верификации. К этому времени сирийские власти фактически

⁷ «Бюллетень результатов переписи населения и жилых помещений на 2004 г. в районах и пригородах Дамаска», 03.07.2007. «Статистический сборник», 2011. Центральное Статистическое Бюро, Дамаск, 2011.

⁸ Подробнее об этом см: Balanche, Fabrice. Communautarisme en Syrie lorsque le mythe devient realite [Электронный ресурс] // Confluences Mediterranee, 89, Spring 2014. URL: <https://www.cairn.info/revue-confluences-mediterranee-2014-2-page-29.htm>; Phillips, Christopher. Sectarianism and Conflict in Syria // Third World Quarterly, 36, No 2, 2017.

перестали публиковать подробные статистические данные о составе и численности населения.

В то же время сирийские власти передавали часть статистических материалов в информационную структуру ООН – ОСНА. В свою очередь, сирийская оппозиция создала на территории Турции специальный орган – Assistance Coordination Unit (ACU), куда направляла свои данные о состоянии местного населения и беженцах. Существовали и такие организации, как SOHR и подобные им, которые вели свою статистику и пользовались своими источниками. Подобная ситуация осложняла получение более или менее объективных данных о реальном положении местного населения и его показателях.

Одно несомненно – длящаяся уже 7 лет война привела к серьезным изменениям в конфессиональной карте Сирии. Трансформация религиозного и этнического состава Сирии во многом предопределялась высокой смертностью как военных, так и гражданских, эмиграцией и внутренними перемещениями населения.

В то же время ряд меньшинств внутри Сирии смог увеличить свои показатели как в абсолютном, так и относительном отношении. Во многом это произошло за счет значительного сокращения суннитов-арабов. Из общего показателя эмигрировавших сирийцев к 2017 г. 80% (около 5,5 млн человек) составили именно сунниты-арабы. К тому же наиболее интенсивные боевые действия велись на территории, где они традиционно проживали. Гражданская война отрицательно сказалась и на сирийских христианах, возможно, потому что, в отличие от алавитов и друзов, они не располагали собственным анклавом.

К концу 2017 года общее число покинувших страну христиан составило около 10%. При этом христианская эмиграция началась еще в 2011 году. 10% курдского населения также выехало из Сирии в 2015-м. В основном они нашли себе прибежище в Иракском Курдистане. Меньше всего из страны выехало алавитов, друзов, исмаилитов и шиитов⁹.

⁹ Подробнее об этом см.: Balanche, Fabrice. Communautarisme en Syrie lorsque le mythe devient realite [Электронный ресурс] // Confluences Mediterranee, 89, Spring 2014. URL: <https://www.cairn.info/revue-confluences-mediterranee-2014-2-page-29.htm>; Phillips, Christopher. Sectarianism and Conflict in Syria // Third World Quarterly, 36, No 2, 2017.

В конце 2017 года 80% территории находилось под контролем правительства Б. Асада. Там проживало около 75% всего населения Сирии. При этом на территориях, занятых ИГИЛ и вооруженными формированиями сирийского сопротивления (северо-запад страны, южные районы, Гута), населения не могло чувствовать себя в безопасности из-за постоянно ведущихся боевых действий.

Любопытно, что в зонах контроля сирийских властей 42% населения представляли сунниты-арабы. В то же время в районах, занятых вооруженной оппозицией, сунниты-арабы составляли 87% населения. Несмотря на то что алавиты, друзы, христиане, исмаилиты и шииты в основном поддерживали Б. Асада, численность меньшинств выросла на рубеже 2015–2016 гг. всего на 5% – по сравнению с 20-ю до начала сирийского восстания. Курды составляли 15% населения страны, сунниты-арабы – 60%¹⁰.

В этой связи при формировании принципов сирийского урегулирования желательнее учесть характер трансформации конфессиональной и этнической карты Сирии. Так, слабость религиозности меньшинств и явное превосходство суннитов-арабов ставит сирийские власти перед сложной дилеммой. Сможет ли Б. Асад удержать необходимый баланс на этапе переходного периода, если нынешний конфессиональный состав сирийского общества останется неизменным?

С другой стороны, перед любой властью в Сирии на этапе переходного периода и в ближайшем будущем неизбежно встанет вопрос о восстановлении экономики страны, фактически разрушенной в результате гражданской войны и иностранного вмешательства в сирийский конфликт.

По оценкам ряда сирийских и международных экспертных кругов, к началу 2014 года экономика Сирии оказалась на 50% уничтоженной в результате вооруженного конфликта. По данным ряда сирийских оппозиционных структур, требующим дополнительной проверки, около 60% жилого

¹⁰ Ахмедов В.М. Эволюция конфессиональной карты Сирии. 02.04.2018 [Электронный ресурс] // Сайт Института Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=43139>

и промышленного фонда страны находилось в состоянии полного или частичного разрушения.

По тем же сведениям, общие затраты на восстановление национальной экономики могли бы составить 100–120 млрд долларов США (в текущих ценах). Материальный ущерб сопровождался колоссальными (по сирийским меркам) человеческими потерями. Данные ряда международных и сирийских правозащитных организаций фиксировали на указанный период 130 тысяч убитых, около 500 тысяч раненных, около 6 млн внутренних мигрантов и 2 млн беженцев (за рубежом). Фактически Сирия (общая численность населения на начало конфликта 24 млн человек) переживала подлинную гуманитарную катастрофу.

При этом социально-экономическое положение страны имело тенденцию к дальнейшему ухудшению, что выражалось в растущей нехватке местных и импортных товаров, постоянном росте цен на предметы первой необходимости, прежде всего продукты питания, опасном снижении стоимости местной валюты (сирийского фунта) к иностранным. Так, если в начале кризиса обменный курс доллара США к сирийскому фунту составлял 1:30, то в дальнейшем этот показатель оказался подвержен серьезным колебаниям и в отдельные месяцы достигал своего пика – 1:300. К концу 2013 года стоимость 1 доллара США равнялась 156 сирийским фунтам. К тому же страна испытывала хронические перебои в снабжении электроэнергией и горюче-смазочными материалами, а также проблемы, связанные с безработицей и снижением качества услуг населению, прежде всего в области здравоохранения, образования, транспорта, связи.

Сирийский конфликт привел к практически полной остановке работы большинства отраслей национальной экономики и резкому снижению деловой активности в стране. С начала протестных движений в Сирии эксперты предсказывали снижение на 37% показателей ВВП к 2013 году. Этот показатель уже сократился на 19% в 2012 году. Доход на душу населения снижался на 18% ежегодно с марта 2011 года. Одновременно росли темпы инфляции – с 6,6% в 2011 году до 68% в 2013 году.

К концу 2013 года уровень стремительно растущей безработицы превысил 69%.

Наибольшие потери страна несла в ключевых секторах национальной экономики. Так, согласно официальным данным, общие потери в нефтяной отрасли составили за указанный период в стоимостном выражении 17,7 млрд долларов США. Уровень добычи нефти сократился на 90% – с 380 в 2011 году до 39 тысяч баррелей в 2013-м. Сильно снизились инвестиции в сферу туризма и доходы от него. Туристический сектор, который в течение нескольких последних лет до начала протестов обеспечивал около 12% всех бюджетных поступлений, фактически прекратил функционировать в стране. Не лучше обстояли дела и в сфере промышленного производства, где общие потери составляли 2,2 млрд долларов США, из которых 500 млн долларов пришлось на госсектор и 1,7 млрд долларов – на частный сектор.

Наиболее серьезный урон понесли производства, сосредоточенные вокруг Дамаска и Халеба. Так, по данным ряда региональных финансовых структур, 75% промышленных предприятий Халеба полностью прекратили работу. Особенно сильный удар был нанесен по целому ряду производств в отраслях легкой промышленности, что, по оценке экспертов, могло иметь отрицательный «кумулятивный эффект» для будущего сирийской экономики. Серьезный ущерб был причинен и сельскохозяйственному производству, особенно в районах Дерья, провинциях Дамаск, Идлеб, где многие сельскохозяйственные площади вместе с посевами и урожаем были фактически уничтожены конфликтующими сторонами.

Военные действия, охватившие практически всю территорию страны, самым отрицательным образом сказались на внешней торговле Сирии. По данным сирийской статистики, общая стоимость сирийского экспорта за указанный период сократилась примерно на 95% – с 1,9 млрд долларов США в первом квартале 2011 года до 94,7 млн долларов США в этот же период 2013 года. Сирийский импорт за то же время упал в стоимостном выражении на 88%, с 4,1 млрд долларов США до 818 млн долларов США.

Особенно сильный удар в результате конфликта был нанесен финансовой системе страны. Валютные резервы Сирии достигли рекордно низкого уровня, составив 1,8 млрд долларов США в 2013 году – против 19,5 млрд долларов в конце 2010 года. Доходы государства в бюджетной сфере также резко сократились в результате серьезного снижения финансовых поступлений по его доходным статьям, в том числе за счет зарубежных инвестиций и денежных переводов сирийских граждан, работавших за границей, ежегодный размер которых прежде равнялся 800 млн долларов США.

Общий объем капиталов, вывезенных за рубеж с 2011 по 2014 гг., составил около 22 млрд долларов США. 60% представителей сирийского бизнеса, главным образом крупного и среднего звена, выехали за границу.

В условиях избранного режимом курса на силовое подавление протестных движений значительная доля скудных бюджетных поступлений тратилась режимом на содержание армии и служб безопасности, в том числе на денежное довольствие личному составу и закупку вооружения.

Необходимо отметить, что сведения, касающиеся истинных размеров государственного бюджета, путей и средств его пополнения, прежде всего золотовалютных запасов, особенно тщательно охраняются в настоящее время. Ряд экспертов считал, что финансовая и экономическая система страны должна была бы рухнуть на рубеже 2011–2012 гг., если бы не экономическая помощь и финансовая поддержка, своевременно полученная режимом Б. Асада от его зарубежных союзников. Так, по некоторым данным, в начале 2012 года только Тегеран открыл Дамаску специальную кредитную линию в 3,6 млрд долларов США.

Указанные выше показатели состояния сирийской экономики имели отрицательную динамику развития. Данное обстоятельство с учетом затягивающегося перехода к этапу мирного политического решения конфликта позволяло предположить, что в краткосрочной перспективе кризисные явления в экономике страны будут нарастать быстрыми темпами, произойдет резкий спад промышленного производства, усилится

дисбаланс в социально-экономическом положении различных регионов страны.

Действительно, к 2017 г. в Сирии перестала существовать единая экономика. Большая часть страны вышла из-под контроля центрального правительства. В результате непрекращающихся боевых действий более 6 миллионов сирийцев эмигрировали из страны и вышли из производственного цикла сирийской экономики. Производство нефти практически остановилось, снизилась добыча газа, тысячи фабрик были уничтожены, сельское хозяйство и транспортная система оказались сильно повреждены, туризм полностью прекратился, экспорт остановился, снизился импорт, ВВП составлял менее четверти от уровня 2010 года.

Резкое ухудшение экономического положения не могло не сказаться на состоянии сирийского общества. После того как сирийский конфликт приобрел ярко выраженные черты конфессиональной и этнической розни, враждебность между разными категориями сирийского общества выросла. Многие сирийцы стали относиться друг к другу исходя из признаков религиозной и этнической принадлежности. В обществе усилился религиозный радикализм и явно обозначилась тенденция национального сепаратизма. В результате того что сотни тысяч сирийцев стали частью вооруженного конфликта, сирийское общество оказалось подвержено таким отрицательным явлениям, как насилие, преступность, коррупция. Социальное расслоение достигло своего пика, половина школьников лишилась возможности получать образование, что создавало угрозу для будущих поколений сирийцев.

В результате восстановление сирийской экономики с опорой на собственные ресурсы может оказаться практически неразрешимой задачей, что на долгие годы превратит Сирию в страну-должника с постоянно растущим внешним долгом.

Действительно, Сирия не располагает достаточными самостоятельными источниками для финансирования реконструкции. Во многом это объясняется тем, что к началу 2018 г. режим использовал практически все стратегические финансовые ресурсы. Доходы центрального казначейства также ограничены из-за провала экономики, миграции капитала, остановки

бизнеса. В этой связи следует предположить, что Сирия в своей реконструкции будет опираться в основном на внешнюю помощь и зарубежное финансирование, рассчитывая при этом главным образом на поддержку стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ).

В то же время участие России и Ирана в реконструкции Сирии, возможно, не столь масштабное как стран ССАГПЗ, может сыграть важную роль в процессе восстановления сирийской экономики.

С учетом той роли, которую обе страны играют в сирийском конфликте и его завершении, российская и иранская финансовая и экономическая помощь может создать необходимые условия и обеспечить определенные гарантии для появления других источников финансирования, в том числе в виде прямых инвестиций в сирийскую экономику. В то же время вряд ли стоит ожидать крупных кредитов от международных финансовых учреждений, которые с большим скепсисом и осторожностью будут инвестировать в страну, где отсутствуют существенные местные ресурсы из-за развала экономики и ограниченности налогов, которых можно собрать с населения.

Наиболее важную роль в ходе выполнения проектов по восстановлению сырьевой производственной базы, обеспечения экономики оборудованием, управленческими кадрами, рабочей силой будут играть прямые инвестиции. И здесь важную роль может сыграть национальный капитал – в качестве инициатора привлечения арабских и иностранных прямых инвестиций, в том числе из России и Ирана.

Именно сирийский капитал способен создать в стране привлекательный инвестиционный климат, что может в дальнейшем обеспечить приток солидных вложений из-за рубежа. Как было показано выше, национальный капитал до событий 2011 г. имел значительный потенциал роста, но не мог его реализовать в полном объеме из-за ошибок в управлении и определенных ограничений в политической и экономической сферах. С учетом этого в случае удержания власти нынешним правящим режимом он будет вынужден пойти на серьезные политические компромиссы и с большей толерантностью отнестись к тому факту, что в своем большинстве национальный капитал

в конфессиональном отношении представлен суннитской буржуазией. Только в этом случае правящий в Сирии режим сможет раскрыть скрытый потенциал сирийской буржуазии в восстановлении национальной экономики.

Восстановление сирийской экономики во многом будет определяться степенью эффективности и оптимальной организации любых проектов реконструкции с точки зрения использования имеющихся материальных и людских ресурсов. Наладивание полноценного и сбалансированного взаимодействия между центральной властью и местными советами может стать решающим условием в успешности выполнения различных проектов реконструкции страны. Это особенно важно в условиях поствоенного периода, когда власть центра еще слаба, а власть на местах окрепла в условиях вооруженного конфликта и пользуется доверием и поддержкой населения. В этом плане одним из первых шагов в процессе восстановления страны могло бы стать создание Центрального агентства по реконструкции и развитию с сетью местных отделений.

Важным условием успеха реконструкции сирийской экономики может стать верное определение приоритетности восстановительных проектов. Возможно, сельскохозяйственное производство и отдельные отрасли легкой промышленности могли бы сыграть важную роль на первых этапах реконструкции с точки зрения создания рабочих мест и обеспечения населения продовольствием и предметами первой необходимости. К тому же, с учетом того что многие участники вооруженной оппозиции не являются профессиональными военными, имеют гражданские специальности и являются в большинстве выходцами из провинций, развитие сельского хозяйства и местных производств могло бы обеспечить их занятость мирным трудом.

Большую роль в процессе восстановления страны может сыграть создание особого органа финансового и политического контроля – фактически «народного контроля» – над соблюдением необходимых условий, гарантирующих учет интересов широких слоев населения, и способного противостоять попыткам политического давления и угрозе коррупции.

Восстановление сирийской экономики, несомненно, будет сталкиваться на своем пути с большими трудностями

и препятствиями. Процесс экономической реконструкции Сирии, естественно, займет не один год и окажется растянутым по времени. Главным условием успешного начала этого процесса в настоящее время является прекращение военных действий и достижение стабильного и прочного мира в стране. Внешним силам, заинтересованным в мире, необходимо принудить все инациональные вооруженные отряды к миру в Сирии, иными словами – как можно скорее прекратить боевые действия по всей территории страны и постепенно очистить ее от их присутствия.

Заключение

Вооруженный сирийский конфликт длится более 7 лет и уже стал одним из важных аспектов, влияющим на изменение ключевых параметров международных отношений и формирование нового облика Ближневосточного региона.

Сегодня борьба за власть в стране между режимом и его вооруженными силами с одной стороны и политической оппозицией и местным вооруженным сопротивлением с другой фактически отошла на задний план, уступив приоритет острому соперничеству за Сирию и влияние на Арабском Востоке ведущих мировых держав и крупных региональных игроков.

Усилившаяся с 2012 года борьба за Сирию отчасти была спровоцирована местными противоборствующими сторонами, пытавшимися заручиться поддержкой влиятельных международных и региональных покровителей. Однако в действительности она отражала пролонгацию прежних неразрешенных ближневосточных конфликтов (внутренних и внешних) с неизменным составом их основных участников, которые рассматривали внутренний кризис в Сирии как новую возможность утвердить свои интересы в регионе, одновременно укрепив там сферы своего влияния в рамках начавшегося процесса переформатирования Ближнего Востока.

Отмеченные выше прагматичные в своей основе интересы противоборствующих сторон (местных и иностранных) зачастую облекались в религиозную форму борьбы за веру. С одной стороны, так можно было максимально быстро и упрощенно мобилизовать массы, а с другой – защита единоверцев и отпор инонациональным силам (основным виновникам, как считали многие, развязывания сирийского конфликта) была неплохим оправданием участия в этом вооруженном конфликте.

Указанные выше обстоятельства дезориентировали и децентрализовали местные власти, раскололи как вооруженную

оппозицию, так и правительственные силовые структуры, выдвинув на передовые позиции радикальных исламистов. Они дезорганизовали политическую оппозицию, которая не сумела сплотить силы вооруженного сопротивления на единой патриотической основе и политической платформе.

В итоге данный факт в сочетании с силовыми мерами режима по подавлению восстания, ликвидации на его ранних этапах светской оппозиции, дали мощный импульс к возрождению и выходу на политическую авансцену местных провинциальных религиозных организаций (салафиты-джихадисты) и появлению новых («Ан-Нусра», ИГИЛ).

Эти и подобные им организации разительно отличались по своим идеологическим установкам, заявленным целям и методам действий от прежде известных исламистских организаций («Братья-мусульмане», ливанская «Хизбалла», ХАМАС). Новые исламисты стали пропагандировать чуждые местному населению идеологию и мировоззрение и практиковать методы действий крайне экстремистского и такфиристского характера на значительных по размеру подконтрольных им территориях, что фактически привело к превращению Сирии в один из центров международного терроризма. Их представители активного проникали и действовали в Европе и распространяли свое влияние в другие страны мира.

Особенности сирийского конфликта, определяющие сложность его разрешения, заключаются не только в его беспрецедентной длительности и интернационализации. Они связаны с рядом глубинных внутренних процессов, которые подспудно зрели на протяжении нескольких последних лет и выплеснулись на поверхность в переломный для страны и общества момент.

Характер сирийского восстания определялся традиционно существовавшей разницей между городом и деревней в Сирии и той ролью, которую сыграла в восстании периферия, по крайней мере на его начальном этапе.

Как известно, первые наиболее сильные очаги революции возникли в провинциальных центрах. Отчасти это объяснялось тем, что в первую очередь именно там силы безопасности и армия утратили свой авторитет среди населения. Также имело

значение резкое ухудшение социально-экономического положения населения периферии из-за ряда неурожайных годов и сильнейшей засухи 2010 г. Принятая режимом в середине 2000-х годов политика приватизации привела к острой социальной поляризации общества, обнищанию и маргинализации значительных масс населения в сельских местностях. В результате накануне начала сирийских событий в крупные городские центры страны потянулись разорившиеся фермеры и потерявшие работу сельчане, общая численность которых приближалась к 1 млн человек. Одновременно проводимая режимом политика поддержки исламского сопротивления в Палестине и Ливане усиливала консервативные религиозные настроения в депрессивных районах сирийской глубинки. В результате это привело к тому, что население этих местностей оказалось наиболее восприимчивым к самым радикальным идеям. А то же время в сирийском обществе снизилась роль умеренного ислама, что усилило экстремистские аспекты в восприятии населением государственной политики и идеологии.

Сложившаяся ситуация оказалась наиболее благоприятной для роста идей исламизма, а последующие действия властей после начала сирийского восстания только укрепили его позиции. Подобные настроения в обществе послужили прекрасной матрицей для распространения джихадистских идей как местного происхождения, так и пришедших из-за рубежа.

Именно представители населения периферийных районов, которые в течение нескольких последних лет заполняли пригороды крупных городских центров, сыграли роль катализатора сирийского восстания. Наиболее радикально настроенные представители этой новой «городской периферии» требовали свержения власти, которая сама более полувека тому назад пришла из дальних горных сел и захватила города, установив там свои порядки.

В то же время в Дамаске и Халебе интеллектуальная, экономическая, торговая элиты не хотели участвовать в восстании и не желали испытывать все связанные с ним риски. В таких городах, как Дамаск и Халеб, можно было с достаточной долей уверенности выделить (по месту жительства) очень бедные слои населения, готовые поддержать восстание. Одновременно

с этим их более состоятельные соседи из числа представителей среднего класса и торгово-промышленной буржуазии не приветствовали революцию, а многие жители зажиточных кварталов тесно связывали свое благополучие с режимом Б. Асада.

В конечном итоге в сирийском национальном движении, возродившемся на волне «арабской весны», возобладали религиозные настроения радикального характера. Его светская составляющая практически была сведена на нет. Во второй половине XX столетия светские силы сыграли ведущую роль в борьбе сирийского народа за национальную независимость, а их идеология послужила основой формирования политической системы и государственных институтов современной Сирии.

В свою очередь, в протестном сирийском социуме сложилась принципиально новая ситуация. В мировоззрении многих социальных групп населения, стоявших в авангарде вооруженной борьбы, возобладали представления о правящем режиме как об «оккупационном», вступившем в преступный заговор с Ираном, рядом влиятельных мировых держав и Израилем с целью порабощения арабских народов и их подчинения инонациональному господству. В практическом плане подобное мировоззрение послужило мощным мотивом борьбы за свержение правящего режима.

Отмеченные настроения были искусно использованы различного рода внутренними и внешними силами, которые под флагом религии стремились реализовать свои истинные цели в Сирии и на Ближнем Востоке в целом. В подобной ситуации противоборствующим сторонам, естественно, не удалось долго удерживать радикальные исламистские настроения в рамках логики ведущейся борьбы. Достаточно быстро они сами стали заложниками исламистских настроений джихадистского характера и были вынуждены следовать в русле данных идеологем. В результате политические цели борьбы в Сирии были подчинены данной идеологией, которая постепенно охватила вовлеченные в сирийский конфликт региональные и международные силы, став одним из главных мотивов их действий.

Таким образом, сирийский кризис вывел на политическую авансцену новые социальные силы, обнажив искусно замаскированный и приглушенный режимом целый спектр острых

социальных противоречий, клановых, конфессиональных, этнических и земляческих конфликтов. Сирийский социум в условиях обострения кризиса стал стремительно раскалываться по указанным выше конфликтным линиям, усилив исламистские настроения в обществе.

Одним из сложных препятствий налаживания процесса политического урегулирования в Сирии, где, несмотря на усилия международных и региональных посредников, пока не удастся преодолеть военную фазу конфликта, является острый характер межконфессиональной розни, религиозной и межэтнической борьбы, которой охвачен весь местный социум и страна в целом.

Действительно, в многоконфессиональной и полиэтнической Сирии арабы, мусульмане-сунниты составляют подавляющее большинство. А представители алавитской общины (12-15% населения) фактически правили страной последние 47 лет, и далеко не всегда безупречно.

В условиях начавшейся в конце 2010 года на Ближнем Востоке «арабской весны» властям Сирии, опиравшимся на мощный аппарат спецслужб, специальные подразделения, представленные главным образом алавитским меньшинством, вряд ли удалось бы эффективно контролировать действие исламского фактора в многоконфессиональной и полиэтнической стране, не скатываясь в конечном итоге к открытому насилию.

Действительно, если рассматривать арабские восстания в рамках религиозной парадигмы, то получается, что те страны, где они произошли и продолжаются (в том или ином виде), отличались большинством суннитского населения. То есть главной движущей силой этих народных восстаний были и есть сунниты. И Сирия, где 75% населения исповедует ислам суннитского толка, не является исключением.

В условиях же вооруженной борьбы открылся путь для возвращения суннитов к власти, которую они в той или иной степени старались сохранять в своих руках практически без перерыва с момента возникновения халифата Омеядов в 661 году н. э.¹

¹ Подробнее об этом периоде в истории Сирии см.: Бартольд В.В. Работы по истории ислама и арабского халифата. Т4. М. 1966. С. 156-162.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При этом необходимо иметь в виду, что изначально ислам суннитского толка содержал много элементов, которые условно можно было назвать светскими, демократическими. Вернее, он был более восприимчив к их осмыслению².

Однако отмеченная роль периферии оказала специфическое влияние на религиозные аспекты восстания, напомиравшее о бедуинском характере и сельской атрибутике, и именно этим объясняется такое распространение ислама салафитского толка по сравнению со скромной ролью традиционного суфийского вероучения. Салафитские идеи расцвели прежде всего в условиях провинциальных центров.

Вклад так называемого цивилизационного ислама, присущего городским элитарным слоям – буржуазии, торговцам, интеллигенции, военным, – носил ограниченный характер среди гражданских и военных участников вооруженного движения. Это становилось очевидным на примере весьма скромного присутствия суфийского элемента в отрядах вооруженной и гражданской оппозиции.

Постепенно политические группы и боевые отряды исламистов становились основными фигурантами происходивших в Сирии событий. Участие исламистов в работе сирийской политической оппозиции и рост их влияния на нее уже стало невозможно игнорировать.

С одной стороны, использование оппозиционным движением некоторых исламских лозунгов и появление исламистов в ее рядах стало вынужденным шагом. Оно явилось реакцией повстанцев на жестокие действия властей по подавлению восстания в условиях отсутствия какой-либо внешней поддержки светских национально-ориентированных сил, которым приходилось использовать исламские лозунги как средство мобилизации широких масс и поддержания баланса сил.

Однако по мере укрепления места и роли в восстании вооруженных исламистских группировок, базирующихся на принципах ислама, использующих религиозную символику и базовые установления исламского государства, стала меняться публичная риторика командиров различных отрядов как

² Подробнее об этом см.: Коран. Перевод и комментарии Крачковского И. Ю. М. 1963. С. 501–647.

политической, так и военной оппозиции. В своих публичных заявлениях и практической деятельности они стали постепенно отходить от первоначально заявленных протестным движением политических целей.

Этот поворот в сирийском кризисе сопровождался обострением конфессиональной розни между суннитами, алавитами и шиитами с одной стороны и национальным расколом между арабами и курдами с другой. Одновременно усиливалось внешнее вмешательство в сирийский кризис, которое также шло по двум направлениям. Одна часть международного сообщества фактически поддерживала суннитское сопротивление, другая активно защищала режим Б. Асада, который опирался на алавитов и внешнюю шиитскую поддержку.

В условиях острого политического кризиса, который сегодня переживает страна, характер взаимоотношений представителей различных конфессий и этносов (в прошлом, настоящем и будущем) играет далеко не последнюю роль в процессе определения путей развития ситуации в Сирии. Если кто-то хочет сорвать мирный процесс, то он обязательно попытается использовать самые темные стороны этой проблемы.

С другой стороны, было бы неверным полагать, что, если в Сирии удастся наладить полноценный политический процесс на демократической основе, то указанный фактор никак себя не проявит.

Однако если законы можно быстро принять или отменить, то изменить сознание людей, особенно малообеспеченных и плохо образованных, вряд ли возможно за короткий промежуток времени – так же, как отстроить новую политическую систему и развить подлинно гражданское общество с устойчивыми демократическими традициями. Нельзя не учитывать и общую ситуацию в Ближневосточном регионе. Здесь политический процесс развивается с учетом сложного исторического контекста и непрекращающихся разногласий на конфессиональной, религиозной и этнической почве. Более того, гражданская война серьезно подорвала и дефрагментировала центральную власть и национальные вооруженные силы страны. Фактическое разрушение большинства институтов прежней политической системы и слабость местных управленческих

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

структур внушают сомнения в том, что они могут гарантированно обеспечить безопасность и стабильность в стране, ее национальный суверенитет и территориальную целостность в условиях мирного переходного периода, осуществить ее восстановление и развитие в новых условиях.

В то же время достижение мира в Сирии вполне возможно. Многое зависит от политической воли и готовности к взаимным компромиссам ключевых внутренних и внешних акторов сирийского восстания.

Библиография

Официальные документы, материалы сирийской статистики, справочно-аналитические издания.

1. Коран. Перевод и комментарии И.Ю. Крачковского. М., 1963.
2. Мир глазами президента Сирии Хафеза Асада. М., 2000.
3. Сирия. Справочник. М., 1992.
4. Современная Сирия (Справочник). М., 1973.
5. Современная Сирия (Справочник). М., 1992.
6. Хартия и устав Прогрессивного национального фронта САР. Современная Сирия. Справочник. М., 1974.
7. Конституция Сирии от 13 марта 1973 г. В кн. М.А. Сапронова. Государственный строй и конституции арабских республик. М., 2003.
8. Central Bank of Syria. Quarterly Bulletin, 1993–1994.
9. Country Profile – Syria, 1998–1999.
10. Country Commercial Guide: Syria, 1999.
11. EIU. Country Profile – Syria, 1998–1999.
12. EIU. Syria – Country Report. № 2, 1995.
13. Euro MeSCo Papers, 14, December 2001.
14. FY2000 Country Commercial Guide: Syria. U.S. Department of State. Washington, 1999.
15. Handbook to the Modern World. The Middle East. Facts on File Publications. N.Y., 1988.
16. IMF. Directory of Trade Statistics.
17. Middle East Economic Survey (MEES), 1996.
18. Syria: Country Report. Economist Intelligence Unit (EIU). London, May, 2002.
19. 19. Syrie. Bureau des documentations syriennes. Syrie. Loi. Code du travail et ses amendements. Loi № 279 du 11.06.1946. Damas, 1957.
20. UNCTAD. World Investment Report, 30.09.1996.
21. US Energy Intelligence Agency. Country analysis brief. Syria. 1999.

Библиография

22. Middle East Intelligence Bulletin (MEIB), v.2, № 6, July; v.2, № 7, august, 2000;v.3 № 7, July, 2001; v.4, № 3, March-April, 2002.
23. Middle East Economic Digest, 22.12.2000.
24. The Encyclopedia on Islamic Movements in the Arab World. Beirut: The Centre for Arab Unity Studies, 2013.
25. The Syria Report, 10.01.2002.
26. Middle East Insight, September October, 1994,
27. The Middle East, October, 1994.
28. Jane's Intelligence Review, 1995.
29. Center for Strategic Studies. Jordan. Analytical Report Amman, 2001. The Dayan Center for Middle Eastern and African Studies. Tel-Aviv University, December 1984.
30. Al-Mesbar Studies & Research Center, Second edition. .Dubai February 2001.
31. *Carnegie Middle East Center*, 2012.-2017.
32. Аль-Маджмуа Аль-Ихсайя. Аль-Мактаб аль-марказий ли-ль-ихса. Димашк., 1980, 1981, 1985, 1986, 1988.1999, 2011.
33. Ат-Таадад аль-амм ли-с-суккан ам 1960. Аль-Мактаб аль-марказий ли-ль-ихса. Димашк., б. г.,
34. Ат-Таадад аль-амм ли-с-суккан ам 1970. Аль-Мактаб аль-марказий ли-ль-ихса. Димашк., б. г.
35. Ат-Таадад аль-амм ли-с-суккан ам 2004. Аль-Мактаб аль-марказий ли-ль-ихса. Димашк., 2007.
36. Натаидж бахс аль-айяна ас-сукканийя ли-ль-кувва аль-башарийя ва кувват аль-амаль фи-ль-кутр аль-арабий ас-сурий ли ам 1979. Аль-мактаб аль-марказий ли-ль-ихса. Димашк., 1980.
37. Хизб аль-баас аль-арабий аль-иштиракий. Аль-муатамар аль-кутрий ас-самин. Димашк, 1985.
38. Нашра Натаидж Таадад Ас-суккан ва Аль-масакен ли ам 2004 аля Мустава Аль-манатгык ва Ан-Навахи. Аль-Мактаб Аль-марказий ли-ль-ихса. Димашк, .2007
39. Аль-Марказ Аль-Иктисадий Ас-Сурий, Димашк, 2004.
40. Аль-Марказ Ад-Дирасат Аль-Исламийя. Димашк. .2006.

Монографии и статьи

41. Аналитические записки. М., 2004.
42. Ахмедов В.М. Армия и арабские революции на Ближнем Востоке. В Сб. «Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше? ИВ РАН. М., 2012.
43. Ахмедов В.М. Сирия на рубеже столетий. Власть и политика. ИБВ., М., 2003.
44. Ахмедов В.М. Роль исламского фактора в общественно-политическом развитии арабских стран Ближнего Востока и его эволюция в условиях сирийского восстания.(90-е гг. XX – начало XXI вв.) ИБВ. Москва. 2015.
45. Бартольд В.В. Работы по истории ислама и арабского халифата. Т. 4. Москва, 1966.
46. Беляев И.П., Примаков Е.М. Египет: время президента Насера, М., 1974.
47. Вавилов В.В. Социально-экономические преобразования в Сирии. М., 1972.
48. Викторов В.П. Экономика современной Сирии. М., 1968.
49. Гатауллин М.Ф. Сирия. М., 1956.
50. Гучетль Г.И. Демократизация в арабском мире: опыт Туниса и Сирии. М., 1999.
51. Исаев В. А. Планы социально-экономического развития в промышленной стратегии Сирии. Ближний Восток и современность. № 7, М., 1999,
52. Каменский Г.В. Партийная система Сирийской Арабской Республики. М., 1982.
53. Косач Г.Г. Красный флаг над Ближним Востоком. М., 2001.
54. Котлов Л.Н. Становление национально-освободительного движения в арабских странах Азии, 1908–1914 гг. М., 1986.
55. Левин З.И. Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте (Новое время). М., 1972.
56. Луцкий В.Б. Новая история арабских стран. М., 1965.
57. Мирский Г.И. «Третий мир». Общество, власть, армия. М., 1976.
58. Мирский Г.И. Роль армии в политической жизни стран «третьего мира». М., 1989.

Библиография

59. Пир-Будагова Э.П. Исторический очерк. Сирия. Справочник. М., 1992.
60. Пир-Будагова Э.П. Сирия (в соавторстве с Ахмедовым В.М.). История Востока в новейший период (1945–2000 гг.). М., 2008.
61. Примаков Е.М. Анатомия ближневосточного конфликта. М., 1978.
62. Риф'ат Али Асад. Социально-экономическое развитие Сирии в период 1946–1963 гг. Канд. дис. М., 1974.
63. Филоник А.О. Аграрные проблемы современной Сирии. М., 1981.
64. Хасянов А.Ж. Формирование политических партий, их концепции и политическая стратегия в современной Сирии (сер. 40-х – сер. 80-х гг. XX в.) Автореф. канд. дисс. М., 1998.
65. Юрченко В.П. Сирия: проблемы национальной безопасности. М., ИБВ, 2004.

66. Antonius George. The Arab Awakening. L., 1938.
67. Armed Forces in the Middle East. L., 2002.
68. Baidatz Y. Bashar's First Year: from Ophthalmology to a National Vision, 2001.
69. Batatu H. Some Observation on the Social Roots on Syria's Ruling Military Group and the Causes of its Dominance. Middle East Journal, 1981, v. 35, no. 3.
70. Be'eri E. Army Officers in Arab Politics and Society. N. Y, L., 1970.
71. Balanche F. Communautarisme en Syrie lorsque le mythe devient realite. Confluenas Mediterranee 89 (Spring 2014) <https://www.cairu.info/revue-confluenas-mediterranee-2004-2-page-29htm>.
72. Contemporary Syria. Liberalisation. Between Cold War and Cold Peace. L., 1994.
73. Cordesman A.H. If Its Syria: Syrian Military Forces and Capabilities. CSIS. Wash., 2003.
74. Cordesman A.H. Israel and Syria: The New Strategic and Military Realities after the Death of Hafes Assad. CSIS. Wash., 2000.
75. Nikolaos Van Dam. The Struggle for Power in Syria. Sectarianism, Regionalism and Tribalism in Politics, 1961–1980. London, 1981.
76. Dawish A. Syria Under Asad, 1970–1978. The Centers of Power. Government and Opposition, vol. 13, n. 3, Summer, 1978,

Библиография

77. Devlin J.F. Syria: Modern State in an Ancient Land. Boulder, 1983.
78. Devlin J.F. The Ba'th Party. A History from its Origins to 1966. Stanford, 1976.
79. Drysdale A. Armed Forces in National Syrian Policy. A Confessional Factor. Wash., 1982.
80. Drysdale, A. Hinnenbush R. Syria and the Middle East. Process. N.Y., 1991.
81. Drysdale, Alasdair. The Syrian Political Elite, 1966–1976: A Spatial and Social Analysis. Middle Eastern Studies, vol. 17, n. 1. 1981.
82. Dusen Van M. Political Integration and Regionalism in Syria. The Middle East Journal, № 2. 1972,
83. Efrat M. Syria: Economic Development, Achievements, Problems and Prospects. Modern Syria from Ottoman rule to pivotal role in the Middle East. Brighton, 1999.
84. Faksh Mahmud A. The Alawi Community of Syria: A New Dominant Political Force. Middle Eastern Studies, vol. 20, № 2, April, 1984.
85. Foley T. Syria and the Middle East. Political Affairs. N.Y., 1968.
86. George Alan. Syria: Neither Bread nor Freedom. L., NY., 2003.
87. Gubser P. Minorities in Power: The Alawites of Syria. The Political Role of Minority Groups in the Middle East. N.Y., 1979.
88. Itani F. Losing Syria and Iraq to Jihadists. Issue in Focus. Atlantic Council, June 27, 2014
89. Haddad, G. Revolutions and military rule in the Middle East, N.Y., vol. 2. 1971,
90. Hanna Batatu. Syria's Peasantry, the Descendants of its lesser rural notables, and their politics. Princeton, 1999.
91. Hinnebusch R.A. Asads Syria and the New World Order: The struggle for regime survival. Middle East Policy, 1995.
92. Hinnebusch R.A. Syria. Economic and Political Liberalization in the Middle East. L., 1993.
93. Hinnenbush R.A. Authoritarian Power and State Formation in Ba'thist Syria: Army, Party and Peasant. Boulder, 1990.
94. Hinnenbush R.A. State and Civil Society in Syria // Middle East Journal, vol. 47, n. 2, spring. 1993,
95. Hinnenbush R.A. State and Islamism in Syria. Islamic Fundamentalism. Boulder Co., 1996.

Библиография

96. Hinnenbush R.A. Syria. Revolution from above. L., N.Y., 2002.
97. Hof F.C. Syria: Is the Revolution Finished? MENA Source (blog), Atlantic Council, May 15, 2014, <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/menasource/syria-is-the-revolution-finished>.
98. Karsh E. The Soviet Union and Syria. The Asad Years. L., 1988.
99. Kaylani N.M. The Rise of the Syrian Ba'th, 1940–1958: a Political Success, Party Failure. International Journal of Middle East Studies, № 1.1972,
100. Jones K. US Lacks Responsible Foreign Policy To Deal With ISIS. News Blaze, September 01, 2014.
101. Kelidar A.R. Religion and State in Syria. Asian Affairs, vol. 61, part I, Feb., 1974,
102. Khoury Ph.S. Factionalism among Syrian Nationalists during the French Mandate. International Journal of Middle East Studies, Nov., 1981.
103. Kienle E. Ba'th against Ba'th. L., 1990.
104. Kramer Martin. Syrias Alawis and Shiism. The Dayan Center for Middle Eastern and African Studies. Tel-Aviv University, December 1984.
105. Ma'oz M. Asad. The sphinx of Damascus. A political bibliography. L., 1988.
106. Lund Aron, Struggling to Adapt: The Muslim Brotherhood in a New Syria. The Muslim Brotherhood in a New Syria http://carnegieendowment.org/files/Brief_Lund-Syrian_MB.pdf May, 2013.
107. Lister Charles and Nelson Dominic All the President's Militias: Assad's Militiafication of Syria. Middle East Institute.. 2017.
108. Ma'oz M. Modern Syria: From Ottoman Rule to Pivotal Role in the M.E. Brighton, 1999.
109. Ma'oz M. Syria under Asad: Domestic Constraints and Regional Risks.L., 1986.
110. Najib Ghadbian. The Syrian Islamic Movement and the Prospects for Democratic Transformation in The Muslim Brotherhood in Syria: the Resistance of the Sect and the Violence of the Movement. Dubai: Al- Mesbar Studies & Research Center, Second edition, February 2001
111. Phillipe Droz-Vincent. Syrie: La nouvelle generation au pouvoir. Monde Arabe: Maghreb-Machrek, № 173, 2001.
112. Phillips Christopher. "Sectarianism and Conflict in Syria. Third World Quaterly 36, No 2, 2017.

Библиография

113. Quillian Neil. Syria: Adjusting to the New World Order. Working Paper, Durham: Center for Middle East and Islamic Studies, 1994.
114. Rabinovich Itamar. Syria under the Ba'th. 1963–1966. N.Y., 1972.
115. Rabinovich Itamar. Syria under the Bath 1963–1966. The Army-Party Symbiosis. Jerusalem, 1972.
116. Roberts D. The Ba'th and the Creation of Modern Syria. L., 1987.
117. Seale P. Asad of Syria. The Struggle for the Middle East. L., 1988.
118. Seale P. The Struggle for Syria. A Study of Post War Politics. 1945–1958. L., 1965.
119. Syria under Asad: Domestic Constraints and Regional Risks. L. and Sydney, 1986.
120. Salah Nayouf. Political Islam in Syria: a Knowledge Map in The Muslim Brotherhood in Syria: The Resistance of the Sect an the Violence of the Movement. .Dubai: Al Mesbar Studies & Research Center, Second edition, February 2001.
121. Van Dusen M.H. Intra and Inter-Generational Conflict in the Syrian army. PhD dissertation, Baltimore, Maryland, 1971.
122. Volker Perthes. The Political Economy of Syria under Asad. L., 1997.
123. Wedeen Lisa. Ambiguities of Domination: Politics. Rhetoric and Symbols in Contemporary Syria. Chicago, 1999.
124. Zisser E. Decision Making in Arabs Syria. Wash., 1998.
125. Zisser E. The Syrian army: between the domestic and the external fronts. Middle East Review of International Affairs (MRIA). V. 5, № 1, march, 2001.
126. Zelin Aaron Y. The Syrian Islamic Front: A New Extremist Force: Policy Watch., February 4., 2013.

127. Abdurrahman al-Haj. Al-Salafiyah wa Salafiyun fi Soria: min al-Islah ila al-Jihad. Al-Jazeera Net, 20 May 2013
128. Аль-Кади Хусейн. Аль-ислах аль-иктисадий фи сурия. Иля айна? Димашк, 2002.
129. Аль-Мусалля Мухаммед. Ихса ли-т-таваиф фи сурия. 12.02.2006 www.amude.net/Nivisar_Munteda_deep.php?newsLanguage=Munteda&newsId=4431.

Библиография

130. Дандашлы М. Хизб аль-баас аль-арабий аль-иштиракий: аль-идулуджийя ва-т-тарих ас-сийаси (1940–1963). Аль-джузу аль-аввал, Damascus. 1979.
131. Нидаль хизб аль-ба'ас аль-арабийя ва-л-иштиракийя. 1945–1980. Дамаск, 1981.
132. Нидаль хизб аль-баас аль-арабий аль-иштиракий. Дираса тарихийя тахлилийя муджаза ли нидал хизб аль-баас аль-арабий аль-иштиракий (1943–1975), б. м., б. г.
133. Салих Ясин Аль-Хадж. Аль-акалийят хейр маужуда фи сурия. 22.02.2006 www.ahewar.org/debat/show.art.asp?aid=57826

Периодические издания и интернет ресурсы

132. Азия и Африка сегодня.
133. Восток: афро-азиатские общества: история и современность.
134. Дипкурьер НГ.
135. Мировая экономика и международные отношения. М.
136. Agence France Press.
137. Articles et Documents. Paris.
138. Associated Press.
139. BBC World Service.
140. Cahiers de l'Orient contemporain. Paris.
141. Current History, N.Y.
142. Daily Star. Lebanon.
143. Elaph. London
144. Etudes Mediterannees. Paris.
145. Foreign Affairs.
146. Gumhuriyet. Turkey.
147. IRNA. IRAN
148. Islamic Review and Arab Affairs. L.
149. Jordan Times. Amman.
150. Le Figaro. Paris.

Библиография

156. Mehr. IRAN
157. Middle Eastern Affairs. N.Y.
158. Middle Eastern Studies. N.Y.
159. New York Times. N.Y.
160. Nobelnews. Lebanon.
161. Radio Monte Carlo. Paris.
162. SANA. Damascus.
163. Syria Times. Damascus.
164. Teheran Times. Iran.
165. The Arab World. Beirut.
166. The Middle East Journal. Wash.
167. The New York Times.
168. Orient TV. USA.
169. The Times. L.
170. The Washington Post.

171. Абъяд ва Асад. Дамаск.
172. Ад-Думари. Дамаскю
173. Ад-Дустур. Амман.
174. Аз-Заман. Турция.
175. Аль-Ахбар. Бейрут.
176. Аль-Ахрам. Каир.
177. Аль-Баас. Дамаск.
178. Аль-Баян Аль-Имаратий. ОАЭ.
179. Аль-Васат. Лондон.
180. Аль-Ватан. Дамаск.
181. Аль-Вахда. Дамаск.
182. Аль-Марказ Аль-Иктисадий Ас-Сурий, Димашк.
183. Аль-Джазира. Катар.
184. Аль-Иктисадийя. Дамаск.
185. Аль-Кудс Аль-Арабий. Лондон.

Библиография

186. Аль-Мунадыль. Каир.
187. Аль-Мухаррир Аль-Арабий. Дамаск.
188. Аль-Хаят. Лондон.
189. Ан-Наср. Дамаск.
190. Ан-Нахар. Бейрут.
191. Ан-Нахар. Дамаск.
192. Ан-Нур. Дамаск.
193. Ар-Рай Аль-Амм. Кувейт.
194. Ар-Райя. Бейрут.
195. Ар-Рая Аль-Катарийя. Катар.
196. Ас-Сарха. Дамаск.
197. Ас-Саура. Дамаск.
198. Ас-Сафир. Бейрут.
199. Ас-Сахафа. Дамаск.
200. Аш-Шарк Аль-Аусат. Лондон.
201. Джейш Аш-Ша'аб. Дамаск.
202. Кейхан. Тегеран.
203. Нидаль аш-шааб. Дамаск.
204. Сада Аль-Биляд. Дамаск.
205. Тишрин. Дамаск.

206. *Carnegie Middle East Center*. <http://carnegie-mec.org/publications/>.

207. *Официальные сайты ряда исламистских движений, партий, вооруженных отрядов:*
<https://docs.google.com/document/d/1fACS9tltlmZDmomlB1ZtiJLZaAckWOT0yhtRwoskgfю>
www.ahraralsham.com/
www.facebook.com/ifajr
[http:// syrialiberationfront.com](http://syrialiberationfront.com); <http://lewaaltawheed.com/> <http://www.al-farok.com/>.

Библиография

<https://www.facebook.com/ALFAROQISLAMIC>.
www.asala-tanmia.com.
www.al-farok.com/archives/1264;
<http://tinyurl.com/o4a8zxo>; <http://www.youtube.com/watch?v=eIldcfDTPOE>.
[http:// syrialiberationfront.com](http://syrialiberationfront.com)

208. Институт Ближнего Востока. <http://www.iimes.ru/>.
209. Аль –Джазира. <http://www.aljazeera.net/news/pages/>.
210. Аль-Элаф. <http://elaph.com/Web/news/>.
211. News Blaze. <http://newsblaze.com/>.
212/ Middle East Institute. <http://www.mei.edu/>.

About the author/Об авторе

Dr. Vladimir Akhmedov (Ahmedov) [Владимир Ахмедов] is a Russian scientist, orientalist, Middle East political analyst, Senior Researcher at the Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences. His specialization is modern history of Arab countries.

He received his Ph.D. from the Institute of Asian and African Studies of Moscow State University. After that he held positions in the Russian diplomatic missions in Arab countries and traveled extensively in the Middle East. Vladimir Akhmedov worked as a professor in the Military University of the Russian Ministry of Defense (2001–2003), in the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (2004–2007). He is fluent in Arabic and English.

He is an author and editor of 12 books and more than 300 articles on contemporary Arab politics and international relations in the Middle East. But Syrian thematic comes as a “core point” in his studies. His well-known publications include:

- “Contemporary Syria: Industry. Labor Forces. Trades Unions” (1991);
- “Syria on the turn of the centuries” (2003);
- “Army and Power in the Middle East” (as editor and author of “Armed Forces and Politics in modern Syria”) (2002);
- “Syria under Basher Assad. Regional experience of modernization under the conditions of external instability” (2005);
- “Socio-political processes in the Arab countries of the Middle East” (2008). In this book, he predicted the possibility of an Arab uprising in the first decade of XXI century.
- “Contemporary Syria: History, Politics, Economic” (2011) is an academic study of political developments in Syria at the turn of XX – XXI cents.
- “The role of Islamic factor in socio-political developments of the Arab countries in the Middle East and its evolution in context of the Syrian uprising” (2015) is complex research of «Islamist phenomena” in the Arab uprising.

* * *

Владимир Муртузович Ахмедов родился в 1960 г., в 1983 г. окончил историко-филологический факультет ИСАА при МГУ, в 1986 г. – аспирантуру ИСАА при МГУ. Продолжительное время учился и работал в арабских странах Ближнего Востока, свободно владеет арабским и английским языками.

Библиография

В Институте востоковедения РАН работает с апреля 2001 г., специализируясь на изучении новейшей истории Ближнего Востока с упором на военную, общественно-политическую и исламскую проблематику арабских стран. Участник многочисленных отечественных и нескольких международных конференций и симпозиумов. Автор монографии: «Роль исламского фактора в общественном развитии арабских стран Ближнего Востока и его эволюция в условиях сирийского восстания (90-е гг. XX – начало XXI вв.)». Кроме того, за те же отчетные годы В.М. Ахмедовым были опубликованы 220 работ общим объемом 76 п.л. Это главы в коллективных монографиях, статьи в сборниках Института, в периодических изданиях, а также размещенные в интернет-изданиях статьи, заметки, комментарии на русском, английском и арабском языках, в частности по текущим событиям в Сирии.

Аннотация

Монография В.М. Ахмедова «Сирийское восстание. История Политика Идеология» подготовлена в Институте Востоковедения РАН и посвящена комплексному исследованию охватившего Сирию в марте 2011 г. восстания вплоть до июня 2018 г. Автор исследует исторические предпосылок восстания. Он выделяет его основные этапы, движущие силы и участников. В.М. Ахмедов подводит предварительные итоги восстания и определяет возможные перспективы его развития. Научная новизна работы определяется тем, что, несмотря на наличие ряда публикаций в отечественной востоковедческой литературе по предлагаемой теме, комплексные исследования различных аспектов восстания и сопутствовавших ему социально-политических процессов не только в Сирии, но и в целом на Арабском Востоке встречаются достаточно редко. Между тем, рассматривая проблемы эволюции сирийского восстания и политической ситуации на Ближнем Востоке, можно назвать современный период его развития переломным. Подобное развитие событий во многом определяется ходом гражданской войны в Сирии, в которую оказались активно вовлечены силовым путем крупные международные и региональные державы. Автор подробно исследует основные этапы сирийского восстания, анализирует его социально-политические и идеологические предпосылки на основе принципов историзма. Использует методы сравнительного анализа, а также нередко прибегает к инструментарию политологии и социологии. Автор констатирует, что в результате длящейся более 7 лет гражданской войны в Сирии ее политическая система оказалась фактически разрушенной и ее предстоит отстраивать заново. В этой связи автор рассматривает в краткой исторической ретроспективе процесс политического становления, формирования и эволюции современных институтов государства в Сирии при правлении Асадов. Исследуя особенности современного состояния гражданской войны в Сирии, автор подробно анализирует исторические предпосылки появления в Сирии радикального ислама, детально показывает историю, идеологию, политику, состав отрядов исламистской оппозиции в Сирии, основу которой составляет движение провинциального салафизма. Подробно рассматривается место армии в политической системе Сирии и его эволюция в условиях восстания. Анализируется роль военных на различных этапах сирийского восстания. В этой связи автор рассматривает основные средства политического контроля над

силовыми структурами Сирии. Он так же показывает, насколько они оказываются эффективными в условиях сегодняшнего этапа сирийского кризиса и вмешательства в конфликт внешних сил. Важное место в работе уделено рассмотрению роли внешнего фактора в сирийском восстании. Автор подробно исследует ведущую сегодня борьбу за Сирию и перспективы политического решения сирийского кризиса. В.М. Ахмедов показывает роль России в сирийских событиях и предлагает различные варианты решения сирийского кризиса в целях удержания Москвой своего первенства в Сирии, особенно на этапе политического урегулирования. Основные выводы исследования даются через призму интересов России в Сирии и на Ближнем Востоке, в целом. Решая поставленные в работе задачи, автор опирался на материалы ближневосточной действительности, хорошо знакомые ему в период учебы и работы в Сирии, а также ряд своих ранее опубликованных материалов по данной теме * переработанных и переосмысленных с учетом новых сирийских реалий. Он использовал опыт командировок в другие страны Ближнего Востока и ряд государств Западной Европы в 1990-х – 2017-х г.г. В.М. Ахмедов отталкивался от достигнутого уровня научного осмысления социально-политического процесса в государствах Ближнего Востока и общих закономерностей современного развития арабских стран. Большую пользу принесли многочисленные личные беседы с представителями разнообразных профессиональных и общественно-политических групп населения Сирии, Египта, Саудовской Аравии, Ливана, других стран региона. Новая работа В.М. Ахмедова рассчитана на широкий круг читателей. Но сориентирована прежде всего на ученых и практических работников, интересующихся проблематикой Ближневосточного региона.

* См., например, В.М. Ахмедов. Сирия. В Сб. «Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше? С. 305-321. ИВ РАН. М., 2012.

Summary

The seven-year armed conflict in Syria is one of the major issues shaping the contemporary Middle East and impacting the fundamental nature of international relations. The Syrian revolution, which began in March 2011, later degenerated into a bloody civil war that has pushed the country into both a secessionist upheaval and the breakdown of the population's national identity. Both the duration and complexity of reconciling the Syrian crisis rely on a sequence of fundamental factors.

Those factors and many others formed a subject of academic research by V.M. Akhmedov (Ph.D.), senior researcher in the Moscow based Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science in his new book "Syrian Uprising: history, politics, ideology".

The author shows that Syria's former political system and its institutions have been practically annihilated and the country's new environment has rendered them incapable of having an impact on the conflict without foreign assistance, to say nothing of supporting peace, stability, and growth. V.M. Akhmedov exams the distinctive feature of the previous political model in Syria represented by its traditional authoritarianism and stable security environment. Indeed, civilian-military relations in the Syrian Arab Republic during the last 40 years were mainly dictated by the military's priorities in the framework of the country's critical internal and foreign policies. Control during the current crisis has been transferred into the hands of the armed forces, which in effect means the intelligence services. Indeed, the intelligence services determined and continue to assess the future of the regime as well as Syria as a whole.

V.M. Akhmedov investigates the behavioral patterns of various governmental institutions in the framework of a well-structured and vertically-integrated political model that was driven by directives prescribed from above. The actual regime sustained the radicalization of Syria's conflict and its mutation into an inter-religious struggle.

The first and hardest blow was delivered to the secular and democratic forces, as seen by the experience of those who participated in the street protests of 2011. Those who in March 2011 took to the streets of Syria's cities demanding reforms and liberties came to face the harsh dilemma of whether to halt their peaceful protests or to take up arms. The growing coercion and brutality of the government to the peaceful civilian population compelled many, especially the young, to join up the armed struggle.

The author shows that those who took up arms soon enough became dependent on those who could supply the weapons. Such assistance was made available at the cost of loyalty to the Islamist resistance, first of all, manifested by the name of the squadron and by individual behavioral patterns (for instance, following Sharia) in the liberated territories. In a context of asymmetric warfare where the regime was using air strikes and artillery to bombard occupied neighborhoods, and where the resistance was severely in need of additional arms and ammunition, suicide bombers became the only viable means of offsetting the government's forces on the battlefield. Relying on this type of attack intensified the deployment of Jihadi brigades among the armed resistance, and led to their initial popularity in the liberated neighborhoods. Bashar Assad had to enlist Lebanese, Iraqi, and Iranian mercenaries, which was prompted by the high level of losses among the national military, as well as the lack of combat experience among the newly-recruited soldiers. This measure legitimized the involvement of jihadists from other Arab countries.

An official report issued by the Free Syrian Army in January 2014 indicated that the losses suffered by government forces during the conflict amounted to some 65,000 soldiers. It is necessary to note that overall, some 100,000 soldiers and officers had deserted as of February 2013. According to various appraisals, without the assistance of its allies, the regime would have suffered an overwhelming defeat by 2011–2012. To remedy the situation, in 2013 the government began training new armed troops based on militia formations.

V.M. Akhmedov exams how the National Democratic Forces (NDF), the Kuvvat an-Nimr, and the Suqour al-Sham Brigade were formed during that period. Typically, the initiative behind the creation of these divisions belonged essentially to high-ranking Alawite businesspeople and retired Syrian intelligence officers close to the regime. At the outset, these regiments were similar to private armies (though they were based on religious or ethnic principles) but subordinated to the central command.

V.M. Akhmedov is studying the factors that have led to a decrease in the effectiveness of their military operations, as well as to the decline of confidence and support from the Syrian people. Nevertheless, these regiments carried out some successful operations against the armed opposition in various regions of the country. By the end of 2015, the number of soldiers inside such armed formations, according to numerous estimates, ranged from 35,000 to 40,000.

It was only after the appearance of Russia's air force that the situation began improving. In 2015, under the leadership of Russian and Iraqi consultants, the regime started to create its fourth and fifth army corps, which integrated the units.

Notwithstanding these measures, by the Autumn of 2015, the number of Syrian government soldiers totaled no more than 100,000, while at the beginning of the conflict this figure was closer to 300,000. It is not surprising that by October 2015, the Syrian regime controlled no more than 20% of the country's territory and could not endure without support from abroad.

The author states that under such circumstances, Assad chose to request assistance from foreign countries. This assistance was mostly made up of Lebanese Hezbollah combat units, representing (according to various assessments) some 10,000 to 14,000 soldiers, as well as Iraqi Shiite al-Abbas militarized brigades (several thousand soldiers) commanded by the elite Iranian Republican Guard Al-Quds, which were under the command of General Qasem Suleimani. According to sources from the Syrian armed opposition, the general was responsible for the defense of Damascus and its outskirts. Data regarding the number of Iranian military counselors and specialists fighting for Assad is somewhat contradictory and inaccurate. However, many experts consider that their overall number is no higher than 15,000.

In the last two years, Iran has created its Syrian army, Djeish Tahrir al-Sham, which numbers up to 5,000 soldiers and mostly consists of Shiite mercenaries from Iran and Afghanistan, some Arab countries, and a small number of Syrians. According to data from the Syrian opposition, some 60–62 Shiite militia combat formations are operating in the country. Typically, those opposing the Free Syrian Army consist of deserted soldiers and officers, militia detachments, and number no more than 30,000–35,000 soldiers. The lack of arms and ammunition from their Western allies (mainly from the United States, the United Kingdom, and France) made it extremely difficult to counter even the weakened army of the regime, not to mention the Lebanese, Iranian and Iraqi Shiite armed units. Indeed, The Free Syrian Army would have been difficult to cope with Syrian government forces without the support of the so-called Islamist armed opposition, which had 70,000 or 80,000 fighters in 2013–2015.

An author studies the Free Syrian Army and its civil, nationalist nature, as well as the Islamists who did not require any additional support in funding or arms, because both provided Arab Gulf monarchies, primarily Saudi Arabia. The lack of reaction by the international community was notable; it was powerless to counteract the harsh measures adopted by the Syrian regime. V.M. Akhmedov investigates the circumstances as mentioned earlier that fractured the radical Islamist opposition and disrupted the political debate, which was unable to rally the forces of armed resistance based on a patriotic concept and a political program. Two particularities that render the Syrian conflict difficult to resolve are its internationalization and unprecedented duration. Indeed, the development of the military conflict was facilitated by deeply entrenched internal processes that secretly ripened for several

years and surfaced at a decisive moment for the country and its citizens. V.M. Akhmedov categorized the makeup of the Syrian uprising by the traditional distinction between the country's urban and rural environments, as well as the role of the rebellion in the outlying regions (at least during its early stages). It is well-known that the provincial centers were the breeding grounds of the revolution. The author explains these phenomena of the Syrian uprising by the fact that the army and the security forces initially lost their influence among the population precisely in those centers. Also, there was a sudden deterioration in the socio-economic status of people on the periphery due to several years of dry periods, as well as a crippling drought in 2010. Thereby some one million bankrupted farmers and unemployed villagers began moving to Syria's major population centers right before the uprising. The privatization policies adopted by the government in the mid-2000s engendered a sharp polarization among the population and led to the impoverishment and marginalization of the masses on the periphery. The regime's policies supporting the Islamic resistance in Palestine and Lebanon invigorated the conservative religious atmosphere in the depressed rural areas. As a result, the populations in these areas were the most receptive to radical initiatives.

V.M. Akhmedov shows how the role of moderate Islam began to fade, and the population began to perceive the government's extreme policies and ideology in a negative light. This situation proved most fertile for the outbreak of Islamism, and the measures that were adopted by the government in response to the uprising only strengthened its appeal. Such an environment among the population served as the perfect matrix for the proliferation of jihadist ideas, whether they were bred locally or imported from abroad.

V.M. Akhmedov studies how representatives from this group of the population settled in the outskirts of Syria's major cities over several years and served as a catalyst for the Syrian uprising. The most radical representatives of this new urban periphery established their *modus vivendi* and demanded the overthrow of the regime (these people had migrated from distant villages in the mountains over a half-century earlier and had occupied the cities).

Book author perceives that the Syrian crisis brought some new social forces to the political stage and exposed an array of severe social contradictions, as well as clannishness and religious and ethnic conflicts that had been concealed and muted by the regime. The Syrian community began fragmenting in light of the escalation of the crisis, and in the process increased the overall pro-Islamic disposition in the country. Eventually, the Syrian nationalist movement, inspired by the Arab Spring, took on some fundamental religious traits and its secular composition practically vanished. Many social groups at the forefront of the armed struggle began perceiving

the governing regime as collaborating with Iran, Israel, and other influential neighboring powers, with the goal of subjecting and subordinating Syria to foreign dominance. This position became the motivation behind the struggle to overthrow the governing regime. Once the Syrian uprising at the end of 2011 began to transform into an armed conflict, the position of the armed opposition, including Islamic militants, began solidifying.

V.M. Akhmedov thoroughly studies the nature of Islamists armed opposition, its origin, and ideology. Based on various assessments, in 2012 there were some 12,000 armed units in Syria – some moderate, others radical. By the end of 2016, the number of units had shrunk substantially. Some were annihilated in combat, while others dissolved on their own and ceased to exist as independent combat units. Others were assimilated by superior forces such as the Islamic State, Jaysh al-Islam, Jaish Fateh al-Sham, Ahrar al-Sham, Suqour al-Sham, Feilakh al-Sham, the Free Syrian Army, and others. New regiments surfaced in early 2015–2016, which mostly comprised former joint military headquarters and units, including Jaysh an-Nasr (a division of the Free Syrian Army), which consists of Jabhat al-Shamiyah, Jaysh al-Izza, the Falcons of al-Ghab, and 13 more units, as well as the New Syrian Army (mainly based on Kurdish resistance units), and others.

Due to the fragile situation on the Syrian front and the fast-changing political discourse regarding the country, it was somewhat difficult to determine the exact number of armed units representing the Syrian opposition. Most experts believe that there are currently some 100–120 active armed opposition units in Syria (including the Islamic State and al-Nusra) that comprise no less than 70,000 professional and heavily armed soldiers. The current opposition forces are changing its social matrix, ideological concept, political orientation and primary goals and objectives. However, it must be noted that key parameters of opposition have practically remained unaffected from the time of its formation in the first half of 2012.

V.M. Akhmedov shows that the backbone of many of the Islamic armed opposition units consists of Salafis, and a good part of them remain faithful (to varying degrees) to the jihadist ideology. The most evident jihadist group is Jabhat al-Nusra. Most of these formations supported the idea of the creation of an Islamic state based on Sharia law in Syria.

An author attempts to prove that such an approach could have been adjusted by the position that these movements and units have adopted in their relationship with the Syrian foreign opposition. Most of these factions, including those that cooperated with the Free Syrian Army, experienced an absolute lack of confidence about the Syrian opposition that was operating abroad. Indeed, any attempt by the opposition from abroad to impose its influence was greeted with suspicion. This circumstance complicated the

opposition's mutual relations with the Free Syrian Army and the National Coalition for Syrian Revolutionary and Opposition Forces.

V.M. Akhmedov considers that the Islamist component of the Syrian uprising has undergone a significant transformation in recent years, especially regarding the unique makeup of the Syrian revolution. He thinks that the Islamist phenomena might fade away with the cessation of hostilities and the country's return to peace cannot be excluded since its motivation is the civil war.

Even though the ideas of jihadists currently prevail in Syria, embodied in the activities of the Islamic State and Jaishe Fateh al-Shama (formerly known as al-Nusra), it is unlikely that moderate Islam in Syria has disappeared and is not able to reborn. We should not exclude that in the event of a cessation of hostilities and the implementation of specific political prerequisites, moderate Islam may have a positive impact on the Syrian community and supplement the creation of new social ideology.

V.M. Akhmedov investigates the role of external factors in the fight for Syria. He says that following the failures of the Geneva I Conference on Syria (June 2012), as well as Geneva II (January 2014), and Geneva III (February-March 2016), an interesting trend appeared among the Syrian conflict's major foreign armed players. This trend was expressed by a shift in priorities regarding relations with Assad and the militant Islamist opposition in the context of mutual efforts towards the inception of a roadmap for Syrian reconciliation. This primarily regards the shift in direction by the US, several of its major allies in western Europe, and the Middle East. Inspired by the military achievements and the growing political influence of the armed Islamists in Syria, the West, and certain other allies, leaned towards prioritizing the liquidation of Syria's militant Islamists, followed by Assad's overthrow.

The prospect of reaching a peaceful solution in Syria was severely undermined by the rise of infighting due to religious, confessional, ethnic, and clannish principles, combined with the unprecedented internationalization of the conflict and the involvement of foreign armed troops.

The author shows in his study that today's power struggle between the regime and its armed forces on the one hand, and political opposition and local armed resistance, on the other side, has led to intense competition among world leaders and regional players for authority in Syria and the broader Arab world.

As a remarkable example, V.M. Akhmedov cited the role of Iran in Syria's armed conflict. Iran has played a significant role in preserving the current Syrian regime. In January 2012, the Central Bank of the Islamic Republic provided Syria with a multi-billion-dollar credit line, which allowed to pay the salaries of soldiers fighting the armed opposition. Iran also sent to Syria several thousand Lebanese Hezbollah soldiers, as well as consultants

and experts of elite brigades al-Quds and Shiite militiamen from Iraq and Afghanistan.

Iran's interest in Syria has a long history. Iran has always considered Damascus to be a vital component in the Tehran-Baghdad-Damascus-Beirut-Gaza axis of resistance aiming to restrain Israel's influence and spread its authority in the region by supporting Shiite communities throughout some Arab countries in the area.

Iran's influence in Syria increased substantially when Bashar al-Assad assumed Syria's presidency in June 2000, as well as during his subsequent significant reforms to Syria's military structures in 2004–2005. The climax of Iran's infiltration in Syria was reached in 2007–2009. During this period Iran signed a series of lucrative financial contracts with the new Syrian administration, as well as an agreement on military cooperation. This circumstance allowed Iran to infiltrate practically all of Syria's state institutions and to direct the disposition and views of the Syrian ruling elite. With the expansion of Syria's armed resistance, its subsequent degradation into a civil war, and the internationalization of its armed conflict, Iran perceived a threat to its interests and intensified its military presence by recruiting al-Quds, the Shiite militia, and most importantly of all, the Lebanese Hezbollah. Tehran also has plans to send Syria some 100,000 soldiers from the Basiz brigades and regular military units from the Iranian armed forces.

Notwithstanding such massive support from Iran, Assad's position at the end of the summer of 2015 was considerably weakened. According to data from the Russian Centre for Reconciliation of Opposing Sides in the Syrian Arab Republic (2017), in the Summer of 2015, the Syrian president controlled merely 14.5% of his territory. It is possible that the Islamic Republic of Iran may have concluded a secret agreement with the US in the framework of a broader deal on the future leading role of Iran in the Arab Middle East, bearing in mind the secret negotiations on Iran's nuclear program.

Many of Iran's actual foreign policies, including those regarding Syria, were designed by its internal security concerns and prioritized by its strong desire to reach the status of nuclear power, similar to Israel and Pakistan.

Because of this V.M. Akhmedov believes that Iran could perceive Syria as a trump card in a vast geopolitical game. At the same time, however, we should not overlook Iran's interests in Syria, which Tehran has considered a significant foothold for the expansion of its authority in the region.

V.M. Akhmedov studies the role of Russia in the Syrian crisis and all the complexity of Russian-Iranian-Turkish relations given resolving the Syrian conflict. He believes that the conflict in Syria and its surroundings changed radically with the involvement of Russia's Aerospace Forces. In less than a year, the territory under Syria's control grew to 35–40% of the country's area. Moscow became a crucial partner in the Syrian conflict, a situation

that the US, Europe, Turkey, Israel, and neighboring countries have been forced to acknowledge.

Notwithstanding the traditionally friendly relations between Moscow and Tehran, the involvement of Russia's military forces in Syria and Moscow's growing authority in the development of a new format of international relations has been justifiably perceived with some apprehension by Iraq and Turkey.

Iran, Turkey, and Saudi Arabia believe that their interests in both Syria and the Middle East, in general, are threatened by Moscow's course of action when it comes to preserving Syria's territorial sovereignty, Syrian state institutions, and its ceasefire. This also applies to Russia's insistence on the gradual withdrawal of all foreign armed troops from Syria to provide the Syrian population with the possibility to fashion their future in a peaceful environment, under a new transitional government.

The liberation of Aleppo—the stronghold of Syria's armed opposition—was the result of Russia's armed involvement in the Syrian conflict from the fall of 2015. It was essential for a December 2016 draft agreement between Russia and Turkey and a substantial part of the detachments that comprise Syria's opposition (some 60,000 armed soldiers). The essence of these agreements consisted of designing a plan to reach a peaceful Syrian solution. Subsequent meetings in Astana in 2017 included the governments of Syria and Iran.

V.M. Akhmedov studies the attempts made by Russia, Iran, and Turkey to resolve the Syrian conflict peacefully. He believes that the primary contributor to the design of some mechanisms guaranteeing the ceasefire and a peaceful resolution was made through the contact of Russia's military officers with the Syrian armed opposition. This resulted in the signature of critical agreements establishing the willingness of sure troops (between 50,000 and 60,000 soldiers) to support the Russia-Turkey agreement, conditional on some specific terms regarding a ceasefire in Syria and the implementation of a political settlement through the creation of a transitional government that would include the members of the political opposition. Representatives of nine units of the armed resistance joined the meeting in Astana, while some four additional groups assumed a wait-and-see attitude and sent their observers to the conference. The delegation from the Islamic armed opposition (Jaysh al-Islam, Ahrar al-Sham) was headed by one of its leaders, Mohammed Alloush. However, the draft documents from the meeting are indeed far from ideal. Notably, the ceasefire zone does not cover the entirety of Syria's districts. Additionally, the parties must still identify who will verify the ceasefire and by which methods, as well as determine which areas fall under whose responsibility in the process, their respective authorities and roles, and so on. The skepticism that prevails among the armed opposition

concerning the intentions of the ruling regime and Iran must also be surmounted.

V.M. Akhmedov states that notwithstanding the above, the consistent efforts of Russia, Ankara, and Tehran, as well as the succession of conferences organized in Astana, have all fostered a real basis for pursuing dialogue that may lead to Syrian reconciliation in a broader international format.

On the other hand, the Russia-Turkey plan for a peaceful settlement with a subsequent Syrian "political transition" is the only possible mechanism capable of reviving the current peaceful negotiations (similar to the UN resolutions from the Geneva negotiations). Some meticulous work remains about the troops of the armed opposition. It is essential to organize a comprehensive process for sustaining relations with all of the "healthy" forces in the Syrian political institutions and opposition for the mutual identification of a context that will streamline the activities of those militants who agreed to lay down their arms.

The author believes that it is of vital importance to actively incorporate the local coordination committees that have acquired invaluable experience in the organization of sustainable living in the "liberated" territories during the crisis. Critical organizational issues during the transitional period and formation of government institutions with their new content must be handled by the Syrians themselves using a broad public agreement allowing the parties to reach severe compromises under guarantees. Such an arrangement may lead to the adoption of a new constitution and a call for a constituent assembly that will elect the corresponding executive bodies for a transitional period. The process is complicated but feasible.

On the other hand, even if the identified objectives are achieved, it cannot be ruled out that Syria may face a series of military coups in the future, since there is nothing worse than unresolved issues that are exacerbated by long years of warfare, coupled with the bitterness of human loss. V.M. Akhmedov says this in his new book.

Научное издание

АХМЕДОВ Владимир Муртузович

**СИРИЙСКОЕ ВОССТАНИЕ:
ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, ИДЕОЛОГИЯ**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Корректор О. А. Емельянова
Верстка И. В. Федулов

Подписано 21.09.2018
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 12,25. Уч.-изд. л. 10,3
Тираж 500 экз. Зак. № 360.

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Федулов
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5

